

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Философский факультет

На правах рукописи

Яшин Артем Сергеевич

**Подходы к изучению агентности в современной аналитической
философии**

5.7.2. История философии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук,
Беседин Артем Петрович

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	5
Глава I. Проблема действия и каузальный анализ.....	18
§1. Современная аналитическая философия действия.....	18
1.1 Проблемы философии действия	18
1.2 История философии действия	26
1.3 Где философы ищут агентность?	33
§2. Современные каузальные теории действия	40
2.1 Намерения в философии действия	42
2.2 Метафизика КТД.....	55
§3 Проблема отклоняющихся каузальных цепей	71
3.1 Стратегии решения проблемы ОКЦ.....	73
3.2 ОКЦ и интерфейс мозг-компьютер.....	77
§4. Заключение главы	84
Глава II. Элиминация агентности. Работы Б. Либета, Д. Вегнера и М. Газзанига	88
§1. Эксперименты Б. Либета и его последователей	90
1.1 Произвольные движения	90
1.2 Эксперименты Либета и коллег.....	92
1.3 Последователи Либета.....	96
1.4 Что происходит в «либетовских» экспериментах?	100
1.5 Уроки «либетовских» экспериментов.....	114
§2. «Иллюзорность» действия по М. Газзанига и Д. Вегнеру.....	118
2.1 М. Газзанига и расщепленный мозг.....	119
2.2 Расстройства действия.....	120

2.3 Эксперимент “I spy” и «Иллюзия свободы воли» Вегнера	123
2.4 Уроки ретроспективного объяснения действия.....	126
§3. Заключение главы	128
Глава III. Феноменология агентности. Расширенная феноменология Т. Бейна, Т. Хоргана, М. Монтегю и других авторов	
§1. Расширенная феноменология	136
1.1 Феноменальные и интенциональные состояния.....	136
1.2 Когнитивная феноменология.....	138
1.3 Выводы о расширенной феноменологии.....	152
§2. Существует ли феноменология агентности?.....	155
2.1 Чувство агентности в когнитивной науке	156
2.2 Содержание феноменологии агентности.....	167
2.3 Аргументы в пользу существования феноменологии агентности.	186
§3. Заключение главы	193
Глава IV. Осведомленный агент.....	
§1. Структура осведомленности агента по Т. Бейну	199
1.1 Тетическая модель	201
1.2 Телическая модель	202
1.3 Бейн против телического содержания	204
1.4 Модель «тяги-толкай».....	207
1.5 Осведомленность о ментальных действиях	210
1.6 Fr-позиция относительно ощущения агентности	214
§2. Репрезентационная теория действия К. Баха	217
2.1 Структура действия по Баху	219

2.2	Необходимость рецептивных репрезентаций	222
2.3	Эффективные репрезентации.....	227
2.4	Модификация теории.....	230
2.5	Уроки теории Баха: действие и опыт	232
§3.	Заключение главы	234
	Заключение	239
	Список литературы	256

Введение

Актуальность темы исследования

Актуальность темы исследования определяется спецификой истории развития философских исследований проблематики агентности. На сегодня в литературе накопилось множество разнообразных и специфических для данной области проблем, для которых предлагаются разные решения. Подходы к решению проблем агентности требуют систематизации и изучения.

Исследования агентности – способности действовать – занимают важное положение в аналитической философии. В своем «Введении в философию агентности» Л. Ферреро замечает [Ferrero, 2022, p. 15], что для обозначения этой области философии до сих пор использует термин «философия действия», хотя сам Ферреро и предлагает называть ее «философией агентности». Для удобства термин «философия действия» используется и в данном исследовании. Философия действия имеет дело с особым кругом вопросов, отличающих ее от исследований свободы воли и ментальной каузальности. Этому полю исследований свойственно разнообразие подходов, порождаемое многогранностью самого человеческого действия. В 1960-е годы Д. Дэвидсон сформулировал каузальную теорию действия, которая сделала стандартным каузальное рассмотрение агентности аналитическими философами. С каузальной теорией связан набор проблем, оставшихся неразрешенными, в частности, проблема отклоняющихся каузальных цепей и проблема учета различных типов действий, отличных от обдуманных намеренных движений. В последние 50 лет, начиная с работы Э. Голдмана «Теория человеческого действия» [Goldman, 1970] в каузальной теории возникли и развились новые тенденции. Они связаны с детальным рассмотрением фрагментом действий и прояснением природы намерения – каузального antecedента действия. Уточнением эволюции и статуса намерения в качестве ментального состояния занимались и занимаются такие авторы как М. Брэтман, М. Бранд, Дж. Серл и Э. Пашери. На сегодня исследования намерения все чаще используют эмпирические

данные о моторном контроле – так, философия действия сближается с проблемами когнитивной архитектуры агентов, относящимся к когнитивной науке.

К концу XX века философское изучение действия тесно переплелось с эмпирическими науками, имеющими дело с произвольными движениями и моторным контролем. Данные когнитивной нейронауки и психологии говорят многое о том, как люди совершают действия и обосновывают их. Иногда эти данные публикуются с претензией на решение или элиминацию набора философских проблем. К числу подобных исследований относятся эксперименты Б. Либета, группы Дж.-Д. Хайнса, поведенческие эксперименты Д. Вегнера и М. Газзанига. Осмысление эмпирических результатов стало важным фактором в развитии дискуссий в философии действия. Эти дискуссии в первую очередь происходят вокруг вопроса о существовании свободы воли, хотя эмпирические данные о принятии агентами решений не менее важны для каузальной теории действия. Диалог между учеными-эмпириками и философами требует аккуратного анализа, направленного на установление корректности использования экспериментальных данных и формулирования выводов на их основе.

В современной аналитической философии бурно развивается дискуссия о чувстве агентности или осведомленности агента – сознательных состояниях, сопровождающих действие. Эта дискуссия получила развитие в 2000-х и 2010-х годах и представляет собой динамично развивающуюся область исследований действия. Осведомленности о действии посвящены работы Т. Бейна, М. Милопулос, Т. Хоргана и других авторов. Их работы позиционируются в качестве феноменологических исследований, направленных на уточнение содержания феноменального сознания действующего агента. Феноменология, понимаемая как изучение феноменального сознания, появилась в аналитической философии вместе с расцветом философии сознания. Отдельно стоит упомянуть исследования Ш. Галлахера, повлиявшего на представления аналитических философов и когнитивных ученых о чувстве агентности.

Ментальные состояния, сопровождающие действия, могут обсуждаться и без приписывания агентам особого содержания феноменального сознания. В дополнение к вопросу о содержании опыта агентности Бейн выделил проблему структуры осведомленности агента, к которой также обращалась М. Милопулос. Проблема структуры осведомленности агента – это новая концептуализация различия между действием и восприятием, где опыту действия сопоставляется собственное устройство, отличное от устройства перцептивного опыта. В рамках этой концептуализации неожиданное применение могут найти и более ранние теории: например, Бейн привлекает теории Серла и Р. Милликан из 80-х годов, описывая позиции авторов в отношении опыта агентности. На актуальность может претендовать репрезентационная теория действия К. Баха, предлагающая свой вариант различения между опытом в восприятии и действия. Изучение осведомленности о действии дополняет каузальную теорию: одним из основных стимулов к постановке проблемы действия является тот факт, что мы по-особенному переживаем действия – не пассивно воспринимаем их, а совершаем.

Таким образом, современная аналитическая философия действия содержит широкий набор тем, охватывающих то, как агентность проявляется в мире, планируется и переживается. Несмотря на их обладание особой ролью в философской литературе, историко-философская наука до сих пор уделяла мало внимания проблемам агентности.

Степень разработанности темы исследования

История современной аналитической философии действия освещена менее широко, чем история родственных ей проблем свободы воли и ментальной каузальности. В имеющейся литературе особое внимание обращает на себя каузальная теория действия Д. Дэвидсона [Isaac, 2013; Joseph, 2004]: именно благодаря ей современный этап развития аналитической философии действия основывается на каузальном рассмотрении агентности.

Зарождение и дальнейшее развитие каузальной теории действия исследовались в наборе работ, в частности, об истоках каузальной теории действия

и ее проблем писали Х. Агилар и Э. Букарэфф [Aguilar, Bueckareff, 2010] и М. Бранд [Brand, 1984]. Заметим, что Бранд предложил отсчитывать современный этап философии действия с выхода книги Голдмана «О человеческом действии», полагая теорию Голдмана первой полноценной теорией действия, существующей вне контекста проблем морали. Основные проблемы современной теории действия также систематизирует С. Пол [Paul, 2021], а вопросы метафизики применительно к каузальной теории действия рассматривает Э. Дж. Лоу [Lowe, 2010]. Решения проблемы отклоняющихся каузальных цепей классифицировали Р. Стаут [Stout, 2010] и Э. Майр [Mayr, 2012].

Эмпирические свидетельства о намеренной инициации действия, получаемые когнитивной нейронаукой и психологией, в первую очередь повлияли на дискуссию о свободе воли, но не на теорию действия. В литературе представлены работы философов, посвященные уточнению и систематизации потенциальных возражений к концепциям либертарианской или компатибилистской свободы в связи с появлением новых экспериментальных данных. Э. Намиас [Nahmias, 2014] реконструировал аргументы нейрочелючных-противников свободы воли, основанные на экспериментах Б. Либета. П. Карратерс [Carruthers, 2007] и Т. Бейн [Bayne, 2007] реконструировали аргументы психолога Д. Вегнера против свободы, которые тот также выдвигал с опорой на эмпирические свидетельства. Меры по систематизации и прояснению философских позиций ученых-экспериментаторов – работа, наиболее близкая к историко-философской в рамках данного подхода к исследованию агентности. Разумеется, сами результаты экспериментов были обобщены в тематических обзорах из своих специализированных областей. Например, В. Сейгль и коллеги [Saigle et al., 2018], а также М. Браун и коллеги [Braun et al., 2021] проводили метаанализ «Либетовских» экспериментов.

Вопросы опыта агентности или агентной осведомленности на данный момент почти не получили отдельного историко-философского рассмотрения из-за относительной молодости дискуссии о богатстве феноменального содержания.

Проблематику, связанную с когнитивным феноменальным содержанием (когнитивной феноменологией), систематизировали Т. Бейн и М. Монтегю [Bayne, Montague, 2012]. Имеющиеся в философской и эмпирической литературе взгляды на опыт агентности реконструировали Бейн и Н. Леви [Bayne, 2008; Bayne, Levy, 2006].

В отечественной литературе историей философии действия занимался А.С. Мишура [Мишура, 2015b, 2017, 2018]. В своей диссертации «Модели индетерминистической каузальности в аналитической метафизике действия» Мишура реконструирует историю аналитической философии действия, начиная с Л. Витгенштейна, и анализирует возникновение каузальной теории действия Дэвидсона. С.М. Левин [Левин, 2014, с. 12] и В.В. Оглезнев [Оглезнев, 2015] анализировали понятие намерения в теории действия, притом Левин обращается и к проблеме отклоняющихся каузальных цепей. Вопросы манипуляции агентом исследовали, например, А.П. Беседин и коллеги [Беседин и др., 2017] и Д.Б. Волков [Волков, 2015], но их рассмотрение относится к проблемам свободы воли и моральной ответственности. Е.Г. Драгалина-Черная [Драгалина-Черная, 2015] изучала рациональность и основания действия.

Философским значением экспериментов Б. Либета и его последователей занимались М.А. Секацкая [Секацкая, 2020а, с. 202, 2016], а также Мишура [Мишура, 2013]. Кроме того, Секацкая [Секацкая, 2020а] обсуждает каузальную эффективность намерений, приводя данные «либетовских» экспериментов и эксперимента Д. Вегнера.

Проблемы философии сознания, связанные с богатством содержания феноменального сознания, остаются практически неохваченными в отечественной литературе. Тем не менее, стоит выделить статьи, где рассматриваются те работы философов, которые в итоге привели к возникновению современной дискуссии об опыте агентности. Мишура [Мишура, 2015а] анализировал проблему опыта действия у Витгенштейна, с рассуждений которого отсчитывается история проблемы опыта агентности. С.М. Левин и В.С. Югай [Левин, Югай, 2019]

обсуждали опыт действия у Дж. Серла. В то же время изучение метафизических вопросов философия сознания остается бурным в отечественной философии. Ими занимались В.В. Васильев [Васильев, 2014, 2009], Д.Б. Волков [Волков, 2011], Д.И. Дубровский [Дубровский, 2007] и другие авторы.

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования является историко-философская реконструкция подходов к решению проблем, связанных с агентностью, в современной аналитической философии.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Артикулировать круг вопросов, относящихся к философии действия. Локализовать множество поведенческих актов, классифицируемых как действия различными вариантами теории действия. Обосновать совместное рассмотрение проблем теории действия и ментального содержания, сопровождающего действия агента.

2. Прояснить устройство современных проблем каузальной теории действия (КТД): проблемы совместимости КТД с теориями причинности и учета различных видов действий. Выявить тенденции развития философии действия на основании работ Э. Голдмана, М. Брэтмана, Э. Пашери и других авторов. Обобщить основания решений проблемы отклоняющихся каузальных цепей.

3. Оценить устойчивость КТД перед лицом эмпирических данных когнитивной нейронауки и психологии. Установить методологические особенности экспериментов Б. Либета, группы Дж.-Д. Хайнса и других авторов в контексте теории действия. Оценить тезис модулярного эпифиноменализма Д. Вегнера и М. Газзанига. Уточнить философские выводы, сделанные Б. Либетом, Д. Вегнером и аналитическими философами на основании экспериментальных данных.

4. Упорядочить аргументы и позиции в дискуссии о богатстве содержания феноменального сознания. Реконструировать подход к выявлению доменов феноменального сознания, разработанный Т. Бейном, М. Монтегю и Т.

Макклиландом. Проанализировать значимость эмпирических исследований чувства агентности для дискуссии о содержании феноменального сознания. Критически оценить концепции опыта агентности, предлагаемые Т. Хорганом и Дж. Тинсоном, Т. Бейном, М. Милопулос, Дж. Шепардом и другими авторами.

5. Прояснить статус содержания опыта с особым направлением соответствия в контексте исследований чувства агентности. Выявить причины, по которым сменилась позиция Т. Бейна в отношении репрезентаций «тяги-толкай», имеющих два направления соответствия. Артикулировать трудности, порождаемые понятием «направление соответствия» при использовании относительно репрезентационного содержания опыта.

6. Реконструировать теорию действия К. Баха как позицию в отношении структуры опыта агентности. Оценить возможности теории для описания опыта агентности, сравнить ее потенциал с другими теориями.

Объект и предмет диссертационного исследования

Объектом настоящего исследования являются концепции современных аналитических философов, посвященные проблемам агентности: Э. Голдмана, М. Брэтмана, Э. Пашери, А. Мили, Дж. Серла, Т. Бейна, К. Баха и других авторов.

Предметом настоящего исследования являются подходы к изучению агентности в современной философии действия: каузальный анализ действия, эмпирический подход, опирающийся на данные нейронауки и психологии о произвольных движениях, изучение содержания субъективного опыта действующего агента, исследование структуры репрезентационного содержания осведомленности агента.

Научная новизна работы

1. Впервые в русскоязычной литературе выделены основные тенденции развития каузальных теорий действия, показано их сближение с эмпирическими исследованиями моторного контроля.

2. Впервые показано наличие взаимосвязи между проблемой отклоняющихся каузальных цепей и проблемой учета различных действий в рамках каузальных теорий.

3. На основании большого объема эмпирической литературы выявлена динамика взаимодействия между современной философией действия и экспериментальными исследованиями произвольных движений и чувства агентности.

4. Впервые в русскоязычной литературе рассмотрены проблемы аналитической феноменологии, связанные с агентностью; проанализировано положение феноменологии агентности в дискуссии о содержании феноменального сознания, сопоставлены представления о возможном содержании опыта действия в рамках слабого репрезентационализма в отношении феноменального содержания.

5. Введено разделение двух значений термина «ощущение агентности», позволяющее разделить случаи применения двух подходов к исследованию агентности – изучения содержания и структуры опыта действующего агента.

6. Впервые проанализирована структура опыта агента в репрезентационной теории действия К. Баха. В исследовании показана актуальность данной теории, а также установлена связь между теорией Баха и дискуссией о репрезентационной структуре опыта агентности.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в разъяснении связи между философскими концепциями агентности и эмпирическими данными наук о мозге и психике. Это может упростит работу историков философии с современной литературой по философии агентности, которая становится малодоступной для специалистов без компетенций в экспериментальных исследованиях действия.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что она может направить эмпирические исследования действия к построению более точных и ясных гипотез. Результаты исследования могут быть применены в сфере

конструирования искусственных агентов. Также текст диссертации может быть использован как источник материала для чтения курсов по современной философии действия, философии сознания, а также для курсов в рамках междисциплинарных программ, совмещающих философию и эмпирические науки о мозге и психике.

Методологическая основа исследования

Для решения поставленных задач исследования были использованы следующие методы:

1) текстуальный анализ первоисточников по аналитической философии действия;

2) историко-философский анализ развития теорий, определение тенденций в современной философской литературе;

3) обзор эмпирического материала, полученного нейрочеными и психологами, оценка его значимости для философии действия посредством анализа экспериментальных методик и их соответствия получаемым выводам;

4) оценка корректности использования философами набора эмпирических данных о произвольных движениях и механизмах чувства агентности.

Текстуальный анализ был необходим для включения в исследование значительного набора непереуведенных источников на английском языке, с которыми ранее не имела дела русскоязычная историко-философская литература. Историко-философский анализ позволил описать характер развития современной философии действия.

Обзор эмпирического материала был необходим для данного исследования в силу актуального состояния философии действия. Отказ от рассмотрения этого материала пошел бы вразрез с методологией, которую применяют сами философы действия. В связи с этим, изучение аргументации философов потребовало критической оценки того, каким образом и насколько корректно философы прибегают к использованию эмпирических данных.

Помимо набора вышеуказанных методов, в настоящем исследовании применялось несколько установок, позволивших сфокусировать внимание на вопросах агентности без больших уходов в сторону – к другим философским проблемам. Во-первых, как и рассматриваемые им авторы, автор отталкивался от натурализма в отношении действия. Во-вторых, в рамках исследования вопросы философии действия отделяются от сопредельных проблем ментальной каузальности и свободы воли. Это разделение продиктовано самими философами действия, которые воспринимают философию действия как отдельный круг проблем [Aguilar, Buckareff, 2010; Paul, 2021; Sandis, O'Connor, 2010, p. xxi]. В-третьих, исследование имело дело только с каузальными теориями действия. Причина этого заключается в том, как устроена современная литература по философии действия. Некаузальный взгляд на действие защищается несколькими современными авторами (например, К. Жине [Ginet, 2007, 1990] и М. Томпсоном [Thompson, 2008]), тем не менее, их построения являются отдельными попытками опровергнуть каузальную теорию. Некаузальный подход к изучению агентности следует отнести к более раннему этапу развития философии действия, связанному со взглядами Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 2018] и Г.Э.М. Энском [Anscombe, 1957]. В-четвертых, исследование опиралось на слабый репрезентационализм в отношении содержания феноменального сознания – тезис о том, что содержание феноменального сознания супервентно на его ментальном содержании. Выбор слабого репрезентационализма в качестве теории феноменального содержания позволил исследованию не иметь дела с вопросами о природе феноменального сознания.

Положения, выносимые на защиту

1. Развитие стандартной модели каузальной теории действия движется в сторону сближения с эмпирическими исследованиями моторного контроля. Причина появления этой тенденции заключается в том, что в философии действия стало стандартным диахроническое рассмотрение намерений агента. При описании эволюции и уточнения намерений агента при планировании и совершении

действий большое внимание философов получил проксимальный контроль намерений агента над его движениями. Для изучения этого уровня намерений большое значение имеют эмпирические данные о том, как мозг управляет произвольными движениями.

2. Проблема отклоняющихся каузальных цепей касается не только каузальности действий, но и конкретных способов реализации действий в мире. Имеющиеся варианты каузальной теории действия способны учитывать некоторые типы действий, отличные от запланированных движений. Тем не менее, имеющиеся теории не специализируются на рассмотрении типов действий.

3. Эмпирические исследования намерения, начатые Б. Либетом и коллегами, не опровергают КТД, но дают важный эмпирический материал для философского анализа. Потенциально этот материал способен привести к элиминации агентности в ее каузальном понимании. Философская критика экспериментов имеет дело с особенностями экспериментальных методик, а не с ограждением проблемы действия от влияния экспериментов.

4. На основании работ Т. Бейна, М. Монтегю и Т. Макклиланда может быть восстановлен целостный подход к решению вопроса о существовании гипотетических доменов феноменального содержания сознания. Этот подход основан на принятии естественной супервентности феноменального содержания на репрезентационном, а также использовании аргументов от контраста и возражении от совпадающего содержания.

5. Представленный в литературе тезис о существовании особого опыта или «ощущения» агентности неодинаково интерпретируется разными авторами. Термин «ощущение агентности» указывает либо на отдельный вид содержания феноменального содержания, связанного с агентностью, либо на существование особой структуры репрезентационного содержания действующего агента.

6. Репрезентационная теория действия К. Баха предлагает особый вариант устройства опыта агентности в виде двух компонентов с различным направлением соответствия. Основным недостатком теорий, постулирующих наличие особой

структуры опыта агентности, является использование понятия «направление соответствия» в отношении субъективного опыта или ментальных репрезентаций без его достаточного прояснения.

Степень достоверности результатов и апробация диссертации

Достоверность полученных результатов диссертационного исследования определяется опорой на широкий набор источников по современной философии действия. Также в исследовании используются статьи, посвященные эмпирическим исследованиям произвольных движений и чувства агентности.

Основные результаты исследования были изложены в 7-ми научных работах, в том числе в 4-х статьях, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

Результаты исследования были апробированы в качестве докладов на конференциях и семинарах: доклад «Опыт агентности от первого и от третьего лица: сходства и различия» (конференция «Сознание, тело, интеллект и язык в эпоху когнитивных технологий», Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, 28-30 сентября 2023), доклад “Quasi-Movements and Quasi-Movements: what can they tell us about the border between physical and mental actions?” (конференция СССР-2022: Cortex and Cognition: Connection Principles, Институт когнитивных нейронаук - Высшая школа экономики, Москва Россия, 21-22 декабря 2022), доклад “Contrasting Quasi-Movements with Imaginary Movements: an Experimental Model for Studying Physical and Mental Actions” (BFNAICS-2022 (Калининград, Россия, 14-16 сентября 2022), Калининград, Россия, 15 сентября 2022), доклад «Идеомоторная теория действия и ее ниша в современном мире» (III Конгресс Русского Общества истории и философии науки «После постпозитивизма», Саратов, Россия, 8-10 сентября 2022), доклад «Проблема интенциональной структуры осведомленности в теории действия Кента Баха» (философская мастерская ИФ РАН, цикл «Лаборатория», Москва, Россия, 23 марта 2022), доклад «Роль философии в эмпирических исследованиях чувства

агентности» (Когнитивная наука в Москве-2021: новые исследования, Москва, Россия, 23-24 июня 2021), доклад «Философские причины двойственности исследований чувства агентности» (10-ое заседание научного междисциплинарного семинара молодых ученых «Методологические проблемы современной науки: эпистемология научных объяснений», Каф. Философии и методологии науки, Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 28 мая 2021).

Структура исследования

Настоящее исследование состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения и библиографии.

Глава I. Проблема действия и каузальный анализ

Философия действия – одна из важных областей аналитической философии. Она имеет дело с природой агентности – способности совершать действия и осуществлять рациональный контроль над ними. Мы будем использовать термин «агентность», поскольку у него нет полноценных альтернатив в русском языке. Семантически родственное ему слово «деятельность» указывает не на способность действовать, а на взаимосвязанный набор действий (см. [Щедровицкий, 1995]), т.е. на проявление агентности. Для правильного хода нашего исследования важно показать, как философия действия соотносится с другими областями аналитической философии, и каковы ее истоки.

§1. Современная аналитическая философия действия

1.1 Проблемы философии действия

Начнем с приблизительного указания на ядро философии действия, на то, с чем она имеет дело в первую очередь. Ее основной проблемой является поиск самого определения действия, того, что такое агентность. Как пишет Г. Франкфурт [Frankfurt, 1978, p. 157], проблема заключается в объяснении разницы между действиями и происшествиями (“happenings”). В отличие от происшествий, действия предполагают определенный уровень контроля со стороны агентов. Ф. Дрекке пишет о разграничении действий и другого человеческого поведения [Dretske, 1988, p. 3]. Люди – живые существа, которые демонстрируют различные реакции на события в среде, но вместе с этим они обладают разумом и способностью к рациональному контролю над движениями.

Очерчивая место философии действия на карте аналитической философии, С. Пол считает нужным в первую очередь отделить ее от нескольких близких направлений [Paul, 2021, p. 1]. Во-первых, философия действия – это не моральная философия, она не занимается вопросами нахождения этической истины, оснований морали, или построением теории моральной ответственности. Не любые действия, совершаемые людьми, должны иметь моральную окраску: по крайней мере приписывание моральной стороны всем действиям вообще – сложный ход,

требующий обширного обоснования. Спонтанное вставание со стула, потягивание, намеренное представление образа яблока – все эти ситуации интересны для философии действия, но обычно не подразумевают груза моральной ответственности. Тем не менее, в литературе прослеживается понятная связь между понятием контроля и моральной ответственностью. Кажется, необходимым условием для приписывания агенту ответственности является наличие у него некоего уровня контроля над своими поступками [Shoemaker, 2015]. О каком уровне контроля идет речь, и достижим ли он вообще – дискуссионный вопрос, зависящий от итогов исследования природы агентности. Дж. М. Фишер и М. Равицца строят свою теорию моральной ответственности на понятии «направляющего контроля» (“guidance control”) [Fischer, Ravizza, 1998] – рационального контроля, который не предполагает возможность агента «поступить иначе» при совершении действий.

Во-вторых, философия действия существует отдельно от проблемы ментальной каузальности, то есть вопроса о том, могут ли ментальные события быть причинами физических событий. Это разделение проблем является несколько более тонким, и мы рассмотрим его отдельно, когда будем говорить о метафизике теории действия. Изучение действия поможет корректно поставить вопрос о его встраивании в структуру известного нам физического мира, так, философия действия нужна для решения проблемы ментальной каузальности. Правда, не верно ли и обратное: не должны ли мы исследовать ментальную каузальность, чтобы подтвердить возможность контроля, необходимого для разделения между действиями и поведением? Современная философия по умолчанию понимает действие каузальным образом, разделяет действие и поведение на основании их психологических причин. Например, в каузальных теориях действия граница может быть определена так, что действием полагается только такое движение, которое вызвано намерением агента. Если ментальные события вроде намерения могут быть причинами действий независимо от физических событий, психологическим каузальным объяснениям ничто не угрожает, но как быть, если

мы принимаем натуралистическую установку, как и большинство философов действия?

Интересующие нас каузальные теории действия, в зарождении которых принимал участие Э. Голдман [Goldman, 1970], отстраняются от прямого решения проблемы ментальной каузальности через принятие жесткой сцепленности ментальных и физических состояний агента. Под жесткой сцепленностью может пониматься несколько видов связей между состояниями: Голдман рассматривает как вариант тождества между физическим и ментальным, так и наборы номологических зависимостей, то есть существования законов природы, устанавливающих соответствие между физическим и ментальным. Голдман показывает, что если существуют законы, локально сопоставляющие ментальные состояния физическим, то становятся оправданными и психологические каузальные объяснения. Раз физиологическое состояние, номологически связанное с намерением, вызывает движение, то философы действия удовлетворятся этим, если согласны с Голдманом. Далее философы используют психологические каузальные объяснения, подразумевая, что они работают. В рамках философии действия решается то, какие ментальные состояния являются кандидатами для корректного описания агентности, когда они возникают и как различаются для разных типов действий. Например, как соотносятся с действием желания и убеждения агента, должен ли он принять явное решение о своих поступках или может действовать спонтанно? Эти результаты должна получить философия действия, и они не предполагают опоры на решение проблемы ментальной каузальности.

Тем не менее, связь с физиологическими состояниями имеет и обратную сторону: сами эти состояния все же обычно считаются причинами действия. Так, встает другой вопрос: не элиминируется ли действие под грузом эмпирических данных? Для ответа на него нельзя удовлетвориться философской методологией, но от ответа зависит истинность определенной теории действия. Среди аналитических философов популярен натурализм [Bourget, Chalmers, 2014]: они

признают, что законы природы – это то, что определяет состояние мира. Эти законы открывают специальные науки, и каузальное рассмотрение действия сталкивает философию действия с результатами, получаемыми в рамках этих наук. Анализируя каузальную теорию действия, мы выявим характер ее зависимости от эмпирических данных. Оценка философского значения данных современной нейронауки и психологии важна для реконструкции основной линии в современной философии действия, поэтому мы включим эту дискуссию в наше рассмотрение: ей соответствует полноценный подход к исследованию агентности, и аналитические философы признают его влияние на актуальные представления о действии. Например, чувствительность философии действия к эмпирическим данным поддерживают П. Карратерс [Carruthers, 2007] и Э. Намиас [Nahmias, 2002].

В-третьих, философия действия стоит отдельно от проблемы свободы воли, то есть она не исследует понятие свободы и не рассматривает совместимость свободы с детерминизмом. В свою очередь исследования агентности имеют значение для проблемы свободы воли. В зависимости от того, какую теорию действия мы полагаем истинной, возникают естественные ограничения и возможности для свободы. Каузальное рассмотрение действия, необязательно связанное с каузальными теориями действия в их обычном понимании, порождает множество разных теорий. Существуют либертарианские подходы к свободе воли. Их сторонники считают, что существует особая агентная каузация [Chisholm, 1964; O'Connor, 1995] – возможность агента быть причиной события. Другие либертарианские подходы используют причинные связи между событиями, полагая их индетерминистическими [Мишура, 2017; Kane, 1996]. Тем не менее, индетерминизм как будто делает следование событий друг за другом случайным, что при первом рассмотрении противоречит интуитивному пониманию контроля. Чтобы справиться с этим напряжением, философы пытаются прояснить понятие контроля – например, А. С. Мишура примиряет принятие решений и индетерминизм через рассмотрение сети установок агента [Мишура, 2017, с. 180]. Некаузальное рассмотрение агентности К. Жине [Ginet, 1990] приводит его к

специфическому типу либертарианства, то есть к теории свободы, несовместимой с детерминизмом.

В дополнение скажем, что понятие агентности, используемое в философии действия, не тождественно понятию социальной агентности из социальной философии (см. [Emirbayer, Mische, 1998; Meyer, Jepperson, 2000]). Агентность людей может изучаться в контексте жизни общества, властных и экономических отношений. Философия действия, с другой стороны, ориентирована на фундаментальные метафизические вопросы. Такова методологическая установка исследователей, которые интересуются простыми произвольными движениями человека ничуть не меньше, чем социально значимыми поступками – здесь положение дел мало отличается от разделения философии действия и моральной ответственности. Способность человека действовать в обществе, разумеется, зависима от фундаментального понятия действия, но не наоборот.

Все перечисленные выше проблемы тесно связаны с философией действия и используют ее результаты, но нам следует указать на еще одну область в современной аналитической философии, которую мы, напротив, включим в наше исследование. Речь идет о феноменологии агентности. Уточнение понятия контроля подразумевает обращение к тем или иным ментальным состояниям агента. Каузальные теории действия требуют, чтобы причинами действий служили ментальные состояния конкретного вида. Продолжительное во времени действие должно поддерживаться и направляться цепью ментальных состояний, которые содержат в себе намерения агента и обратную связь, получаемую им в действии – в первую очередь кинестетические ощущения, то есть телесные ощущения движения. Так, действие оказывается вплетенным в другое ментальное содержание агента, связанным с его ощущениями и мыслями.

Анализ способности к действию через возникновение у агента определенных ощущений осуществлял еще У. Джеймс, предложивший идеомоторную теорию действия [James, 1905, p. 347], . Согласно идеомоторной теории, произвольное

движение запускается формированием его кинестетического образа. В свою очередь В. Вундт разрабатывал предположение о существовании чувства иннервации [Wundt, 2014, p. 136] (см. [Ross, Bischof, 1981]), которое производит субъективное переживание активности при подаче моторной команды к совершению движения. Построения Джеймса и Вундта релевантны для философии действия, но эти авторы не предлагают полноценных философских теорий действия – нахождения определения контроля. Идеомоторную теорию и теорию иннервации раскритиковал в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн: он заявил, что не обнаруживает у себя никакого деятельного ощущения во время совершения действия, и не переживает кинестетический образ движения до его начала [Витгенштейн, 2018, с. 240]. Переход философии действия к анализу динамики ментальных состояний в 1980-е годы, проявившейся в работах М. Брэтмана [Bratman, 1987] и Дж. Серла [Searle, 1983, 1979] возродил и развил подход, вновь обращающий внимание на субъективное переживание действия. На пересечении философии действия и философии сознания в XX веке зародилась область, изучающая опыт действующего агента, представленность для него совершаемых действий. К XXI веку эти исследования оформились в виде проблемы феноменологии агентности. Предупредим читателя: когда мы будем говорить о феноменологии, мы будем иметь в виду изучение феноменального сознания – центрального понятия в аналитической философии сознания (см. [Chalmers, 1996]) – а не феноменологическую традицию в философии, которая развилась из трудов Ф. Brentano [Брентано, 1996] и Э. Гуссерля [Гуссерль, 2011]. Понимая, что подобная терминология способна устроить значительную путаницу, укажем, что феноменологи в аналитической философии сами пользуются этой терминологией (напр. [Wayne, 2007; Wayne, Montague, 2012; Kriegel, 2020]). В отличие от проблемы моральной ответственности, ментальной каузальности или свободы воли, изучение ментальных состояний действующего агента требуется для уточнения понятия действия – мы покажем, что это требование возникло из-за направления развития философии действия.

Изучение ментальных состояний действующего агента может привести исследователя к понимаю четкой разницы между действием и восприятием: агенты совершают свои действия, и переживания действующих агентов нельзя описать только в терминах восприятия, как заметил еще Б. О’Шонесси [O’Shaughnessy, 1967]. О’Шонесси неявно полемизировал со взглядом на субъективный опыт, в рамках которого переживания агента приравниваются к потоку ощущений. Феноменология агентности как подход занимается особым содержанием феноменального сознания, связанным с совершением действий, но в то же время некоторые авторы предпочитают рассуждать о представленности действия для агента в его сознании. Т. Бейн называет эту проблему представленности действия проблемой интенциональной структуры опыта агентности [Bayne, 2008]. Первым аналитическим философом, который пишет об интенциональности в контексте опыта агентности, стал Дж. Серл. В своем эссе «Интенциональность» [Searle, 1983] Серл определяет интенциональность как «...свойства многих ментальных состояний и событий, с помощью которых они „направлены на“, „могут быть об“ или „относятся к“ объектам или положениям дел в мире.» [Searle, 1983, p. 11].

Серл заимствует понятие интенциональности из феноменологической философской традиции, но преемственность терминологии он комментирует следующим образом: «Целые философские движения выстраивались вокруг теорий интенциональности. Что же делать, столкнувшись со всем этим выдающимся наследием? Мой подход заключается в том, чтобы его игнорировать: отчасти из-за моего невежества в отношении классических произведений об интенциональности, а отчасти из-за убежденности в том, что единственная надежда на разрешение беспокойства, которое и привело меня к этому исследованию, состоит в неумолимом продвижении моих собственных исследований.» [Searle, 1983, p. 9]. Таким образом, крайне проблематично провести линию преемственности между изучением интенциональности в феноменологической традиции с одной стороны, и, с другой стороны, проблемой интенциональной структурой действия в аналитической философии действия. Ставя проблему

интенциональной структуры опыта действия, Бейн обобщает взгляды как Серла, так и авторов, которые описывают свое решение в других терминах, например, Р. Милликан [Millikan, 1995] или Т. Хоргана и коллег [Horgan et al., 2003]. Проанализировав методологию, которую предлагает Бейн, мы опишем теорию К. Баха, предложившего оригинальный взгляд на переживание агентности еще в конце 1970-х годов [Bach, 1978].

В настоящем исследовании мы выделим четыре подхода, с которыми будем иметь дело – не отдельные теории того, на чем основана способность действовать, а разные аспекты агентности. Во-первых, нас будет интересовать теория действия – проблема определения понятия агентности в ее чистом виде. Во-вторых, мы отдельно проанализируем философское содержание и влияние эмпирических исследований на философию действия. Подход, основанный на анализе философского значения эмпирических данных, весьма весом: с одной стороны, в аналитической философии крепки позиции натурализма, а с другой стороны, нейрочеловеческие и психологи имеют серьезные претензии на разрешение проблемы действия – и аналитические философы воспринимают эти претензии всерьез. Полемика между философами и их коллегами-эмпириками стала неотъемлемой частью современной философии действия. В-третьих, мы обратимся к истории современных исследований феноменологии агентности, направленных на уточнение ментального содержания действующих агентов. В-четвертых, отдельно от этого подхода мы рассмотрим работы философов, занимающихся интенциональной структурой сознания действующих агентов. Этот подход имеет связь с феноменологией агентности, но обладает отличной методологией и независимо развился в литературе. Теперь нам стоит обсудить историю философии действия, чтобы понять, каковы ее истоки, и с какого момента отсчитывается ее современный этап. Наше исследование будет иметь дело с этим современным этапом развития философии действия.

1.2 История философии действия

Изучение природы действия имеет долгую историю в западной философии, поэтому полное повествование о происхождении и эволюции философских проблем действия заняло бы у нас немало времени. В этих разбирательствах мы не смогли бы проследить историю проблемы действия и контроля без погружения в вопросы моральной ответственности и ментальной каузальности. Чтобы не упускать из внимания предмет нашего исследования, нам стоит сосредоточиться на том, как свои корни видят сами аналитические философы действия. В своих теоретических построениях они не склонны углубляться в историю философии: как правило, экспозиция области в их статьях и книгах не заходит дальше взглядов Л. Витгенштейна и Г.Э.М. Энском. Впрочем, в некоторых работах приводится более длинная цепь преемственности, особенно если речь идет об историко-философских трудах.

Реконструкция истории философии действия имеет дело с возникновением каузального и некаузального рассмотрения действия. Относительно одного и того же действия возможно задать вопрос «Почему агент это сделал?» в двух смыслах. Во-первых, у действия могут быть причины – как и у любого другого события. В этом контексте поставленный выше вопрос мало чем отличается от вопроса: «Почему у агента сломалась машина?» Пусть взгляды на то, детерминированы ли поступки людей, довольно различны, но вопрос о причинах поступков может быть поставлен. Во-вторых, у действий могут быть основания или резоны (“reason”, см. [Уилсон, Шполл, 2018]). Как разумное существо, человек обладает в общем и целом непротиворечивым набором желаний и убеждений, позволяющих объяснить его поступки. В современной философии действия стандартным ходом стало совмещение причин и оснований действия: основание должно быть либо тождественным причине действия, либо вносить вклад в формирование намерения как причины действия. Так, основная линия истории философии действия может быть описана как история взаимодействия между двумя вопросами «почему?» в отношении агентности. Поскольку нас будет интересовать каузальные теории

действия, мы обратимся к имеющемуся в литературе нарративу, в котором каузальные теории имеют глубокие исторические корни, но рождаются из некаузального подхода в аналитической традиции.

Х. Агилар и Э. Букарэфф начинают историю каузального рассмотрения действия с Аристотеля [Aguilar, Bockareff, 2010, p. 3]. Согласно их интерпретации, по Аристотелю желания агента играют роль производящих причин при выполнении действий. В «Никомаховой этике» Аристотель анализирует действие через практические силлогизмы: «... душа с необходимостью выводит утвердительное заключение и в области практики следует действие, например: «следует вкушать все сладкое», и в частности известно, что «это сладко», то человек с необходимостью это и приведет в исполнение, если он на то способен и ничто ему не препятствует» [Аристотель, 1983, с. 197]. Заключение силлогизма – это призыв совершить действие как можно быстрее, если на то нет препятствий. Поясняя, каким образом инициируется действие по Аристотелю, Агилар и Букарэфф приводят фрагмент из шестой книги Никомаховой этики: «Итак, намерение — принцип действия; оно начало движения, а не конечная цель; принцип же намерения — стремление и разум, касающиеся намерения» [Аристотель, 1983, с. 115]. Намерение обеспечивает выполнение действия для удовлетворения желания агента. Агилар и Букарэфф считают возможным сказать, что аристотелианское намерение запускает действие агента так, как это происходит в современных каузальных теориях. Заметим, что от практических силлогизмов Аристотеля берет начало и некаузальное рассмотрение действия у Энского. Вопрос о том, следует ли понимать взгляд Аристотеля на действие каузально или некаузально, остается актуальным до сих пор [Мишура, 2017, с. 24; Granger, 1996].

Следующей теорией, ведущей к каузальному рассмотрению действия, Агилар и Букарэфф считают взгляд на действие Т. Гоббса. В своем изложении они пропускают авторов между Аристотелем и Гоббсом, поскольку те принимают либо некаузальную версию аристотелианского взгляда на действие, либо волиционистские теории. Так как отделение проблем философии действия как

круга вопросов произошло достаточно поздно, такой переход не должен смущать: изучение действия как такового играло вспомогательную роль при рассмотрении моральных проблем и проблемы свободы воли. Как и значительная часть аналитической философии действия, теория Гоббса нацелена на редукцию воли агента. По Гоббсу, существует множество внешних факторов, которые мотивируют агента совершить то или иное действие, и его воля – это некое финальное ментальное состояние, осуществляющее непосредственно приводит к движению [Гоббс, 1989, с. 607]. Так, Гоббс в явном виде связал натурализованные основания и причины действия [Aguilar, Buckareff, 2010, p. 5]. Введение желания, суммирующего внешние и внутренние факторы выбора действия, приближает Гоббса к понятию намерения, которое станет центральным в современной аналитической философии действия.

После Гоббса Агилар и Букарэфф переходят к аналитической философии. Там изначальной точкой рассмотрения действия традиционно являются «Философские исследования» Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 2018], несколько параграфов которых посвящены действию, а именно произвольным движениям. Витгенштейн задает вопрос, который остается популярной формулировкой проблемы действия: что останется от поднятия моей руки, если вычесть тот факт, что моя рука поднимается [Витгенштейн, 2018, с. 240]? Витгенштейн затрудняется с ответом, приходя к выводу о том, что действие – это неуловимое «острие иглы». В заметках Витгенштейна [Wittgenstein, 2003] разделяются причины и основания действий – история аналитической философии действия началась с некаузального рассмотрения, которое оставалось доминирующим до публикации работ Д. Дэвидсона. Витгенштейн демонстрирует это разделение на примере машиниста, который останавливает поезд, увидев красный сигнал [Wittgenstein, 2003, p. 111]. Машинист объяснит свое действие, апеллируя к тому, что красный сигнал означает команду к остановке поезда, но это основание не обязано соотноситься с подлинной причиной: вероятно, машинист остановил поезд, потому что в его нервной системе развился рефлекс, побуждающий останавливать поезд при

красном сигнале. Разделение основания и причины действия продолжает Г. Райл, который отрицает связь между объяснениями мотивов (или основаниями) действий агентов и причинами их действий: мы способны понять основания чужих действий, но их причины скрыты от нас в устройстве нервной системы [Райл, 1999, с. 95].

Важной вехой в истории философии действия стала работа Г.Э.М. Энском «Намерение» [Anscombe, 1957], составленная на основе ее лекций. К слову, именно Энском перевела «Философские исследования» на английский язык. Энском анализирует высказывания о намеренных действиях людей, различая выражения намерения, намеренные действия и намерения к действию. Мишура замечает, что Энском не считает намерения некими реальными психологическими состояниями: для нее они существуют в рамках ответов на вопрос «Почему?», относящемуся к рациональным основаниям агента [Мишура, 2018]. Так, Энском изучает разумные основания агентов, статичные убеждения и желания, но не поток их внутренних состояний или причины действий.

В 1963 году в своей статье «Действия, основания и причины» [Davidson, 1963] Д. Дэвидсон предложил первую каузальную теорию действия. Истоки каузальных теорий и их зарождение из некаузального подхода подробным образом анализирует А. С. Мишура в его кандидатской диссертации [Мишура, 2017]. В теории Дэвидсона основание действия, состоящее из желаний и убеждений агента, соотносится с его причиной: рациональные и казуальные объяснения действия не должны расходиться. Дэвидсон во многом остается наследником Энском: он дополняет рациональное рассмотрение действия каузальным, но ментальные состояния агента в его теории не возникают динамически. Бранд уточняет, что в теории Дэвидсона действие не вызывается сопряжением желания и убеждений в едином ментальном событии [Brand, 1984, p. 9]. По Бранду, первым автором, который полагает причинами действия конкретные ментальные события, был Э. Голдман, другая влиятельная фигура в истории философии действия.

В 1970 году Голдман опубликовал книгу «Теория человеческого действия» [Goldman, 1970]. Нарботки Голдмана во многом зародили тенденцию к

рассмотрению действия на уровне простых актов, дробимых вплоть до произвольных движений. Описывая разные логические уровни деятельности рационального агента, где более общие действия генерируются из частных, Дэвидсон и Голдман занимаются индивидуацией действий, то есть вычленением действий из поведения агента. Голдман предложил подход, согласно которому сложные действия агентов порождаются набором простых действий – обычно произвольных движений. Дальнейшее развитие философии действия пошло именно по линии детального изучения движений и ментальных актов, а не описания полноценных поступков. Имея это в виду, мы будем полагать возникновение каузальной теории действия Дэвидсона в 1960-е годы завершением раннего этапа истории философии действия и отсчитывать современный этап с 1970 года. Похожей точки зрения придерживается и Бранд. Бранд считает «Теорию человеческого действия» книгой, которая запустила второй этап развития философии действия [Brand, 1984, p. 9]. Второму этапу по Бранду свойственна системность в рассмотрении действия, он сопряжен с попытками создания общей теории. Сам Бранд претендует на запуск третьего этапа: этот этап должен ознаменоваться слиянием философии действия с эмпирическими науками. Как мы увидим, прогнозы Бранда во многом выполнены: наше исследование выявит сближение различных областей знания о действии.

Каузальные теории стала крайне популярными среди философов действия: на сегодня они являются едва ли не общепринятыми, пусть и принимают разные формы. Все эти формы теории или даже класс теорий объединен общей методологией: каузальным анализом действия. В статье «Агентность» из Стэнфордской энциклопедии философии за авторством М. Шлоссера [Schlosser, 2019], каузальные теории называются «стандартной теорией»; с Шлоссером также соглашаются Х. Агилар и коллеги [Aguilar et al., 2011, p. 4].

Здесь нам стоит оговориться: пусть в философии действия имеют место некие общие тенденции, но все же более ранние теории агентности не исчезли. Например, сторонником «дэвидсоновского» подхода к разбору действий-

поступков является Дж. Пэйтон [Payton, 2021]. До сих пор существуют и некаузальные теории действия. Оппонентами каузального рассмотрения действия остаются, например, К. Жине [Ginet, 2007, 1990] и М. Томпсон [Thompson, 2008]. Литература, обсуждающая главный труд Жине «О действии» [Ginet, 1990], в основном состоит из возражений сторонников каузальных теорий. В современной литературе также отстаиваются волиционистские теории. Согласно волиционистскому взгляду действия вызываются волевыми действиями агента, у которых нет причины [Paul, 2021, p. 44]. К волиционистам относятся такие авторы как Х. МакКанн [McCann, 1974], Б. О’Шонесси [O’Shaughnessy, 1973] и Дж. Хорнсби [Hornsby, 1980]. Кроме того, следует выделить агентно-каузальные теории, которые предлагают Р. Чизольм [Chisholm, 1964] и Т. О’Коннор [O’Connor, 2000]. Согласно теориям агентной каузальности, каузальными antecedентами действий являются не события, а агенты. Агенты «претворяют в жизнь» (“bring about”) такие события, как движения.

Сторонники некаузальных, агентно-каузальных и волиционистских подходов – это отдельные оригинальные авторы. Мы не будем подробно обсуждать их работы, поскольку они находятся вне основной картины развития философии действия, общих современных тенденций, которые нас интересуют. Помимо этого, заметим, что волиционисты и теоретики агентной каузальности в первую очередь решают проблему ментальной каузальности, мы же стремимся описать философию действия как отдельную область. Выделение философии действия в самостоятельный круг вопросов произошло благодаря построениям сторонников каузальных теорий действия.

Следующим значительным событием в истории каузальных теорий стало закрепление понятия намерения, которое Дэвидсон подверг редукации до желаний и убеждений в «Действиях, основаниях и причинах». В конце 70-х годов Дэвидсон вернул его в свою теорию [Davidson, 1978]. В 80-е годы такие фигуры как М. Бранд [Brand, 1984], М. Брэтман [Bratman, 1987] и Дж. Серл [Searle, 1983, 1979] занялись построением теории намерений – причин действий и отдельных ментальных

состояний. Например, все трое ввели различие между двумя классами намерений: проксимальными и дистальными. Проксимальные намерения (или намерения-в-действии) присутствуют в самом действии, направляют его во время совершения. Если у агента есть готовое решение действовать определенным образом, переход этого решения в движение подвержен некоторой динамике. Брэтман дополнил каузальную теорию, введя временное измерение в логическую структуру действия: агент осуществляет выбор между желаниями при условии временных ограничений, при которых пересмотр опций не всегда возможен. Так, формирование ментального antecedента действия само оказалось во власти каузальности – и в результате весь процесс принятия решения и совершения действия был размещен на временной шкале. Вневременные логические построения Энского сменились динамикой и рациональностью с ограниченным ресурсом, кроме того, произошла психологизация намерения, против чего возражала Энском [Мишура, 2018, с. 93].

У современной философии действия есть другая методологическая особенность, которая окончательно развилась приблизительно к 90-м годам XX века. Там, где исследователь обнаруживает каузальные связи между физическими событиями, вмешиваются эмпирические науки. Еще Голдман и Бранд взаимодействовали с ними, рассматривая связь между ментальным antecedентом действия и движением. Кроме философов, человеческое действие изучают нейрочеловеческие и психологи, и их изыскания становятся релевантными везде, где в агентности имеет место каузальность – и при формировании намерения, и при его перетекании в движение. То, как агент осуществляет контроль над своими действиями, подвержено эмпирическому изучению на всех этапах. Такие философы как Э. Пашери, М. Милопулос и П. Карратерс знаменуют качественно новую степень присутствия нейронауки в философии действия. Метафизические проблемы, связанные с агентностью, остаются прерогативой метафизиков, но сегодня философия действия становится все более интегрированной с междисциплинарной когнитивной наукой. В свете актуальности этой тенденции,

мы посвятим вторую главу философскому содержанию работ ученых-эмпириков и реакции философов на результаты, получаемые науками о мозге и психике.

Логика развития философии действия после появления каузальных теорий была определена самим каузальным рассмотрением действия. Далее в главе мы увидим, что Голдман, Брэтман и Пашери – показательные фигуры, работы которых демонстрируют вехи в истории современной философии действия.

1.3 Где философы ищут агентность?

Объяснение разницы между действиями и другими событиями должно стать результатом построения полноценной теории, которая так или иначе отталкивается от некоего интуитивного понимания действия. Почему мы решили, что есть такая область поведения как действия? За понятием действия стоит набор интуиций. Кажется, мы легко можем уловить некие различия между разными типами поведения, и они представляются нам значимыми.

Мы не должны полностью идти на поводу у наших интуиций, но нам было бы полезно очертить некоторую область поведения агентов, в которой мы собрались искать действия. Позже это поможет нам освоиться в разнообразии подходов к изучению агентности. Если рука агента дернется в результате воздействия электрической стимуляции на моторную кору, или ее кто-то потянет вверх за нитку, мы точно перестанем иметь дело с действием. В философии действия встречается великое множество примеров и несколько предположительных видов действий, предложенных разными авторами. Любая новая теория действия должна напрямую или косвенно разобраться со всеми приведенными в литературе примерами. Возможно, та или иная теория откажет определенной их части в статусе действий, или примет вид частной теории, которая утверждает, что общая теория вовсе не может быть построена.

1.3.1 Телесные действия

О каких парадигмальных примерах действия мы подумаем в первую очередь? Вероятно, мы вспомним знаменитый пример с поднятием руки, который восходит по крайней мере к «Философским исследованиям» Витгенштейна [Витгенштейн,

2018]. Когда агент поднимает руку, или встает со стула, или бьет ногой по мячу, он совершает действие. Представления о действии Витгенштейна, Энском [Anscombe, 1957, 1983] и Дэвидсона [Davidson, 1963, 1978] имеют дело именно с такими событиями. Предполагается, что у агента заранее имеется намерение действовать, или у него есть разумное основание, состоящее из ранее сложившихся желаний и убеждений. Допустим, агент решил включить свет – он идет к выключателю и перещелкивает его. Действует ли он? Конечно, да: он прекрасно понимает, как включается лампочка, хочет ее зажечь, и намеревается это сделать. Далее мы будем называть действия, совершаемые для влияния на окружающий мир, физическими действиями. Кроме особых случаев, они совпадают с множеством телесных действий.

Действия могут быть и спонтанными. Пусть агент проснулся и лежит в кровати. Ему пора вставать, но никакие срочные дела не побуждают его сделать это тут же. Он планирует встать в ближайшее время, но медлит и подгадывает момент, чтобы это сделать. Наконец, он спонтанно собирается с силами и встает с кровати. Кажется, несмотря на то, что момент вставания не был установлен им заранее, его вставание является действием. Он встал в соответствии со своим желанием, понимая, что происходит, и обладая контролем над происходящим в некой достаточной степени. Представим другой случай: пусть агент мгновенно схватил с дороги ребенка, когда увидел, что навстречу тому несется машина [Metzinger et al., 2006, p. 27]. Похоже, многие спонтанные движения следует назвать действиями, и они тоже являются намеренными – хотя намерение сразу переходит в действие. Серл приводит пример [Searle, 1983, p. 84], в котором он внезапно встает со стула во время философских размышлений и начинает ходить по комнате. Он считает, что его вставание со стула будет действием.

Впрочем, допустив спонтанность, мы должны быть аккуратны. Например, следует ли называть действиями элементы утилизационного поведения [Lhermitte, 1983], при котором пациент постоянно манипулирует предметами вокруг и не может от этого удержаться? Пациент спонтанно берет в руки разные вещи, но его

движения вызваны патологией, их спонтанность не подразумевает произвольность в некотором правильном смысле. Похоже, теориям действия придется озаботиться ограничениями, связанными с контролем во время спонтанного действия, но пока нас волнует лишь изначальный материал. Рассмотрев спонтанные действия, мы начали отдаляться от нашего парадигмального случая – действий с предварительным намерением.

Всегда ли у агента должно быть осознаваемое намерение действовать некоторым образом? Обратим внимание на движения, о которых мы едва ли осведомлены. Допустим, агент читает сложную статью и начинает почесывать затылок. Его внимание приковано к статье, но тем не менее, ее почесывание затылка неким естественным образом связано с чтением. Оно упорядоченно встраивается в сеть из ее желаний, убеждений и намерений, соответствует его культурным практикам и порождается ее организмом. Если он обратит внимание на то, что чешет затылок, то не удивится происходящему, и сможет плавно перевести это движение в какое-то другое, или даже намеренно продолжить чесать затылок. К. Бах называет [Bach, 1978] такие движения «минимальными действиями», и считает, что общая теория действия должна их учитывать. Вскоре после Баха Б. О’Шонесси рассмотрел «субинтенциональные действия» [O’Shaughnessy, 2008, p. 349], имея в виду практически те же движения. Минимальные действия не служат парадигмальными примерами, но они расположены на неясной периферии произвольных движений.

Подумаем, например, о моргании. До настоящего момента читатель моргал ненамеренно, но теперь он вынужден моргать «в ручном режиме», и его моргание вдруг стало полноценным действием. Со временем читатель забудет об этом, и для него моргание вновь станет автоматическим, но произойдет ли это мгновенно? С какого момента моргание пересечет черту и перестанет быть действием? Ответ требует разбирательства на более глубоком уровне. Дж. Уэйкфилд и Х. Дрейфус [Wakefield, Dreyfus, 1991] приводят игру на фортепиано и чистку зубов как примеры действий, которые не контролируются сознательно на уровне отдельных

движений, хотя каждое нажатие на клавишу подчинено деятельности агента. М. Роулэндс вводит понятие «преинтенциональных» действий [Rowlands, 2006, p. 102], отталкиваясь от «субинтенциональных» действий О'Шонесси. Преинтенциональное действие – это движение, которое позволяет реализовать предварительное намерение агента, хотя агент мало осведомлен об этом отдельном движении. Как и Уэйкфилд и Дрейфус, Роулэндс приводит нажатие отдельных клавиш на фортепиано в качестве примера, дополняя его примерами спонтанных движений из спорта, позволяющих, скажем, подстраивать положение руки при попытке поймать мяч. Кроме того, он обращает внимание на саккадические движения глаз [Rowlands, 2006, p. 208]: когда мы отслеживаем положение некоторого объекта в поле зрения, мы не ведем к нему взгляд намеренно, но движения глаз осуществляются в соответствии с намерением следить за объектом. Далее мы будем называть минимальные, субинтенциональные, преинтенциональные и других подобных им кандидатов в действия минимальными. Они совершаются на фоне обычных намеренных действий, а также тем, что они находятся на периферии действия вообще.

Вероятно, не все действия совершаются индивидуальными агентами. Пусть в простых примерах в качестве агента выступает одно существо, но в контексте социального взаимодействия иногда имеет смысл говорить о совместной агентности. Танцы, спортивные игры и коллективный труд показывают, что люди способны действовать совместно, тонко подстраивая свои намерения и движения под общую активность. Совместной агентности посвящены работы М. Брэтмана [Bratman, 2009], Э. Пашери [Pacherie, 2014, 2013, 2012], М. Салмелы и М. Нагацу [Salmela, Nagatsu, 2017], А. Симана [Seemann, 2009].

Впрочем, имеющиеся на данный момент работы по совместной агентности концентрируются не на проблеме совместного действия, а на феноменологии агентности, которую нам еще предстоит обсудить в деталях в третьей главе. Скептически о феноменологии совместной агентности высказывается Дж. Доу [Dow, 2018]. Осторожно предскажем, что теории, определяющие совместные

действия, появятся со временем, но задача по их созданию точно вторична по отношению к созданию теории действия для одного агента. В дальнейшем мы вспомним о совместной агентности в контексте исследований феноменологии агентности, но запомним, что задача по ее учету может быть поставлена для теории действия.

1.3.2 Агентность без движения: негативные и ментальные действия

Вернемся к простому и продуманному заранее поднятию руки. Представим школьника, сидящего за партой на уроке. Пусть во время урока учитель задает вопрос, на который школьник точно знает ответ. Если он поднимет руку, его спросят, и он ответит на вопрос правильно. Однако, он довольно стеснителен, и не уверен, что хочет отвечать. Услышав вопрос учителя, ученик раздумывает, поднять руку или нет – и пусть его стеснение побеждает, он воздерживается от поднятия руки. Назовем ли мы такое воздержание (“omission”) действием? С. Пол приводит [Paul, 2021, p. 4] эффектный пример С. Петрова, который в 1983 году не доложил командованию о срабатывании системы предупреждения о ракетном нападении, что предотвратило возможную ядерную войну.

Воздержание, или негативное действие, призвано быть примером действия, в которых агент решает не делать что-то. Оно не обязано выражаться в полном отсутствии активности агента: отказавшись от похода на работу, агент может играть в видеоигры или заниматься бегом. Впрочем, негативные действия могут и не включать никаких движений, и если мы согласны, что имеют место негативные действия, то наша теория будет иметь дело не только с телесными движениями. Среди современных авторов тезис о существовании отдельного класса негативных действий защищает Б. Моссель [Mossel, 2009]. Отказ от действия или наложение на него вето является важным элементом представлений о свободе воли Б. Либета [Libet, 1985]: Либет считает, что именно наложение вето на действие или ранний выбор между действиями могут быть свободными. С другой стороны, например, А. Мили доказывает, что воздержание от действия сводится к другим видам действия [Mele, 2002, p. 147] – движениям с другим описанием, или ментальным действиям.

Проблематика негативных действий до сих выявляется в литературе по теории действия: например, негативным действиям посвящена современная монография Дж. Пейтона [Payton, 2021]. Пейтон доказывает подлинность негативных действий, в том числе с применением средств философии языка.

Допустив возможность отсутствия движения в составе действия, мы сталкиваемся с многообразием ментальных действий. Пусть агент вспоминает стих перед тем, как зачитать его на уроке – он тщательно воспроизводит строки «в уме». Воспроизведение текста и счет в уме, напряженное вспоминание, сосредоточение внимания – все это ментальные действия. Они происходят «у нас в голове», в общем и целом находятся под нашим контролем, и обычно не должны иметь прямых последствий в мире. За ментальными и телесными действиями могут стоять похожие нейронные механизмы, например, перед ментальными действиями тоже регистрируется потенциал готовности – характерный компонент, связанный с подготовкой движения [Alexander et al., 2016]. Тем не менее, ментальные действия не конституированы системами производства телесных движений. Пациенты с синдромом запертого человека (“locked-in syndrome”) [Snoeys et al., 2013] полностью парализованы и не реагируют на внешние стимулы, но остаются в сознании и сохраняют активность в своей внутренней реальности.

Ментальные действия являются достаточно дискуссионной областью. А Пикок [Peacocke, 2021, p. 2] замечает: еще Витгенштейн и Райл полагали, что говорить об отдельных ментальных действиях ошибочно, поскольку умственная активность рано или поздно выражается в виде движений. Скептицизма в отношении ментальных действий придерживается и И. Талберг [Thalberg, 1978], который обращает внимание на отсутствие критериев, позволивших бы разделять ментальные действия и не-действия в потоке мыслей. С другой стороны, существование ментальных действий поддерживают, например, Р. Тейлор [Taylor, 1963], А. Мили [Mele, 1997] и Ж. Пруст [Proust, 2001]. Занимая промежуточную позицию, Т. Метцингер [Metzinger, 2017] признает ментальные действия, но

существенно ограничивает их количество. Более подробно дискуссию о ментальных действиях обзревает А. Пикок [Peacocke, 2021].

Является ли мышление ментальным действием? Это дискуссионный вопрос, и такие авторы как Г. Стросон [Strawson, 2003] отвечают на него резко отрицательно. Впрочем, обратим внимание на приведенный выше пример с морганием. Пусть обычно я не держу моргание под контролем, все же я могу начать им управлять, если переведу на него внимание. Управление мысленным потоком в этом смысле может быть похоже на моргание.

Допущение ментальных действий приводит нас к непростой проблеме об их соотношении с физическими действиями. Особое положение среди множества действий занимает передвижение взгляда, связанное с явным переключением внимания. С одной стороны, они осуществляются мышцами и вполне относятся к подлинным движениям. С другой стороны, в обыденной жизни мы, кажется, не склонны считать их физическими действиями. Тот, кто стоит и смотрит, едва ли что-то делает. Изменения внимания в зрительном поле возможны и без перемещения глаз [Posner, 1980], но переводя взгляд, мы именно переключаем внимание. В случае других модальностей – скажем, слуха, мы делаем это без движений, и такое переключение внимания точно относится к ментальным действиям.

Возможны случаи, когда аналоги ментальных действий все же совершаются с намерением повлиять на мир. Например, интерфейсы мозг-компьютер на основе кинестетического представления движения (напр. [Wolpaw et al., 1991]) позволяют выбирать команду для компьютера с помощью представления конкретного типа движения. Также представимы миры, где агенты воздействуют мир с помощью мысленных команд.

Между тем, нельзя ли предположить, что ментальное действие содержится в успешных телесных движениях? Не сводятся ли они к тому, что мы отдаем мысленную команду, которая приводит в движение части нашего тела? Этот вопрос приводит нас к еще одному различению между наборами интуиций, но они

уже будут относиться не к выделению разных видов действий, а к тому, какие из них являются основными. Мы начали перечисление примеров действий с намеренных телесных движений, полагая их несомненной областью действий, от которой мы постепенно отходили. В итоге мы пришли к ментальным действиям, которые противопоставляются телесным как вторичные. Такой взгляд возможно назвать «корпоралистским» [Paul, 2021, p. 43]: он основан на том, что действие – это телесная активность, даже если агент действует ментально или выбирает не действовать. В рамках корпорализма ментальные и негативные действия будут экзотическими случаями агентности, в которых мозг влияет сам на себя без отдачи моторных команд. Корпорализму противостоит упомянутый нами выше волиционизм, взгляд, согласно которому каждое движение заключает в себе попытку. Вместе с тем ментальные действия могут быть вплетены и в совершение физических действий иначе. Например, Мили рассматривает принятие решения как ментальное действие [Mele, 2000].

Корпорализм стал взглядом по умолчанию в философии действия, вероятно, после влиятельной критики волиционизма Витгенштейном [Витгенштейн, 2018] и Г. Райлом [Ryle, 1949]. Витгенштейн не обнаруживает попытки в своих движениях: кажется, когда в норме мы двигаем частями тела, мы просто это делаем, а не пытаемся. Для Райла волиционизм приводит к регрессу: если мы пытаемся совершить движение, не пытаемся ли мы совершать попытки?

§2. Современные каузальные теории действия

Вероятно, наиболее распространенный подход к анализу действия предлагают каузальные теории действия (КТД). Определяющими становление и дальнейшее развитие КТД стали работы Д. Дэвидсона [Davidson, 1963] и Э. Голдмана [Goldman, 1970].

Дональд Герберт Дэвидсон (1917–2003) был философом действия, сознания и языка [Malpas, 2023]. Дэвидсон работал и преподавал в Калифорнийском университете в Беркли, а также в Стэнфордском, Рокфеллеровском, Принстонском и Чикагском университетах. В 1949 году в Гарвардском университете Дэвидсон

защитил диссертацию по диалогу Платона «Филеб». В сторону современной ему аналитической философии Дэвидсона «развернул» У. В. Куайн своим курсом по логическому позитивизму [Isaac, 2013]. Вероятно, наиболее значимыми достижениями Дэвидсона в философии действия стали его каузальная теория действия и мысленный эксперимент «болотный человек» [Davidson, 1983].

Элвин Голдман (род. 1938) – почетный профессор философии и когнитивной науки в Ратгерском университете в Нью-Джерси. В 1965 году в Принстонском университете защитил диссертацию на тему «Действие». Научным руководителем Голдмана был философ математики П. Бенасерраф. Научные интересы Голдмана включали эпистемологию, теорию действия и философию когнитивной науки [Marshall, 2017]. Наиболее влиятельными работами Голдмана по философии действия остаются статья «Каузальная теория знания» [Goldman, 1967] и книга «Теория человеческого действия» [Goldman, 1970].

В литературе как правило говорят об одной «каузальной теории действия» [Aguilar, Buckareff, 2010; Glasscock, Tenenbaum, 2023; Schlosser, 2019] – где под «теорией» в итоге имеется в виду приверженность автора к событийно-каузальному анализу действия. Мишура [Мишура, 2017] пишет о множестве каузальных теорий, имея в виду не только событийно-каузальные теории, а также различая между собой более стандартные теории. Для Мишуры это разделение служит важным ходом, поскольку он заинтересован в построении теории действия, отличной от стандартной модели. Поскольку мы исследуем общие тенденции в философии действия, и в основном будет иметь дело со стандартной моделью, для нас нет большой разницы между этими подходами, но мы будем говорить о многих КТД для сохранения однородности в русскоязычной литературе. В отличие от Мишуры и следуя другим авторам, мы не будем включать в число КТД волиционистские теории или агентно-каузальные теории.

КТД утверждают, что набор событий считается действием, если и только если его причина в виде ментального состояния агента удовлетворяет определенному набору условий. Агилар и Букарэфф формулируют общую схему

КТД так: «Событие А, связанное с поведением агента S является действием тогда и только тогда, когда А агента S вызвано определенным образом и имеет каузальное объяснение через определенные не-действенные («nonactional») ментальные элементы («mental items»), которые опосредуют или конституируют основания S для А» [Aguilar, Buckareff, 2010]. Этими ментальными элементами могут быть, например, намерения, выражения воли или желания агента. Выбор конкретного antecedenta действия зависит от автора теории, но в результате развития КТД именно намерение стало antecedентом действия по умолчанию.

За время развития КТД в дискуссии оформился набор связанных с ней проблем. Часть из них относится к ментальному antecedенту действия. В современных вариантах КТД рассматривается динамика ментальных состояний агента до и во время действия. Начиная с Голдмана, причинами действий в теориях полагаются конкретные ментальные состояния или эпизоды. Вскоре после публикации книги Голдмана У. Селларс в явном виде возражает Дэвидсону, указывая, что у действия должна быть проксимальная причина – событие определенного типа, которое связано с началом движения [Sellars, p. 194]. Дэвидсон описывает «ментальный фон» агента, но не то, как действие на самом деле происходит. В нынешних вариантах теории действие запускается ментальными эпизодами, а другие эпизоды направляют его по мере совершения. Для построения КТД должно быть уточнено место ментального antecedenta действия в когнитивной архитектуре агента. М. Бранд называет эту проблему «фундаментальной проблемой» философии действия [Brand, 1984, p. 35]. Кроме того, КТД сопряжены с несколькими метафизическими вопросами как о причинной связи между намерением и действием, так и о установлении границ между разными действиями. Сначала мы приступим к анализу понятия намерения в современной философии действия.

2.1 Намерения в философии действия

На сегодняшний день понятие намерения, пожалуй, является центральным не только для философии действия, но и для исследований действия в психологии и

нейронауке. В изначальной версии КТД Дэвидсона намерение не имело статуса самостоятельного ментального состояния: вслед за Энском он редуцировал намерения до желаний и убеждений. Далее мы рассмотрим эволюцию представлений о намерении в современной философии действия. В современных теориях намерения составляют динамическую структуру, уточняющую произвольные движения в составе действия. Перед тем, как перейти к намерениям, мы рассмотрим проблему индивидуации действий, чтобы увидеть, каким образом в философии действия произошло разбиение полноценных поступков агентов до отдельных движений, что и открыло путь для уточнения устройства намерения.

2.1.1 Индивидуация действий

Возникновения динамических описаний того, как намерения действующих агентов уточняются до более частных, произошло после распространения среди философов действия тезиса о самостоятельности намерений как ментальных состояний. Тем не менее, еще до этого в литературе возник атемпоральный способ установления порядка в множестве действий. В «Теории человеческого действия» [Goldman, 1970] Голдман предложил отношение уровневой генерации (“level generation”) между общими действиями и более частными действиями, которые их конституируют. Уровневая генерация Голдмана была введена в рамках его решения проблемы индивидуации действий, то есть обособления их друг от друга.

Формулировка проблемы индивидуации впервые встречается у Энском. Она описывает следующую ситуацию [Anscombe, 1957, p. 37]: пусть некий человек закачивает воду в цистерну, которая обеспечивает жильцов дома водой. Кто-то другой заранее отравил воду, желая погубить жильцов. Первый человек поднимает или опускает руку, качает воду помпой, восполняет запасы воды и отравляет жильцов – совершает ли он четыре действия или одно? [Anscombe, 1957, p. 45] Индивидуация важна в тех случаях, где более сложное действие (написание буквы «Ж») состоит из набора более простых. Если агент решил написать букву «Ж», будет ли написание им частей буквы действиями, или же действием является только совокупное каллиграфическое упражнение?

Х. МакКанн [McCann, 1983] разделяет способы индивидуации действий на три уровня: мелкозернистые до предела (“finest fine-grained actions”), мелкозернистые (мы будем называть их среднезернистыми для удобства) и крупнозернистые. Первый способ индивидуации он приписывает Голдману [Goldman, 1971], третий – Дэвидсону [Davidson, 1963, 1969], а второй – Дж. Томсон [Thomson, 1971] и К. Жине [Ginet, 1990]. Разница между крупнозернистыми и среднезернистыми подходами заключается в том, какие действия они считают тождественными. МакКанн приводит следующий пример: одним ли и тем же действием является «убийство Цезаря Брутом» и «нанесение ударов кинжалом Брутом Цезарю»? Сторонники крупнозернистого подхода скажут, что это так, а сторонники среднезернистого – нет.

Дэвидсон приводит следующий случай: «Я нажимаю на выключатель, включаю свет и делаю комнату освещенной. Не зная этого, я также даю грабителю знать о том, что я дома. В итоге я совершаю всего одно действие, у которого есть четыре описания.» [Davidson, 1963, p. 686] Дэвидсон полагает, что четыре описания относятся к одному действию, поскольку согласно его взгляду на метафизику событий, два события тождественны, если у них одни и те же причины и действия [Davidson, 1969]. Крупнозернистый анализ подразумевает тождество более простых и более сложных действий, что против чего выступают сторонники мелкозернистого анализа, в том числе Голдман.

Решая проблему индивидуации действий, Голдман вводит отношение «уровневой генерации» между действиями [Goldman, 1970, p. 20]. Уровневая генерация предполагает, что сложные действия выполняются посредством простых, но они не тождественны друг другу. Так, множество действий включает простые движения отдельно, не в виде описаний более сложных действий. Например, когда шахматист переставляет фигуру на доске, перестановка им фигуры не тождественна движению руки, но осуществляется посредством движения руки. Уровневая генерация транзитивна, нерефлексивна и ассиметрична. Голдман разделяет уровневую генерацию на несколько типов: одно действие

может генерироваться другим из-за особого каузального консеквента (переключение выключателя приводит к включению света), социальных конвенций (определенное движение может служить сигналом), благодаря внешним обстоятельствам (вытягивание руки может оказаться также вытягиванием руки из окна машины) или потому что наличие одного действия логически выводится через наличие другого [Goldman, 1970, p. 24].

Перебирая уровни действий, рано или поздно мы столкнемся с базовыми действиями. Голдман отдельно обсуждает базовые типы действия и разные токены действия, но мы удовлетворимся типами. Базовый тип действия включает такие действия, которые агент может совершить при нормальных условиях, если захочет, притом этот факт не зависит от знаний агента о соотношении его действия с другими через уровневою генерацию. Если речь идет о человеке в нормальных условиях, то его базовые действия – произвольные движения, которые Голдман включает в свою теорию действия. Человек не имеет убеждений о том, посредством каких действий их нужно совершать, и может совершить их в любой момент. Голдман замечает, что сложные действия не редуцируются до базовых уже из-за того, что сложные действия возникают благодаря дополнительным обстоятельствам, практическому знанию или намерению агента. Обсуждение индивидуации действий у Голдмана приводит к тому, что сложные действия складываются из простых с участием желаний и убеждений агента, конвенций, логического вывода и внешних обстоятельств.

Нам важно зафиксировать, что нижний «этаж» действий состоит из произвольных движений. Они не являются полноценными поступками, изучению которых исторически посвящали себя области философии, сопредельные с философией действия – в частности, исследования свободы воли и моральной ответственности. Включив произвольные движения в множество действий отдельно от поступков, которые они генерируют, Голдман во многом определил дальнейший путь философии действия навстречу эмпирическим наукам. Индивидуация действий разграничивает действия на логическом уровне, но не на

каузальном. Взаимодействие философии с теориями моторного контроля (см. [Rosenbaum, 2009]) произошло в первую очередь при рассмотрении структуры намерений агентов. Это рассмотрение во многом сместило акцент с проблемы индивидуации, дав новый способ связывать общие и частные действия. Для перехода к нему нам следует сначала указать, каким образом понятие намерения закрепилось в современной философии действия.

2.1.2 Самостоятельность намерений и планов

В работе «Намерение» (“Intending”) 1978 года [Davidson, 1978] Дэвидсон вводит намерение в свою теорию действия в качестве особого ментального состояния. В отличие от актуальных взглядов на намерение, Дэвидсон не включает намерение в качестве каузального antecedента действия – как и ранее в его теории, действие вызывается убеждениями и желаниями агента. Основываясь на этом, Дэвидсон пытается ввести намерение, исключая «Какие-либо таинственные акты воли, или специальное отношение или эпизод воления» [Davidson, 1978, p. 45]. Намерение нужно Дэвидсону для объяснения «чистого намерения» (“pure intending”). Он приводит следующий пример: допустим, агент собирается сделать домик для белок [Davidson, 1978, p. 41]. Агент может намереваться сделать домик, не приняв конкретного решения о его изготовлении, и он может так никогда и не сделать домик. Чтобы объяснить это состояние агента, термины «намерение» и «желание» по Дэвидсону не являются достаточными: желание сделать домик должно привести к действию, если агент считает, что обладает всеми средствами для создания домика. Статья Дэвидсона могла повысить интерес других исследователей к намерению, но она предлагает сильно отличающийся взгляд на сущность намерения. Чтобы понять статус и функцию намерений в современных теориях, нам следует обратиться к работам М. Брэтмана.

Майкл Брэтман (род. 1945) – профессор Стэнфордского университета. Брэтман защитил диссертацию в Рокфеллеровском университете в Нью-Йорке, где он работал с Дэвидсоном. В сферу интересов Брэтмана входят философия действия и рациональности. Брэтман известен в первую очередь своим диахроническим

подходом к рациональному планированию, который рассматривает агентность при условии временных и когнитивных ограничений.

Брэтман полемизирует [Bratman, 1981] с подходом, согласно которому намерение редуцируемо до наличия у агента определенных желаний и убеждений. В своей теории планирования, наиболее полно изложенной в книге «Намерения, планы и практический разум» (“Intentions, plans and practical reason”) [Bratman, 1987], Брэтман предлагает теорию, учитывающую намерения и планы агентов в дополнение к их желаниям и убеждениям. Он приписывает намерениям две роли: одну он называет «волевой» (“volitional”), а другую – «сосредоточенной-на-основаниях» (“reasoning-centered”) [Bratman, 1987, p. 27].

Начнем с волевой роли, которая напрямую идет вразрез с тем, чего пытается добиться от намерений Дэвидсон. Похоже, описание покупки билета через убеждения и желания оказывается недостаточным: как правило, если некто приступает к покупке билета, он явным образом принимает конкретное решение о ходе действий, дает обязательство (“commitment”), что собирается совершить их. Брэтман полагает, что такой явно выраженный выбор линии поведения делает намерение особенным состоянием, несводимым к желаниям и убеждениям [Bratman, 1987, p. 27]. Принятие решения – это реальное событие или процесс в ментальной жизни агента, а не одно лишь описание причин его поведения. В отличие от воздействия желаний на поведение агента, намерения контролируют его напрямую, производя выбор между конфликтующими желаниями. Даже если бы одно из желаний набрало достаточную силу для перевешивания других желаний, это необязательно будет приводить к фиксации курса действий [Bratman, 1987, p. 30] – уже поэтому редукция намерения не может быть произведена.

Роль намерений среди оснований действия является более спорной с точки зрения рациональной агентности, но составляет ядро в практической философии Брэтмана. С его точки зрения, намерение служит независимым основанием при выборе действия. Если агент уже решил, что купит билет на поезд, он обычно перестает выбирать опции, например, он прекращает раздумывать о том, не

полететь ли ему до места назначения на самолете. Так, у его решения появляется инерция, это решение сопротивляется пересмотру и входит в список оснований для покупки билета на поезд. Если бы когнитивные и временные ресурсы агента были не ограничены, он мог бы постоянно взвешивать все свои желания и убеждения, но ограничения реальной агентности заставляют его останавливаться на некоем курсе действий.

Возведение «намерения сделать X» в ранг оснований открывает возможность для так называемой «проблемы Мюнхгаузена» (“bootstrapping”) [Bratman, 1987, p. 37]. Инерция принятого решения в некоторых случаях может «вытягивать» соответствующее действие подобно тому, как барон Мюнхгаузен вытянул себя за волосы из болота. Для демонстрации проблемы Брэтман предлагает любопытный исторический пример предвыборных дебатов У. Мондейла и Р. Рейгана в 1984 году. Допустим, перед дебатами Мондейл принял решение задать Рейгану вопрос о военной программе «Звездные войны». Размышления, которые привели к формированию Мондейлом этого намерения, являются иррациональными: они проходили под сильным влиянием эмоций, несмотря на высокие политические риски. Впрочем, Мондейл не остановился на том, какой именно из трех предложенных ему вопросов он посвятит программе «Звездные войны». Пусть основываясь на ходе дебатов и ответах Рейгана, уже во время дебатов он решает выделить на это третий вопрос. Было ли такое решение иррациональным? Если полагать, что намерения включены в список разумных оснований, то открывается возможность рациональности решения, принимаемого на основании иррационального намерения. Такая возможность реализуется, если другие основания, состоящие из желаний и убеждений агента, почти уравновешены: основания для другого вопроса лишь немногим перевешивают основания для вопроса о «Звездных войнах».

В общем и целом, проблема Мюнхгаузена возникает из-за того, что в качестве основания для действия сформулированное намерение агента словно кристаллизуется: стоявшие за ним соображения свернуты внутри него. Мы можем

восстановить изначальную иррациональность намерения, но в самой простой схеме намерение является основанием только благодаря тому, что агент выбрал курс действий, который далее имеет инерцию. Проблема Мюнхгаузена создает серьезные затруднения для теории Брэтмана, и он посвящает значительное время ее решению.

Вернемся к общей картине развития философии действия. В 80-е годы намерение стало самостоятельным понятием в аналитической философии действия, которое не сводится к убеждениям и желаниям агента. У Брэтмана мы находим наиболее полное объяснение статуса намерения в когнитивной архитектуре агента, но еще до публикации его книги в литературе возникло современное деление намерений на типы. Дж. Серл [Searle, 1983, 1979] и М. Бранд [Brand, 1984], а потом и сам Брэтман [Bratman, 1987] ввели различие между двумя классами намерений: предварительными намерениями и намерениями-в-действии. До этого К. Бах ввел понятие эффективной репрезентации [Bach, 1978], во многом напоминающее намерения-в-действии. Предварительное (или дистальное) намерение – это приверженность агента к совершению действия, сформированная заранее. Намерения-в-действии (или проксимальные) присутствуют в самом действии, запускают и направляют во время совершения. Когда у агента есть готовое решение действовать определенным образом, оно переводится в действие и продолжает контролировать его до достижения результата. Впрочем, при описании того, как именно намерение-в-действии направляет движения, философы сталкиваются с исследованиями моторного контроля, соотношения автоматических и неавтоматических процессов при совершении произвольных движений. Поднятие вопроса о динамике намерения привело к взаимодействию философии действия и эмпирических наук.

2.1.3 Динамическая теория намерения

Помимо спонтанности или запланированности действия, имеет смысл обращать внимание на глубину его описания. Мы часто совершаем достаточно сложные действия, которые состоят из нескольких движений. Если агент выбирает

одежду и решает надеть куртку перед прогулкой, надеванию куртки соответствует предварительное намерение, но застегнуть молнию он может отдельно не планировать заранее. Наши обыденные действия могут быть рассмотрены с разным уровнем детализации: одно сложное действие включает несколько промежуточных, и каждое звено в этой последовательности реализуется благодаря набору моторных команд. Образование такой многоуровневой структуры движений происходит вместе с формированием различных намерений, также образующих определенную иерархическую структуру.

В «Намерении и действии» [Brand, 1984] Бранд предпринимает попытку совмещения данных современной ему когнитивной науки с каузальной теорией действия. Бранд полагал, что психологические и вычислительные теории контроля над движениями помогут решить «фундаментальную проблему», дадут точное описание того, как намерение-в-действии приводит к движению и направляет его. В книге Бранд обращается к идеомоторной теории и различным кибернетическим подходам, но приходит к тому, что движения контролируются благодаря обратной связи. Привлечение эмпирических теорий имеет цену: они склонны устаревать.

Рассуждая о развитии действий в реальном времени и сверяя это развитие с современными сведениями о моторном контроле, в 2006 году Э. Пашери предложила динамическую теорию намерений [Pacherie, 2006]. Динамическая теория намерений описывает иерархию трех видов намерений, где намерения-в-действии подчинены предварительным намерениям, а им в свою очередь подчинены отдельные М-намерения (моторные намерения), которые соответствуют отдельным моторным репрезентациям. Динамическая теория фактически претендует на решение «фундаментальной проблемы» Бранда, уточняя каузальную цепь от предшествующего намерения до движения.

Понятие моторной репрезентации используется в когнитивной нейронауке, куда его ввел М. Дженнерод [Jeannerod, 1994] в рамках своей теории моторной симуляции. На мысли о существовании моторных репрезентаций его натолкнули некоторые данные о кинестетическом представлении движения. Данному

феномену посвящена специализированная литература, поэтому нам стоит начать с разъяснений. Кинестетическое представление движения – это способность агента представлять кинестетические ощущения, связанные с определенным движением [Guillot, Collet, 2012]. Кинестетические ощущения включают в себя размах, направление или вес движения [Taber's Cyclopedic Medical Dictionary, 23rd ed., 2017], но не его зрительный образ – так, кинестетическое представление отлично от зрительного. Представление движений можно изучать как психофизически, так и с помощью нейронаучных методов. Кинестетические образы сохраняют пространственные и временные характеристики полноценных движений [Guillot, Collet, 2005; Lorey et al., 2010]. Известно, что нейронные механизмы, ответственные за представление движения, в значительной степени пересекаются с механизмами, которые генерируют соответствующие им явные движения [Decety, 1996]. Кроме того, те же механизмы мозга активируются и при распознавании чужих движений [Parsons et al., 1995].

Возможность ментального воспроизведения движений с сохранением их характеристик побудила Дженнерода считать, что кинестетическое представление движения – это их симуляция, и такая симуляция задействует некие готовые образы движений – моторные репрезентации. Те же репрезентации активируются при наблюдении за чужими движениями. Использование моторных репрезентаций объясняет точность кинестетического представления и соответствие между активностью мозга при совершении движений, их представлении и наблюдении за ними. Дженнерод замечает, что моторные репрезентации не осознаются агентом при совершении движений [Jeannerod, 1994, p. 190]. Как это обычно бывает в когнитивной науке, последующие эмпирические результаты привели к размыванию и делению понятия моторной репрезентации [Ferretti, 2016], но мы не будем углубляться в тонкости использования этого понятия в современной литературе. Нам важно вынести следующую мысль: по-видимому, в совершении движений задействуются гипотетические когнитивные единицы, которые кодируют точные параметры движений и их результат. Поскольку эти параметры

не содержатся в наших обычных осознанных намерениях, Пашери привлекла понятие моторной репрезентации для описания нижних этажей структуры намерения.

Рассмотрим пример, иллюстрирующий структурную сложность намерений. Допустим, агент увидел под крышей сосульку и решил сбить ее. Агент додумался сбить сосульку снежком – он решил, что снежок будет использоваться для достижения цели. Слепив снежок, агент решается кинуть его в определенный момент времени – у него возникает намерение-в-действии. Чтобы попасть снежком в сосульку, требуется отдать мышцам точные моторные команды. Во время реализации намерения-в-действии у агента активируется моторная репрезентация, описывающая точный бросок – и вот, агент успешно сбивает сосульку. Пашери считает, что это финальное уточнение переводит рассмотрение на уровень М-намерений. В отличие от намерений более высокого уровня, М-намерения не предполагают сознательного доступа, что некоторые авторы, впрочем, считают недопустимым в отношении намерений. Даже если не считать выбор моторных команд намеренным, агент должен сообразить, что он сделает, как он это сделает, и когда он начнет действовать. В итоге если мы в достаточной мере уточним действие, ему не будет соответствовать некоего простого решения, принятого в один момент времени.

Критикуя теорию Пашери, К. Броццо [Brozzo, 2017] предложила три требования к ментальному состоянию, которое претендует на то, чтобы называться намерением. Во-первых, содержание намерения должно быть доступным для сознания. Во-вторых, оно обязано быть интегрируемо с другими пропозициональными установками агента (его желаниями и убеждениями). Агент должен быть способен изменить или уточнить намерение в свете новой информации об обстановке или возникновении у него новых потребностей. В-третьих, к намерению предъявляется требование «жесткой консистентности» (“strong consistency”) Брэтмана [Bratman, 1987, p. 46]: оно должно позволять агенту иметь непротиворечивый план дальнейших действий, быть совместимым с уже

имеющимися желаниями и убеждениями агента. Моторные намерения по Пашери не всегда доступны практическому разуму агенту в достаточной степени, чтобы считаться намерениями по Броццо.

Преимущество подхода Броццо заключается в том, что он проводит границу между моторными процессами и понятием намерения в его обыденном смысле. Вспомним, что отдельный статус намерения как ментального состояния был придан ему Брэтманом, потому что принятие агентом решения в пользу тех или других желаний не может быть описано исключительно через обращение к понятию желания. Намерения участвуют в совершении действий, поскольку являются его каузальными антецедентами в стандартной модели КТД, но не любой каузальный антецедент движения должен считаться намерением. В КТД совершение действия каузально связано с его основанием, для которого намерение служит наиболее подходящей ментальной «упаковкой». Как только антецедент действия становится неосознанным, агент теряет над ним тот тип контроля, который должен присутствовать, когда речь заходит о действиях.

В 2019 году Пашери в соавторстве с М. Милопулос предложила обновленный вариант динамической теории намерений. В ней авторы предлагают новую мотивацию для введения понятия моторного намерения: оно призвано отсеять часть случаев отклоняющихся каузальных цепей [Mylopoulos, Pacherie, 2019, p. 3]. Эта проблема является классической в теории действия и известна еще из трудов Дэвидсона – подробно мы будем обсуждать ее в третьем параграфе. Чтобы решить данную проблему моторные намерения должны обеспечивать детальный контроль агента над результатами его действий.

Милопулос и Пашери поясняют, почему М-намерения должны называться именно намерениями, а не просто моторными репрезентациями. В отличие от моторных репрезентаций вообще, М-намерения вызывают движения – такова их функциональная роль, и подобная роль приписывается намерениям как каузальным антецедентам движений [Mylopoulos, Pacherie, 2019, p. 4]. На критику Броццо Милопулос и Пашери отвечают, что, хотя традиционные взгляды на понятие

намерения и предполагают сознательный доступ, на этом необязательно настаивать – особенно учитывая, что М-намерения согласованы с намерениями-в-действии [Myloroulos, Pacherie, 2019, p. 4]. Первые являются уточнениями последних, и соответствие между ними обеспечено в когнитивной архитектуре агента, пусть и не через рациональные основания. Остаток статьи Милопулос и Пашери посвящают прояснению понятия моторной репрезентации в свете накопившихся нейронаучных данных, а также ревизии того, как именно происходит координация между уровнями намерений. Так, фокус теории переходит на репрезентации и их функциональную роль, в то время как ментальное содержание намерений и их логическая связь с убеждениями и желаниями остаются в стороне.

Подытожим наше обсуждение намерений. Если человек находится в сознании, и он способен влиять на окружающую среду, то он постоянно формулирует намерения. Они перетекают друг в друга, уточняя и обобщаясь, и не обо всех частях этой структуры мы осведомлены одинаково хорошо. Верхний «слой» намерения содержит самый общий образ действия и соответствует приверженности агента к совершению некоторого действия. Глубины намерения уходят к недоступным нам моторным репрезентациям отдельных движений. Разумно требовать от намерений сознательного доступа и совместимости с желаниями и убеждениями агента; намерения – это то, что мы можем подвергать пересмотру и использовать в качестве рационального основания. Когда мы изучаем возникновение намерения, мы пытаемся обнаружить не появление некоторого нового состояния в нашем сознании, а переходную точку во внутренней жизни агента, после которой он обычно оказывается способен отчитаться о ментальном состоянии, словесно выразимом как: «Я собираюсь сделать А». Введение неосознанных намерений расходится с его интуитивным психологическим пониманием, что отдаляет теории от того, как агенты сами представляют свою внутреннюю жизнь.

2.2 Метафизика КТД

Каузальные теории представляют действие как набор событий, имеющих определенную ментальную причину. Использование таких понятий как «событие» и «причина» несет груз метафизической проблематики: события и причины должны быть некоторым образом включены в онтологию. Далее мы рассмотрим эту проблематику и попытаемся установить, относится ли она к философии действия, или же к сопредельным ей областям философии. Метафизические проблемы либо имеют риски влияния на КТД, либо присущи самой философии действия. В категорию метафизических проблем также возможно проблему отклоняющихся каузальных цепей, но к ней мы обратимся с следующим параграфом: ее нельзя назвать в строгом смысле метафизической. Сначала мы приступим к обсуждению связи между философией действия и проблемой ментальной каузальности: мы уже говорили, что они могут быть разделены, но нам стоит подробнее изучить границу между ними.

2.2.1 КТД и ментальная каузальность

Вернемся к определению КТД у Агилар и Букарэфф: действие должно быть «вызвано определенным образом» и иметь «каузальное объяснение через определенные не-действенные ментальные элементы которые опосредуют или конституируют основания» действия для агента [Aguilar, BUCKAREFF, 2010]. Указание на то, что некие события вызваны ментальными элементами, может вызывать метафизическую тревогу: не вводится ли здесь ментальная каузальность? Первое впечатление обманчиво: соотнесение причины с ментальными элементами обычно не означает постулирования ментальной каузальности в КТД. Причинами действий в каузальных теориях как правило полагаются состояния центральной нервной системы, на которых супервентны указанные ментальные состояния, или которым эти ментальные состояния тождественны. Сам Дэвидсон разрабатывал теорию аномального монизма, согласно которой ментальные события тождественны определенным физическим событиям, несмотря на невозможность редукции психологических объяснений к физическим [Davidson, 2001].

Голдман рассматривает различные отношения между ментальными и физическими событиями и приходит к выводу о том, что убеждения и намерения агента могут быть причинами действий как для тождества, так и для номологической зависимости между ними [Goldman, 1970, p. 162]. Основными противниками КТД он полагает бихевиористов, например, Дж. Уотсона и Б. Скиннера. Отвечая им, Голдман возражает против элиминации ментальных понятий из каузальных объяснений поведения, то есть выступает за сохранение психологических научных объяснений с привлечением понятий желания и намерения. Он полагает, что нейрофизиологические данные возможно примирить с их использованием, которое необязательно будет полагать ментальные состояния самостоятельными причинами физических событий. Далее мы проясним, каким образом Голдман старается сохранить ментальное в объяснениях поведения, не вводя ментальной каузальности. Если проект Голдмана успешен, КТД по крайней мере теоретически может быть построена для любого решения проблемы сознание-тело, кроме элиминативизма (напр. [Churchland, 1989, 1981]). Примечательно, что во второй главе мы будем иметь дело со следующим витком дискуссии между учеными-эмпириками и философами действия, начавшимся в 1980-е годы.

Свою защиту ментальных понятий Голдман выстраивает на том, что если нейрофизиологические состояния достаточны для совершения действия, то из этого не следует, что намерения или желания не необходимы для действия. Сразу оговоримся, что Голдман явным образом не основывается на какой-либо теории причинности и не предлагает своей теории [Goldman, 1970, p. 24]. Для него событие E1 является причиной для события E2, если E1 необходимо для наступления E2. Ради удобства скажем, что если набор событий C1... Cn необходим и достаточен для наступления E, то он является полной причиной E. Тогда чтобы показать каузальную эффективность некоего события, Голдману нужно разместить ментальные события в полной причине E: полная причина движения не должна включать только лишь нейронные события. Ментальные

события должны быть необходимы для наступления движения. Принцип (I), с которым соперничает Голдман, формулируется следующим образом:

«Если события $C_1, C_2 \dots C_n$ совместно достаточны для наступления события E , то никакие события, кроме $C_1, C_2 \dots C_n$, не необходимы для события E » [Goldman, 1970, p. 159].

Голдман замечает, что Принцип I не поддерживает транзитивность отношения причинности в случае цепи событий. Пусть событие C_1 в момент t_1 является достаточным условием для наступления события C_3 в t_3 , но также оно достаточно для наступления события C_2 в t_2 , достаточного для наступления C_3 . Имеет место цепь событий, но Принцип I утверждает, что в этой цепи C_2 никогда не является причиной события C_3 (не необходимо для C_3), если C_1 достаточно для наступления C_3 . Всякий раз настоящей причиной события C_n служит некая первопричина, которая определяет, что произойдет событие C_n . Принцип I действительно ведет к абсурдному заключению, но это происходит, если предполагать разнесение событий во времени. Затем Голдман рассматривает уточненную версию Принципа (Принцип II), который требует одновременности как событий $C_1, C_2 \dots C_n$, так и событий, не необходимых для наступления E . Новый принцип более похож на то, что могли бы сказать противники каузальной эффективности намерений и желаний: эти психологические состояния скорее всего супервентны на нейронных состояниях в фиксированные моменты времени: нет особых оснований полагать, что сопряженные ментальные и физически события разнесены во времени.

Чтобы показать неработоспособность Принципа II, Голдман по очереди рассматривает отношения, которыми могли бы быть связаны психологические и физиологические состояния. По замыслу Голдмана, если соответствия между ними реализованы с помощью этих видов отношений, Принцип II не выполняется. На деле Голдман старается опровергнуть несколько принципов, поскольку ему было бы достаточно найти хотя бы одно отношение, которое вызывает противоречивость Принципа II, чтобы его отклонить. Отношения между состояниями включают либо

их тождество, либо номологическую связь. Голдман разбирает три варианта законов убывающей общности: универсальные законы порождения психологических состояний, законы, работающие в рамках отдельных видов и, наконец, законы, действующие для отдельных агентов. Случай тождества оказывается тривиальным: дискуссия Голдмана и его противников переходит в плоскость применимости и избыточности понятий при указании на одни и те же события.

Для случая номологической связи Голдман вводит понятие «одновременной номологической эквивалентности свойств»: если в момент времени t объект o имеет свойство φ если и только если он имеет свойство ψ , то свойства φ и ψ одновременно номологически эквивалентны. Голдман понимает под событием проявление некоторого свойства объектом. Так, он автоматически переносит отношение одновременной номологической эквивалентности на события. Такие события $C1$ и $C2$ будут взаимно необходимы и достаточны: номологически невозможно, чтобы одно свойство проявлялось без другого. Пусть $C1$ необходимо и достаточно для E . Так как $C2$ необходимо и достаточно для $C1$, оно также необходимо и достаточно для E , и Принцип II оказывается нерабочим. Фактически Голдман просто показывает, что между $C2$ и E есть контрафактическая зависимость: если бы не было $C2$, то E бы не произошло. Заметим, что такая зависимость будет выполняться всегда, если физиологическое событие $C1$ необходимо и достаточно для E , и в соответствии с набором законов оно одновременно порождает $C2$.

Совместимость ментальной каузальности с натурализмом все же имеет жесткие пределы: рассматриваемые физиологические события должны приводить к действию, что далеко не является данностью. Аргументация Голдмана перестает работать, если верен т.н. «модулярный эпифеноменализм» [Nahmias, 2002] - тезис о том, что связанные с действием ментальные состояния агента соответствуют тем механизмам мозга, которые не участвуют в порождении поведения. Модулярный эпифеноменализм – это не философская, а нейронаучная позиция, хотя она имеет

далеко идущие философские последствия. Для оценки правдивости этой позиции необходимо тщательное рассмотрение самих эмпирических свидетельств. Угрозу КТД со стороны модулярного эпифеноменализма мы рассмотрим во второй главе, проанализировав работы его сторонников – Д. Вегнера, М. Газзанига, Дж.-Д. Хайнса и других авторов.

2.2.2 КТД и теории причинности

В своей аргументации в пользу сохранения намерений и желаний в каузальных объяснениях действия Голдман опирается на контрафактическое понимание причинности. Его нельзя назвать безальтернативным, и поэтому нам стоит поставить вопрос о том, насколько КТД чувствительны к встраиванию в них той или иной теории каузальности. Эти теории классифицируются на основании того, что они полагают релятами каузального отношения, и что они говорят о самом отношении.

Начнем с вопроса о каузальных релятах. КТД Дэвидсона и Голдмана основываются на событийной каузальности – причинной связи между событиями. Как мы видели, Голдман обрисовывает эти связи отдельно для ментальных и физических событий. По Дэвидсону ментальные события тождественны физическим – Голдман также рассматривает этот вариант, но не считает его наиболее вероятным. Последователи Дэвидсона и Голдмана также опираются на событийную каузальность при анализе действия, что является важной частью КТД [Schlosser, 2011].

Не все исследователи действия согласны с тем, что события являются корректными релятами для описания агентности. В погоне за природой агентности некоторые авторы вводят особый вид причинности – агентную каузальность. Мы упоминали их теории в первом параграфе. Согласно теориям агентной каузальности, каузальными антецедентами действий являются не события, а агенты. Основная сила теорий агентной каузальности заключается в том, что они хорошо соответствуют высказываниям агентов. Когда агент топает ногой, он не говорит, что его намерение или первичное основание вызывают его топанье ногой

– он утверждает, что именно он топает ногой. Сторонники агентной каузальности в первую очередь заинтересованы в защите либертарианского решения проблемы свободы воли. Поскольку исследования этих авторы концентрируются на природе причинности, а не на вопросах о разграничении между действиями и другим поведением, их теории стоило бы в первую очередь считать теориями ментальной каузальности, а не теориями действия.

Помимо вопроса о вмещении либертарианской свободы воли в метафизику, аргументом в пользу отказа от событийной каузальности для описания действия может служить возражение от исчезающего агента (“disappearing agent objection”). Сторонники стандартных версий КТД утверждают, что действия вызываются намерениями или другими ментальными состояниями. Соответствует ли это тому, как агенты переживают свои действия и говорят о них? Когда агент чешет затылок, это будто бы делает именно он, а не его намерения или желания. Дж. Д. Веллеман критикует стандартную модель действия, указывая на то, что агент словно оказывается ареной для ментальных состояний [Velleman, 1992, p. 461], в то время как обычные психологические объяснения должны вовлекать в объяснение действия агента целиком. Мили полагает [Mele, 2002, p. 215], что первым возражение от исчезающего агента сформулировал А. Мелден в его книге «Свободное действие»: «Бесполезно пытаться объяснять поведение через каузальную эффективность желания – все, что она может объяснить, есть дальнейшие события, а не действия, совершаемые агентами. . . . В этой картине нет места... даже для поведения, которое должно было быть объяснено"» [Melden, 1961, p. 128]. В литературе феноменологические наблюдения, в которых агент предстает для себя тем, кто порождает действие, называются переживаниями «себя-как-источника» действия [Horgan et al., 2003]. Поскольку возражение от исчезающего агента опирается на феноменологию, его убедительность зависит от того, что мы можем сказать о феноменологии агентности. Мы детально займемся разбором ее возможного содержания в третьей главе. В то же время сам

метафизический вопрос о том, может ли агент быть причиной поступка или действия, относится к проблеме ментальной каузальности.

Возражение от исчезающего агента необязательно требует экстравагантных метафизических ходов для его преодоления. Например, Веллеман считает, что возражение может быть преодолено, если каузально эффективные ментальные состояния агента будут иметь функциональную роль, аналогичную роли самого агента: желания или намерения должны быть неотчуждаемыми [Velleman, 1992, p. 476]. Возражение также может привести исследователя к постулированию первичного статуса агентности по отношению к метафизическим разбирательствам. Т. Нагель отказывается от попыток нахождения места агентности в объективной реальности и считает неустранимыми как внутреннюю перспективу агента, так и точку зрения из внешнего мира [Nagel, 1986]. В качестве иллюстрации многообразия стратегий современных философов стоит упомянуть альтернативный взгляд на соотношение между агентностью и причинностью: некоторые авторы анализируют причинность через агентность, а не наоборот. К числу таких теорий причинности относятся, например, манипуляционная теория причинности Дж. Вудворда [Woodward, 2004] и агентная теория причинности П. Мензиса и Х. Прайса [Menzies, Price, 1993]. Эти теории не включены в область нашего исследования, поскольку они не посвящены изучению агентности.

Перейдем от релятов к каузальному отношению. Голдман, а перед ним и Дэвидсон не производили серьезных метафизических построений в этой области. Как мы видели выше, Голдман отказывается говорить о природе причинности. Теория причинности Дэвидсона [Davidson, 1967] имеет дело в первую очередь с высказываниями о причинности, и хотя она накладывает ограничения на метафизику, ей сложно однозначно сопоставить метафизическую теорию. Тем не менее, у обоих есть указания на контрафактический анализ причинности, и контрафактические теории причинности [Lewis, 1973a] (см. [Menzies, 2009]) действительно неплохо совместимы с КТД. Согласно контрафактическим теориям, событие А является причиной события В при условии того, что если бы не

произошло А, то не произошло бы и В. Контрафактические теории особенно хорошо позволяют учитывать негативные действия [Payton, 2021] посредством применения метафизики возможных миров.

Метафизика возможных миров – область аналитической метафизики, возникшая на основе модальной логики (см. [Nolan, 2002]). Философы, разрабатывающие эту область, анализируют возможность и необходимость утверждений о мире с помощью моделирования альтернативных миров, устроенных иначе, чем наш актуальный мир. Например, существование единорогов является возможным, поскольку представим внутренне непротиворечивый мир, в котором они могли бы обитать. Взгляды на онтологический статус возможных миров разнятся от автора к автору: например, основатель метафизики возможных миров Д. Льюис считает их ничуть не менее реальными, чем наш мир [Lewis, 1973b]. Вернемся к негативным действиям. Пусть агент решил не пойти в магазин и не пошел, но существует возможный мир, где он все же пошел в магазин. Негативное действие агента может быть определено через действие в близком (то есть достаточно похожем на наш) возможном мире: в отличие от того мира, в актуальном мире агент бездействовал. Здесь предполагается, что возможный мир, где агент пошел в магазин, представим.

Главной проблемой для контрафактических теорий создают случаи сверхдетерминации – набора ситуаций, в которых событие предопределено сразу несколькими способами. Применительно к действиям сверхдетерминация может возникнуть при рассмотрении франкфуртских случаев [Frankfurt, 1969]. Пусть нейрохирург имплантировал в мозг пациента чип, который позволяет поднимать его руку с помощью нажатия кнопки на пульте. Далее хирург просит пациента поднять руку. Если пациент не поднимет руку сам, хирург нажмет кнопку на пульте, и рука пациента все равно поднимется. Тем не менее, пациент произвольно поднимает руку, и хирург не вмешивается. Простой контрафактический анализ говорит, что намерение пациента поднять руку не является второй причиной поднятия руки, поскольку второе событие все равно произошло бы, если бы

пациент решил не поднимать руку. Результат выглядит сомнительно – вряд ли мы примем его, стиснув зубы. Мы бы хотели, чтобы связь между намерением и действием не обнулялась при сверхдетерминации. Насколько легко выполнить это требование?

Дальнейшее развитие метафизики причинности показало: избавление от сверхдетерминации может дорого стоить теоретику. Заглянем из времен становления КТД в XXI век. Контрафактические теории допускают сложные случаи «двойного предотвращения» (“double prevention”), предложенные Н. Холлом [Hall, 2004]. В этих случаях связь между причиной и действием не удовлетворяет набору требований, позволяющих исключить сверхдетерминацию. Холл доказывает, что стратегии обхода сверхдетерминации для контрафактических теорий строятся на трех принципах: локальности, транзитивности и внутренней сущности (“intrinsicness”). Локальность – свойство причинной связи, для выполнения которого между причиной и действием должна располагаться цепь из промежуточных событий, близких друг к другу в пространстве и времени. Транзитивность – свойство отношения, причинная связь транзитивная, когда верно следующее: если А является причиной В, а В является причиной С, то А является причиной С. Наконец, условие внутренней сущности требует от причинной связи, чтобы она определялась внутренней структурой событий, то есть причинная связь между А и В должна устанавливаться сущностью А и В вместе с фундаментальными законами. Мы не будем приводить полное доказательство Холла, связывающее любые разрешения сверхдетерминации с этими тремя принципами, но сформулируем общее объяснение: чтобы событие А приводило к событию В без сверхдетерминации, нужно, чтобы между ними выстраивалась цепочка событий, каждое из которых непосредственным образом приводит к последующему.

При «двойном предотвращении» контрафактическая зависимость между причиной и действием имеется, но она не локальна, не транзитивна и не определяется внутренней структурой набор событий, ведущих от причины к

действию. Пытаясь спасти концепцию причинности, в которой эти условия все же выполняются, Холл постулирует существование двух видов причинности: контрафактической зависимости и производства (“production”), «прямой» каузации одного события другим. В результате теория Холла является плюралистической теорией причинности; подобные теории также предлагают, например, Р. Хейли [Healey, 1994] и Дж. Уильямсон [Williamson, 2006].

Выше мы имели дело со случаем, где движение производилось намерением агента, но не зависело от него. В свете плюрализма Холла в КТД могли бы возникнуть случаи, когда движение агента зависит от намерения, но не производится им. Подобные случаи описаны в литературе (см. [Maui, 2012]), но попадают под юрисдикцию проблемы отклоняющихся каузальных цепей, с которой мы еще будем иметь дело. В философии действия есть стандартный ход, применяемый при образовании «странных» примеров каузальности – таким случаям просто отказывают в статусе действий под давлением интуиций. Далее авторы ищут уточнения теории, позволяющие избавиться от неудобных случаев через разбиение действий на отдельные движения, конкретизацию каузальных связей между событиями или наложение других условий.

Таким образом, не все недостатки теорий причинности страшны КТД: само построение теории действия позволяет защититься от их части. В то же время принятие контрафактической теории причинности помогает включению в КТД негативных действий. С другой стороны, вопрос о каузальных релятах действия относится, скорее, к проблеме ментальной каузальности.

2.2.3 Индетерминистическая каузальная теория действия А.С. Мишуры

Ранее мы имели дело с вопросом о совместимости КТД с теми или иными теориями причинностями. Перед нами может встать другой вопрос о метафизике каузальности для КТД: совместимы ли КТД с индетерминизмом? В своей кандидатской диссертации [Мишура, 2017] индетерминистическую каузальную теорию действия разрабатывает А.С. Мишура, и мы рассмотрим именно его теорию. Основная сложность включения индетерминизма в контроль агента над

его действиями состоит в том, что совершение агентом того или иного действия словно становится случайным.

Разрабатывая теорию, Мишура осуществляет крупные метафизические построения. Перед тем, как анализировать процесс принятия решений или другие ментальные процессы в жизни агента, Мишура занимается подбором онтологии для размещения в мире индетерминированного действия. В этом методология Мишуры отличается от стандартного хода мысли большинства современных философов действия, которые либо вовсе не обсуждают онтологические вопросы, либо предпринимают меры для их отделения от проблематики действия, что мы ранее видели у Голдмана.

Мишура разделяет действия на автоматические и проблематические [Мишура, 2017, с. 182]. Автоматические действия отличаются от проблематических тем, что совершаются без процесса принятия решения. Так, Мишура делает акцент не на проксимальном контроле, а на формировании у агента предшествующего намерения. Мишура основывает свою модель на теории Дэвидсона. Причиной действия в его модели является совокупность внешних и внутренних и внутренних событий в жизни агента. Для описания автоматических действий Мишура заменяет осознанные убеждения агента на его диспозиции. Установка и диспозиция агента позволяют рационализировать его действие. В итоге для автоматических действий Мишура приспособливает несколько видоизмененную дэвидсоновскую модель.

Индетерминистический компонент Мишура вводит для проблематических действий, а именно в процесс принятия решения. Агент сталкивается с проблематическим действием тогда, когда ему требуется принять некоторое решение, но его установки и диспозиции не формируют достаточного основания для действия. Для того, чтобы решение было принято, агент должен «трансформировать свою личность» [Мишура, 2017, с. 189] – преобразовать свой набор установок и диспозиций таким образом, чтобы их некоторой пары установка-диспозиция сформировалось основание, приводящее к действию

детерминистически. Таким образом, Мишура признает принятие решения полноценным действием.

Разберемся с тем, каким образом Мишура вкладывает индетерминистический элемент в свою модель. Для этого Мишура отказывается от каузального понимания контроля, опираясь на представления об опыте действующего агента и употребление слова «контроль» в обыденном языке. Пытаясь найти психологический процесс, который можно было бы сопоставить с контролем, Мишура останавливается на внимании, а именно на его нисходящей [Wu, 2011] разновидности [Мишура, 2017, с. 203]. Выделяя ту или иную информацию, внимание вносит вклад в то, какое решение принимает агент – и в этом состоит сознательный контроль агента над принятием решения. Внимание включает или исключает из рассмотрения варианты действия. В результате то, какие диспозиции и установки обнаруживаются вниманием в процессе их направленного поиска, модифицирует личность агента – он становится агентом с выделенным набором диспозиций и установок. Мишура вкладывает элемент индетерминированности именно в работу внимания: то, какое основание найдет агент, в модели не предопределено заранее.

Далее Мишура старается примирить индетерминированность внимания с эмпирическими данными, но этот вопрос уже относится не к философии действия, а к самой метафизике причинности и ментальной каузальности. Нас интересует следующее: не приводит ли внесение индетерминизма в работу внимания к отсутствию контроля агента над действием? Сложность заключается в том, что Мишура рассматривает процесс принятия решения, а не контроль над тем действием, которое за ним последует. Принятие решения далеко от парадигмальных примеров действий для КТД: оно происходит в условиях метакогнитивного контроля. Кажется, контроль над вниманием поход на проксимальный контроль над движениями: он так же сопровождается усилием, пусть ментальное усилие и отличается от физического [Schmidt et al., 2012]. Вопрос о том, как некое ментальное намерение-в-действии направляет внимание –

непростая проблема, имеющая риск прихода к регрессу, ведь само намерение-в-действии как будто сопряжено с вниманием. На сегодняшний день против вкладывания индетерминизма в процесс принятия решения нельзя привести однозначных возражений, связанных с природой контроля – данный ход не приводит к тому, что результат действия определяется удачей. Если введение индетерминистического контроля где-либо и возможно, то именно в процессе принятия решения, но против такого размещения сложно возразить, поскольку динамика работы нисходящего внимания и метакогнитивного контроля плохо прояснена. Если принятие решения является действием, то оно является ментальным действием, которым философы действия уделяют не так много внимания. Проблема учета разных типов действия – это еще одна метафизическая проблема КТД. Данная проблема встает в первую очередь из-за описания действий как событий: ментальные antecedentes приводят либо к движениям, либо к ментальным событиям, либо к отсутствию события.

2.2.4 Проблема учета КТД разных действий

До обсуждения КТД мы рассмотрели кандидатов на статус действия. Все ли из них могут быть интегрированы в одну каузальную теорию? КТД Дэвидсона или Голдмана в первую очередь рассчитана на то, чтобы иметь дело с намеренными движениями. Она сама и более поздние варианты КТД достаточно легко принимают спонтанные действия, если они направлены намерением-в-действии. С другой стороны, у нее могут возникнуть сложности с интеграцией минимальных, ментальных и негативных действий. Эти сложности не обязательно должны быть устранены: если полученная теория будет хорошо объяснять рациональный контроль, но отвергать ментальные или минимальные действия, мы можем остановиться на ней, как на частной, или показать, что неучтенные активности не относятся к действиям.

Вариант КТД, учитывающий минимальные действия, был предложена К. Бахом в 1978 году [Bach, 1978]. Подробно мы рассмотрим его в четвертой главе. Во многом сортировка действий на периферии – техническая задача, связанная с

определением контроля над тем или иным движением. Если минимальные действия все же полагаются действиями, то только при условии той самой консистентности с осознанным поведением агента. Так как у агента нет непосредственного доступа к минимальным действиям, он не может их пересмотреть и использовать намерения совершить их в качестве рациональных оснований.

Если речь идет о негативных действиях, основная проблема для их включения в КТД состоит в том, что каузальным консеквентом в стандартной модели служат события. К каким событиям приводят негативные действия, раз они по определению есть воздержание от действия? Одной из стратегий для интеграции негативных действий является теоретическое оформление негативных событий или отсутствий (“omissions”) как настоящих событий. Дж. Пэйтон [Payton, 2021] разрабатывает подход, согласно которому консеквентами в негативных действиях тоже служат события. Эти события не требуют включения негативных сущностей в метафизику, поскольку они тождественны обычным, «положительным» событиям. С другой стороны, негативные действия могут побуждать к отказу от стандартной модели. Хорсби считает, что невозможность КТД включить этот класс действий является очередным доводом против базирования теории действия на событийной каузальности [Hornsby, 2004].

Могут ли КТД учесть ментальные действия? Жине считает [Ginet, 1990, p. 11], что у простых ментальных действий (в частности, у волений) отсутствует ментальная структура. Ментальные действия просто происходят, и не предваряются никакими ментальными антецедентами. С помощью этого утверждения Жине атакует каузальную теорию действия вне зависимости от того, ориентируется ли она на событийную или агентную каузальность. Жине приводит [Ginet, 1990, p. 12] в качестве примера спонтанное произнесение односложного слова в уме. До его мысленного произнесения слово будто бы не репрезентировано в содержании сознания агента: оно появляется одновременно с действием. Ж. Пруст [Proust, 2001] формулирует «загадку доступа» (“the access puzzle”) в

отношении ментальных действий на примере контроля внимания. До перевода внимания на некоторый объект мы будто бы должны сначала воспринять этот объект, а потом совершить ментальную операцию. Так не происходит – мы не осознаем то, на что направляем внимание, объект дается нам уже тогда, когда внимание переведено на него. Мы вновь сталкиваемся с кажущейся простотой ментальных действий, которым будто ничто не предшествует. Повторим вопрос Витгенштейна, который ставит для ментальных действий Мили [Mele, 2009а, р. 19]: что останется от мысленного произнесения слова, если вычесть само появление слова в сознании?

Начнем с отгораживания наиболее перспективных кандидатов на статус ментальных действий. Иногда мы совершаем ментальные действия с предварительным намерением. Например, если агент не может заснуть и раздумывает, не начать ли ему считать овец, и в итоге решается их считать, то счет овец – ментальное действие – будет иметь понятный антецедент в виде намерения. Иногда действие совершается с заметным ментальным усилием – например, если попытаться представить и удержать в голове сложные геометрические фигуры. Такое ментальное действие поддерживается намерением-в-действии, и поэтому имеет ясную каузальную структуру.

Мили предлагает дополнение к своей версии КТД [Mele, 1992], учитывающее ментальные действия [Mele, 1997, 2009а]. Представление, мышление и ментальная арифметика сами недостаточны для указания на ментальное действие: мы пытаемся сделать так (“we try to bring it about that” [Mele, 2009а, р. 18]), что думаем об X или представляем X, и в этом заключается деятельный компонент ментальных операций. Особенно остро стоит вопрос для мышления: кажется, мысли часто приходят к нам в голову будто бы сами мы далеко не всегда управляем потоком мышления. Чтобы не доказывать, будто попытка содержится в действии как еще одно ментальное действие, Мили имеет в виду под попыткой любое ментальное усилие, направленное на успешное совершение действия. Однако, проблема возникает там, где спонтанное ментальное действие не предполагает значимого

усилия со стороны агента. Отбросить такие случаи сразу было бы сложно: одни и те же операции могут как требовать, так и не требовать усилия. То же самое относится к переключению внимания.

Таким образом, ментальные действия, совершаемые без предварительного намерения и усилия, попадают в лимб агентности – вопрос о том, относятся ли они к действиям или к другому поведению агентов, не имеет однозначного ответа. Например, несет ли агент моральную ответственность за спонтанные ментальные действия? Это довольно экзотический вопрос, особенно с учетом того, что моральная ответственность в отношении ментальных действий весьма спорна [Sher, 2021]. Поскольку как философское, так и эмпирическое исследование ментальных действий намного сложнее, чем изучение физических действий, встраивание спонтанных ментальных действий в общую теорию агентности стоило бы ожидать после тщательного разбора контроля над телесными минимальными действиями. Трудности, с которыми сопряжено внедрение обоих видов активностей в каузальную теорию, оказались одинаковыми – они касаются осведомленности агента и ментальных antecedентов, но не других проблем философии действия.

Проблему включения нетипичных действий в КТД стоит назвать частной: она интересует небольшое число исследователей, которым интересны сами классы действий, претендующие на описание со стороны КТД. Такая ситуация сложилась из-за доминирования примеров телесных действий в литературе по философии действия. Поскольку современная философия действия во многом подвергается влиянию эмпирических наук, у данной тенденции нет оснований для изменения: исследовать, например, ментальные действия методами нейронауки и психологии крайне проблематично. В итоге включение в КТД классов действий – это в первую очередь кабинетная метафизическая работа.

На сегодня метафизические вопросы занимают вторичное место в философии действия. Основной груз онтологических построений для размещения в мире причинной связи между состоянием агента и действием может быть отнесен к

проблеме ментальной каузальности. Если некоторый автор придерживается компатибилистской позиции и обладает натуралистической установкой, он может избежать столкновения с теориями причинности. С другой стороны, если автор считает надлежащий контроль агента над действиями невозможным без индетерминизма, ему необходимо заняться метафизикой – а после совместить с ней ментальную динамику процесса принятия решения, что значительно ближе к основным вопросам об агентности. Учет действий – более самостоятельная проблема, которая сталкивается в первую очередь с онтологией событий. Сопряжение философии действия с эмпирическими науками позволяет интегрировать в единую теорию телесные действия с разной степенью контроля агента, но оно же служит плохую службу для ментальных и негативных действий.

Ранее мы проанализировали метафизические проблемы, связанные с КТД. Тем не менее, пока что мы не коснулись, пожалуй, основной проблемы КТД с метафизическим содержанием – проблемы отклоняющихся каузальных цепей. Эта проблема имеет большое наследие и несет особое значение для философии действия, поэтому мы посвятим ей отдельный параграф.

§3 Проблема отклоняющихся каузальных цепей

Одним из основных вызовов для КТД служит учет отклоняющихся каузальных цепей (ОКЦ). Отклоняющиеся каузальные цепи – это примеры ситуаций, в которых желания и убеждения (или намерения) агента приводят к движению, но «неправильным образом» (“not in the right way”) – такое движение не представляется произвольным. Исторически появление ОКЦ связано с примером Дэвидсона [Davidson, 1973, p. 79]. В этом примере скалолаз с трудом держит товарища на веревке и трагически ослабляет хватку после мимолетной мысли об облегчении после отпускания веревки. Несмотря на то, что корректное ментальное состояние вызвало движение, альпинист не имеет достаточного контроля над происходящим – его агентность не проявляется корректным образом.

Теориям приходится находить объяснение того, почему движения из ситуаций с отклоняющимися каузальными цепями не должны классифицироваться

как действия. Почему пример Дэвидсона со скалолазом вообще указывает на проблему для каузальных теорий? Мы могли бы стиснуть зубы и назвать то, что происходит со скалолазом, действием. Однако по крайней мере у многих скалолаз должен вызывать серьезные сомнения: кажется, он не обладает нужным уровнем контроля над ситуацией. Случаи с ОКЦ дают на интуиции исследователя. В то же время затруднения, представленные ОКЦ, относятся к редким эпизодам поведения агента. Пометка о том, что действие происходит «не-девиантным» образом (без отклонений), достаточна для возвращения к тому поведению, которое КТД классифицируют как действия в соответствии с той или иной теорией.

Помимо невероятных событийных последовательностей, ОКЦ могут включать примеры манипуляции со стороны другого агента. М. Бранд рассматривает [Brand, 1984, p. 22] случай некоего Ричарда, который лишился возможности хлопнуть в ладоши после травмы. Некий хирург вмешается в физиологическую каузальную цепь между намерением и движением – он встраивает в тело Ричарда технический компонент. Этот компонент позволяет переводить намерения агента в движения. Если Ричард формулирует намерение совершить определенное движение, хирург инициирует движение, замыкая каузальную цепь между намерением и хлопаньем в ладоши. Намерение вызывает движение, но с наличием промежуточного шага, предполагающего активность другого агента. Если пациент не знает о вмешательстве хирурга, он становится эпистемологически похожим на своего коллегу из франкфуртских случаев.

Является ли описанная ситуация примером ОКЦ? Кажется, это так, и Бранд отказывает Ричарду в возможности действовать в указанных обстоятельствах. На пути между намерением и движением стоит хирург – иной агент, который способен нарушать исправность каузальной цепи: хирург может в любой момент уйти пить чай, начать переводить намерения в несоответствующие им движения и так далее. Похоже, даже если хирург желает пациенту только добра и на деле проводит его реабилитацию с помощью такой манипулятивной системы, все равно у нас не выйдет убрать его «за скобки» каузальной цепи: хирург – рациональное существо,

убеждения и желания которого могут меняться. Перевод намерения пациента в движение подразумевает совершение действия самим хирургом.

Тем не менее, если хирург заинтересован в помощи, в нашей ситуации становится возможным говорить о совместном действии (“joint action”) пациента и хирурга. Мы упоминали этот класс действий выше. Всегда ли следует классифицировать успешный перевод намерения пациента в движение как совместное действие? Если пациент осведомлен о манипуляциях хирурга, понимая, что тот помогает ему контролировать тело, мы получим почти не вызывающее сомнений совместное действие. Если пациент не осведомлен о вмешательстве хирурга, сомнения начинают нарастать. Заметим следующее: мы отвлеклись от возникновения ОКЦ на критерии совместного действия – задачу, требующую решения в рамках исследований совместной агентности.

На первый взгляд проблема ОКЦ представляется метафизической: в конце концов она имеет дело с каузальной связью между событиями. На деле многое будет зависеть от стратегии решения проблемы. Некоторые из них накладывают ограничения на причинную связь, а другие уточняют структуру намерений, которые должны приводить к действию. Далее мы рассмотрим описанные в литературе стратегии решения проблемы ОКЦ, а также представим случай, который призван показать качественную недостаточность этих стратегий.

3.1 Стратегии решения проблемы ОКЦ

В литературе приведены различные стратегии решения проблемы ОКЦ. Эти стратегии предлагают уточнение «правильного пути» от намерения к движению или отказ от этой затеи. Правильный путь должен обеспечивать приемлемый уровень контроля агента в отношении действия. Исторически влиятельную стратегию решения проблемы предложил Голдман: он считает, что проблема ОКЦ должна решаться нейрофизиологами, а не философами [Goldman, 1970, p. 62]. Э. Майр [Maug, 2012] выделяет четыре стратегии учета ОКЦ: стратегию от непосредственной каузации, от чувствительности, от поддержания каузации и от манифестации. В дополнение к ним нам стоит выделить стратегию от агентной

осведомленности, но ее мы будем рассматривать в четвертой главе. Первые три стратегии из приведенных Майром вводят ограничения на то, как одно событие, а именно намерение агента, приводит к другому событию, а именно движению. Четвертый подход является нередуктивным и отказывается от событийного рассмотрения действия. Далее мы рассмотрим четыре стратегии, которые позволят нам лучше понять особенности каузальных теорий действия.

Стратегия от непосредственной каузации предполагает ограничение количества шагов в каузальной цепи. Во многих примерах ОКЦ ментальный антецедент приводит к действию за несколько шагов. Д. Митчелл приводит пример племянника, который случайно сбил своего дядю на машине [Mitchell, 1982]. Пусть племянник хочет заполучить состояние своего дяди и верит, что достигнет желаемого, если убьет дядю. Эта совокупность из желания и убеждения настолько его возбуждают, что он превышает скорость движения, управляя автомобилем, и случайно сбивает пешехода. Оказывается, что пешеходом был его дядя – так, пара из желания и убеждения племянника, которые можно объединить в намерение, становятся причиной смерти дяди. Каузальная цепь в этом примере достаточно запутанна: намерение агента непосредственно приводит к волнению, и уже это волнение неким сложным образом переходит в убийство. Стратегия от непосредственной каузации призвана избавиться от длинных каузальных цепей. Сторонниками стратегии от непосредственной каузации Майр называет Бранда [Brand, 1984] и Дж. Серла [Searle, 1983]. Заметим, что оба этих автора проводят разницу между двумя классами намерений: Бранд различает дистальные и проксимальные намерения, а Серл – предварительные намерения и намерения-в-действии. Это различие позволяет наложить условие на КТД: пусть каузальным антецедентом действия всегда является намерения из более непосредственного класса. Такое намерение будет совместным с действием, и между ними просто не найдется достаточного временного промежутка, чтобы разместить ОКЦ. Слабостью стратегии от непосредственной каузации Майр считает длительность пути от осознаваемого намерения до движения – «отклонение» каузальной цепи

может произойти на любом этапе. Например, нервный агент может совершить действие (например, уронить горячий поднос на плиту) несколько быстрее из-за его нервозности: у агента было намерение поставить поднос на плиту, но это намерение быстрее реализовалось из-за повышенной возбудимости физиологического пути от намерения к движению.

Здесь же обратимся к стратегии, предлагаемой Мишурой в его кандидатской диссертации. Мишура замечает, что ОКЦ образуются в ситуациях, где действие детерминируется без нужного преобразования личности агента [Мишура, 2017, с. 190]. ОКЦ – это случай, в котором действие запускается «ментальным импульсом», не соответствующим установкам и диспозициям агента. Пример нервного человека с подносом, кажется, работает и против стратегии Мишуры: нервный агент корректным принял решение поставить поднос, но столкнулся с аномальным контролем. Тем не менее, Мишура может не признать этот случай за ОКЦ: для него моторный сбой в движениях агента будет простой физиологической поломкой, не имеющей отношения к теории действия. В отличие от большинства современных теоретиков, Мишура не основывает свою модель на проксимальном контроле, любой проксимальный контроль для него – автоматический процесс.

Вернемся к стратегиям, рассмотренным Майром. Стратегия от чувствительности обращает внимание на то, что зависимость конечного результата ОКЦ от намерения агентности является недостаточно тонкой. В целом, стратегия от чувствительности требует, чтобы при относительно небольшом смещении содержания намерения изменялся и результат действия. Кажется, этот критерий выполняется для обычных телесных действий: я могу поднять свою руку чуть выше или чуть ниже, и конечное положение руки будет зависеть от того, до какой высоты я намереваюсь ее поднять. Майр приписывает эту стратегию К. Пикоку [Peacocke, 1979]. Стратегия от чувствительности опирается на высокие требования к точности моторного контроля, которые выполняются не для всех движений. Майр приводит пример шевеления ушами [Maug, 2012, p. 23]: человек, научившийся шевелить ушами, может уметь шевелить ими без возможности задания амплитуды. Он

формирует намерение пошевелить ушами, но ему недоступна дальнейшая конкретика. Если представить человека, который сформировал намерение пошевелить ушами и пошевелил ими в результате ОКЦ, его случай не получится отличить от случая с корректным шевелением с помощью уточнения намерения.

Стратегия от поддержания каузации требует, чтобы намерение вызывало движение в течение всего времени его выполнения. Телесное действие должно направляться соответствующим намерением-в-действии. Майр полагает, что данная стратегия наиболее распространена в современной философии действия. Заметим, что этот же подход пытается выстраивать Пашери с помощью ее моторных намерений: моторное намерение находится еще ближе к движению и призвано обеспечить детальный моторный контроль. Майр справедливо замечает, что механизмы обратной связи, благодаря которым намерение направляет движение [Maug, 2012, p. 32], могут быть разомкнуты с последующей вставкой каузального отклонения от нормальной работы. Таким образом, для третьей стратегии воспроизводится его критика подхода от непосредственной каузации. Другое возражение Майра является более спорным: он замечает, что так как системы моторного контроля, направляющие движения, не конституируют действия, то от их разбора не стоит ожидать общего решения проблемы ОКЦ. Майр не учитывает, что проблема ОКЦ не обязана предполагать единого решения. Мы еще поднимем этот вопрос, когда будем иметь дело с ОКЦ в интерфейсах мозг-компьютер.

Наконец, стратегии от манифестации, которым Майр отдает предпочтение, основываются на отказе от прояснения каузальной цепи от намерения к движению в пользу рассмотрения действия как способности агента. Стратегии от манифестации развивают, в частности, Б. Энс [Enc, 2004] и Р. Стаут. Энс полагает, что случаи ОКЦ могут быть учтены, если определить, какова эволюционно обусловленная функция тех или иных намеренных действий. Намерения должны приводить к тем результатам, которые соответствуют им эволюционно. Так, ОКЦ – это случаи «сломанных» действий, дисфункции организма. Майр корректно

замечает, что намерения могут биологически приводить к событиям, которые не контролируются агентом: например, намерение поест приводит к выделению слюны. Даже если Энс способен забраковать случаи ОКЦ, он впустит в класс действий различные виды поведения, которые не предполагают осознанного контроля. Стаут отказывается от событийной каузальности в пользу аристотелианского рассмотрения действия как процесса актуализации потенциальности. Рассмотрение теории Стаута будет слишком далеким отходом от теорий, которые мы рассматриваем в данном анализе: она основывается на совершенно иной метафизике и не предполагает натурализацию агентности.

Первые три стратегии решения проблемы ОКЦ, которые выделяет Майр, отчасти пытаются выполнить работу, предложенную Голдманом нейробиологам. Эти три стратегии выясняют детали того, как проксимальное намерение порождает и направляет движение. Предлагаемые решения имеют дело в первую очередь с телесными действиями, особенно если они переходят к обсуждению моторного контроля. Как же быть с ментальными действиями и другими действиями, не включающими человеческое тело? Исторически проблема ОКЦ возникла в контексте дискуссии о телесных действиях, и развитие стратегий ее решения происходило там же. Теперь мы попробуем рассмотреть проблему ОКЦ в качественно иной ситуации, где каузальная цепь вынесена за пределы агента.

3.2 ОКЦ и интерфейс мозг-компьютер

Для организации посредничества между намерением и результатом действия совсем не обязательно рассуждать о манипуляциях с телом агента. Рассмотрим ситуацию, в которой намерения агента реализуются не благодаря его телу, а посредством машины. Одним из примеров такого прибора является интерфейс мозг-компьютер [Shishkin, 2022; Vidal, 1973; Wolpaw et al., 2000]. Интерфейс мозг-компьютер (ИМК) считывает активность мозга агента и рассчитывает на ее основании команды для компьютера. Нам интересны активные ИМК, в случае которых испытуемый сам стремится подать команду компьютеру с помощью воспроизведения соответствующей активности мозга. Например, если

гипотетический ИМК будет считывать нейронные корреляты намерений агента, агент будет осуществлять с его помощью намеренные действия, имеющие степень контроля, близкую к телесным движениям.

ИМК уже некоторое время привлекают внимание философов. Например, Штайнерт и коллеги [Steinert et al., 2019] полагают, что ИМК предлагают разновидность бестелесной агентности. Хаселагер и коллеги [Haselager et al., 2021] рассматривают использование неосознаваемой информации во время управления интерфейсом как средство для исследования агентности. Теоретически работа ИМК может опираться не только на осознанные намерения агента, но и на предшествующую его формированию активность мозга. В отличие от телесных движений, активация ИМК может происходить на основе самых разных принципов, что действительно интересно для исследования осознанного контроля. Рейни и коллеги [Rainey et al., 2020] поднимают вопросы, связанные с моральной ответственностью пользователя ИМК за его действия. Обеспечиваемая ИМК бестелесная агентность подразумевает иные механизмы контроля, что может иметь последствия для приписывания ответственности.

Далее мы попробуем продемонстрировать релевантность ИМК для проблемы отклоняющихся каузальных цепей. Пусть интерфейс классифицирует (т.е. распознает) намерение агента и выполняет определенную операцию на компьютере. Тем самым, мы полностью уходим от телесных движений агента: агент действует иным образом, не предполагающим движений вовсе. Нам это пригодится, поскольку управление компьютером, другой машиной или инструментом с участием движений позволяет выделить движение в качестве отдельного действия, которое вызывается намерением – так, несмотря на любые неполадки в машине, мы будем обнаруживать нормальное действие в нашем анализе.

Допустим, при очередной классификации намерения интерфейс ошибся, но по удивительному стечению обстоятельств выполнил верную операцию. Наткнулись ли мы на ОКЦ? Наверняка это так: мы изначально предполагали, что

наш интерфейс – надежный прибор, и именно его надежность гарантирует надлежащий уровень контроля над компьютером со стороны оператора. Если интерфейс дал осечку, но чудом выполнил нужную команду, мы имеем дело с удачей: так вышло, что в этот раз намерение совпало с желаемым результатом, но каузальная связь между одним и другим неустойчива. Если бы агент выбрал другую команду, или решил действовать в другой момент времени, ничто бы не гарантировало нужный результат. С другой стороны, ОКЦ оказалась полностью вне агента. Рассуждая о проблемах действия, мы обычно не уходим настолько далеко за пределы тела агента. Сейчас мы ввязались в рассмотрение того, как работает интерфейс – инструмент, отделенный от тела агента.

Если мы допускаем, что оператор действует с помощью интерфейса, мы сразу отсекаем несколько стратегий решения проблемы ОКЦ. Стратегия Голдмана по передаче проблемы ОКЦ физиологам становится недоступной, поскольку мы теперь вовсе не имеем дела с физиологией: каузальная цепь вышла за пределы тела. Стратегия от непосредственной каузации не срабатывает из-за сложности устройства интерфейса – разумеется, намерение не вызывает выполнение команды неким непосредственным образом, одно от другого отделяют сложные вычисления. Стратегия от чувствительности не решает проблему, поскольку при наличии дискретного набора команд (как обычно бывает в ИМК) небольшие отклонения намерения не изменяют вызванный результат. Стратегия от поддержания каузации сталкивается с тем, что в большинстве типов интерфейсов агент подает команду разово, и дальнейшая поддержка действия намерением не играет роли. Стратегия с привлечением агентной каузальности, похоже, так же не позволяет справиться с проблемой: ОКЦ возникла внутри интерфейса, где агентная каузальность заведомо отсутствует. Сторонникам агентной каузальности придется критиковать само принятие контроля на ИМК как набора действий – они могут разобрать управление на ментальную подачу команд и дальнейшие события вне агента. На всякий случай укажем на данные о том, что существуют случаи автоматизации управления ИМК. Агенты иногда научаются совершать базовые действия с помощью интерфейсов,

то есть не совершают отдельное ментальное действие, чтобы подать команду [McFarland et al., 2010; Pelley, Cetta, 2012]. На сегодня автоматизация управления ИМК служит, скорее, исключением из правила (см. [Yashin, 2023]), но следует ожидать, что она будет встречаться чаще по мере совершенствования технологии. Далее мы рассмотрим сложности, возникающие для действий с помощью интерфейсов мозг-компьютер. Нас будет интересовать проблема ОКЦ и возможности ее решения для ИМК.

Пример 1 – Неидеальный интерфейс: Допустим, интерфейс работает не идеально (как это обычно и бывает в жизни). Стандартным показателем пригодности интерфейса мозг-компьютер служит точность классификации – вероятность, с которой интерфейс верно распознает команду. Точность классификации одной команды задается действительным числом от 0,5 (50%) до 1 (100%): с вероятностью 0,5 одна из двух опций угадывается случайно. Если точность равна 50%, то интерфейс просто-напросто не работает; если точность равно 100%, то интерфейс работает идеально.

Сразу заметим, что, если точность достаточно высока, мы вступаем в борьбу с ОКЦ. Они могут возникать в следующем случае. Пусть активность мозга агента была зарегистрирована с внешними артефактами, и они привели к распознаванию «команды». Вместе с тем агент действительно подавал команду, но, если бы не артефакты, классификатор не отправил бы команду на выполнение. Мы получаем ОКЦ в классическом виде, и то, действует агент или нет, определяется при каждом распознавании команды: намерение должно быть классифицировано и реализовано «правильным путем». Примечательно, что здесь вполне органично происходит возвращение к обсуждению стратегии «хорошего функционирования» Энс [Enc, 2004]: чтобы агент действовал с помощью интерфейса, тот должен будто бы функционировать неким правильным образом. Далее мы рассмотрим телесные движения, чтобы указать на их важное отличие от работы ИМК.

Пример 2 – Телесные движения после инсульта: Наше тело иногда нас подводит – частота таких случаев зависит от состояния организма. Подвижность

частей тела у пациентов, частично парализованных после инсульта, может восстанавливаться в течение долгого времени, и такое восстановление не всегда возможно. Во время реабилитации пациент вновь учится совершать простейшие действия. Пусть пациент учится поднимать руку, но надежность воспроизведения навыка еще остается низкой. Пытаясь в очередной раз поднять руку, пациент успешно делает это, но далеко не все предыдущие и последующие попытки приводят к желаемому результату. Обычно пациент совершает попытку к движению (“attempted movement”) [Mckay et al., 2004].

Назовем ли мы «случайное» поднятие руки действием? Кажется, да, несмотря на общую ненадежность каузальной цепи от намерения к движению. Пусть каузальная цепь и капризна, и у пациента мало контроля над движениями, но мы знаем, что физиологические каузальные механизмы *в норме* поддерживают возможность совершения произвольных движений. Каузальная цепь в случае пациента срабатывает ненадежно, но она близка к релевантной устойчивой каузальной цепи. Можем ли мы придумать аналог инсульта для интерфейсов мозг-компьютер?

Вернемся к интерфейсам. В примере 1 ОКЦ возникали из-за несовершенства интерфейса: иногда команды пациента не определялись корректно. Теперь пусть ошибки в управлении возникают из-за отдельного модуля. Подобный модуль будет внешним условием, мешающим реализовывать намерение. Дополнительность модуля означает, что агент в нормальных условиях (с отключенным модулем) способен действовать с помощью интерфейса. Заметим, что Бранд рассматривает [Brand, 1984, p. 21] подобный случай с физиологическими движениями. Пусть, как и в примере с хирургом, из-за тяжелой травмы Ричард более не может хлопать в ладоши. «Шумный» технический компонент, встроенный в его тело, иногда позволяет ему хлопать в ладоши. Однако, будучи шумным, компонент не всегда проводит сигналы от мозга к мышцам. Действует ли Ричард, когда хлопает в ладоши? Бранд считает, что это так, хотя остерегается выхода за пределы обыденных интуиций. Во многом данный случай похож на движения пациента

после инсульта, который мы рассмотрели выше. Теперь мы возвращаемся к интерфейсам мозг-компьютер:

Пример 3 – Хороший интерфейс с шумным модулем: Пусть агент работает с помощью интерфейса продолжительное время, и работает крайне успешно благодаря идеальной (равной 100%) точности классификации. Для простоты допустим, что интерфейс выполняет всего две команды. Они соответствуют двум видам состояний испытуемого, не считая состояния покоя между отдачей команд в определенные моменты времени. Далее, разработчик интерфейса включает особый модуль, который с некоторой вероятностью приводит к неверному выполнению команды. «Шумный» модуль, в отличие от интерфейса, не идеален: иногда из-за внутренней ошибки он не переключает команду, когда должен это сделать. Пусть агент знает, что интерфейс идеален, но его работа ухудшилась из-за влияния внешнего необязательного компонента.

Мы могли бы ожидать, что в примере 3 появляется возможность реализации ОКЦ. Пусть в очередной раз пациент отдал команду интерфейсу, и она верно классифицировалась, но «шумный» модуль пытается ее обратить. Далее, пусть шумный модуль не срабатывает (что бывает редко), и команда все же выполняется. Возникает ли в данной ситуации ОКЦ? Кажется, это не так: намерение агента вполне корректно привело к результату действия. Тому, кто утверждает обратное, придется нормализовать то, что заведомо введено в качестве неисправности. Тем не менее, случай 3 крайне похож на случай 1: они оба описывают некие технические устройства с разными видами неисправностей. Разница заключается в причастности устройств к системе управления, к самому ИМК. Разграничение между ОКЦ и нормальными действиями производится в том числе через прояснение инфраструктуры, поддерживающей агентность.

Каким образом на разницу между случаями 1 и 3 влияют убеждения агента? Что будет, если агент ничего не знает о том, как работает интерфейс, и какие манипуляции с ним производятся? Кажется, с точки зрения агента случаи 1 и 3 будут одинаковыми, и притом эффективность управления в случае 3 останется той

же. Истинное убеждение агента в том, что интерфейс потерял качество из-за внешнего фактора, будет влиять на основания его действий и намерения: агент будет иначе объяснять происходящее и то, что он пытается делать. Впрочем, ложные убеждения, кажется, не меняют правил игры: они не делают намерения необоснованными и не влияют на границы системы.

Мы не будем предлагать полноценную стратегию решения проблемы ОКЦ для интерфейсов мозг-компьютер. Скажем лишь, что у нас нет никакой гарантии, что решение проблемы для ИМК и телесных действий будут двумя частными случаями одного общего решения. Ответ на вопрос о том, как должна быть устроена каузальная цепь, поддерживающая нормальную агентность, может оказаться плюралистическим. Будет ли это говорить о плюрализме в отношении агентности? Вспомним, что ОКЦ представляют собой краевые случаи поведения. Кажется, для образования подлинного плюрализма должно расщепиться само «ядро» агентности, множество нормальных действий. Тем не менее, мы останавливаемся на том, что проблема ОКЦ остается замысловатой, и ждет дальнейшего развития. Мы постарались показать, что интерфейсы мозг-компьютер позволяют взглянуть на нее под новым углом.

ИМК могут стать ярким примером того, как на развитие философии действия влияют новые технологии. Их основное достоинство заключается в том, что они качественным образом расширяют способности человека к действию и позволяют взглянуть на агентность не через призму интуиций, связанных с телесными или ментальными действиями. Возможность влияния на проблемы действия со стороны технологических средств открывается благодаря двум факторам. Для начала, проблема ОКЦ зависима от типа действия под рассмотрением, и поэтому эмпирические факты о типах действия определяют способы отсеивания ОКЦ. Во-вторых, релевантность технологий возникает благодаря самому устройству каузальных теорий, потребности натуралистического размещения причины действия в мире. Этот фактор детерминировал появление тесного контакта между философией действия и эмпирическими фактами.

В итоге мы наглядно продемонстрировали, что проблему ОКЦ нельзя назвать чисто метафизической, хотя она и касается каузальной связи между событиями. Как и исследования структуры намерений, она требует учета эмпирических данных.

§4. Заключение главы

В начале данной главы мы очертили круг вопросов, связанных с философией действия, и рассмотрели ее происхождение как отдельной области в аналитической философии. Философия действия существует отдельно от областей аналитической философии, занятых проблемами моральной ответственности, ментальной каузальности и свободы воли. В первую очередь интересующая нас область имеет дело с проблемой того, что такое действие, и чем оно отличается от другого поведения агента. На сегодня доминирующее положение в области занимают каузальные теории действия (КТД). Современные разновидности КТД, как правило, основываются на стандартной модели действия, согласно которой действие должно вызываться ментальным антецедентом определенного вида.

Рассмотрев историю области, мы выделили интересующий нас этап ее развития – современную аналитическую философию действия. Началом этого этапа мы решили считать публикацию книги Голдмана «Теория человеческого действия» в 1970 году. У нас было несколько оснований для такого установления границы. Во-первых, теория Голдмана была первым вариантом КТД, осознанно сформулированным в рамках философии действия как отдельной дисциплины. Именно Голдман предложил аргумент, позволяющий разделить построение КТД и решение проблемы ментальной каузальности. Во-вторых, Голдман соотнес причины действия с конкретными ментальными событиями, а не с набором желаний и убеждений агента, распределенном во времени, как в теории Дэвидсона. В-третьих, с Голдмана в философии действия начинается рассмотрение небольших актов, включающих даже отдельные произвольные движения. До этого действия в первую очередь понимались как целостные поступки.

Одной из основных тенденций в современной истории КТД стало повышение внимания к тому, как агенты формируют намерения и переводят их в действия. В оригинальной КТД Дэвидсона намерения не имели отдельной роли в порождении действий, но с развитием нового этапа философии действия намерения не просто получили отдельный статус как ментальные состояния, но и стали основным предметом исследований. Современных философов интересует ментальная динамика агента, то, как его ментальные состояния сменяют друг друга при подготовке и совершении действия. М. Брэтман предложил модель, в которой рациональность агента заключена во временные рамки и приводит агента к решению в сжатые сроки. Брэтман приходит к выводу о том, что намерение может быть отдельным рациональным основанием, если временной и когнитивный ресурс агента ограничен. Дж. Серл, М. Бранд и другие авторы постепенно разработали вопрос о том, как принятое агентом решение переходит в движение и разделили типы намерений: предварительные намерения и намерения-в-действии. Намерения-в-действии направляют движения агента по мере их совершения, позволяют осуществлять проксимальный осознанный контроль над ними. То, как именно работает этот проксимальный контроль, составляет «фундаментальную проблему» КТД по Бранду.

Дальнейшая детализация контроля намерения над движениями привела к включению в философию действия новейших данных наук о мозге, что хорошо заметно на примере динамической теории намерений Пашери. Эмпирические данные приводят не просто к натурализации, но и более физиологическому рассмотрению действия: сопряженные с агентностью особые ментальные состояния и рациональность могут отходить на второй план, оставляя место для обсуждения моторного контроля. Тем не менее, агентность – это в первую очередь нечто сознательное, проявляющееся через ментальную жизнь человека. Контроль, свойственный действиям – это контроль агента, осведомленного о его действиях. Исследования действия неотделимы от исследований сознания – и повышение

интереса к сознанию в аналитической философии породило дискуссии об особой осведомленности агента, которые мы рассмотрим в третьей и четвертой главе.

Большинство авторов в философии действия в первую очередь имеет дело с телесными действиями. Исследователи могут относиться к ним либо как к парадигмальным примерам действий, либо как единственному их классу. Включение других видов действий в КТД пока не получило заслуженного внимания, особенно если задуматься об объединении всех классов действий в одном варианте теории, а не о защите существования какого-либо отдельного их вида – например, негативных или ментальных действий.

Метафизические вопросы о том, чем являются каузальные реляты действия в КТД, и какой характер имеет причинная связь между ними, исследуются отдельно от КТД. Дискуссия о каузальных релятах относится к проблеме ментальной каузальности, в то время как вопрос о совместимости КТД с различными теориями причинности не может быть переведен в другую область философии так, как вопрос о релятах. Тем не менее, если та или иная теория причинности приводит к парадоксальным случаям действий в КТД, они могут быть исключены из класса действий с помощью указания на некорректность того, как намерение агента вызывает действие. Такие ситуации называются отклоняющимися каузальными цепями (ОКЦ), и их учет является важной проблемой КТД.

В случаях ОКЦ агенты совершают действия в соответствии с его определением, но не имеют достаточного контроля над собой. Впервые ОКЦ обнаружил Дэвидсон, и впоследствии многие современные авторы пытались решить эту проблему. ОКЦ требуют уточнения условий того, как именно намерение должно вызывать действие. На сегодня не существует какой-либо единой стратегии для учета ОКЦ: предлагаемые в литературе варианты не универсальны, что мы показали на примере использования интерфейса мозг-компьютер. Несмотря на первое впечатление, проблема ОКЦ не является исключительно метафизической. Она иллюстрирует, насколько философия действия чувствительна к разнообразию агентности, наблюдаемому эмпирически.

Интерфейс мозг-компьютер – технология, предоставляющая агенту новый способ действовать.

Хотя сама проблема ОКЦ относится только к крайним случаям действий, отсутствие единого способа борьбы с ними может вызывать беспокойство. Допустим, развитие КТД продолжится по пути уточнения условий контроля во время совершения движения или осуществления ментальной активности. Моторный контроль для обычных телесных движений существенно отличается от контроля, имеющего место при использовании интерфейса. Мы можем оказаться в ситуации, когда «правильные» действия описываются несколькими вариантами уточненных каузальных структур, которые не могут быть обобщены.

Стандартная модель, предполагающая каузальную связь между ментальными состояниями агента и результатом действия, может быть экранирована от проблемы ментальной каузальности. Тем не менее, КТД в своем стандартном виде основываются на некоторых эмпирических предположениях. Для корректной работы КТД нейрофизиологические состояния, с которыми соотносятся намерения или желания агента, должны управлять поведением агента, быть каузально эффективными. В течение последних 40 лет данное предположение активно оспаривается некоторыми нейрочеными и психологами, которые своей деятельностью породили отдельное направление в аналитической философии действия. Это направление связано с комментированием и оценкой эмпирических данных, релевантных для проблем философии действия, и во второй главе мы обратимся к истории дискуссии вокруг элиминации агентности на основании свидетельств когнитивной нейронауки и психологии.

Глава II. Элиминация агентности. Работы Б. Либета, Д. Вегнера и М. Газзанига

Данные наук о мозге имеют высокую релевантность для проблем философии действия. Могло ли сложиться иначе в условиях преобладания каузальных теорий над некаузальными? Возьмем в качестве примера телесные действия. Большая часть каузальной цепи от ментального antecedента действия до движения сопряжена с моторным контролем. Даже если вынести каузальную цепь вне агента и процессов моторного контроля, как мы попытались сделать в предыдущей главе, сами ментальные antecedенты как минимум коррелируют с состояниями мозга. Э. Голдман, оказавший большое влияние на развитие каузальных теорий действия, перекладывает на нейронауку решение проблемы отклоняющихся каузальных цепей. Он заявляет, что именно нейрочлены должны дать ответ на вопрос, о том, каким именно образом желания и убеждения должны приводить к движению, чтобы считаться действиями [Goldman, 1970, p. 62]. Так, науки о мозге способны помочь при решении по крайней мере вспомогательных задач, возникающих в теории действия. В их число может входить уточнение динамической структуры намерений, разделения целостного поведения на отдельные действия, или то же решение проблемы отклоняющихся каузальных цепей.

Не будем забывать, однако, что помимо поддержки философии действия науки о мозге способны поставить под сомнение значительную часть интуитивных представлений о действии и сознании. Несмотря на аккуратный концептуальный анализ, такие термины как «убеждение», «желание» и «намерение» имеют дотеоретическое происхождение, и не обязаны присутствовать в натуралистическом объяснении действия. Эти понятия относятся к так называемой «народной психологии» (“folk psychology”, см. [Hutto, Ravenscroft, 2021]) – интуитивному представлению о том, как устроен человеческий разум. П. Черчленд делает ставку на то, что народная психология является ложным взглядом на разум, и интенциональные понятия исчезнут вместе с понятием феноменального сознания [Churchland, 1989, 1981]. С. Стич разделяет его позицию и предлагает исключение

интенциональных понятий из когнитивной науки [Stich, 1983]. Разумеется, в литературе возникла реакция на эти работы: такие авторы, как Т. Хорган и Дж. Вудворд [Horgan, Woodward, 1985] и Дж. Серл [Searle, 1992, p. 59], а также сам Голдман [Goldman, 1993] противостоят элиминации обыденных психологических понятий, аргументируя это тем, что они не подлежат проверке и не относятся к теоретическим сущностям. Их напору на важность интенциональных понятий для теоретизирования противопоставляются утверждения некоторых авторов о том, как устроены каузальные цепи в мозге. С. Уитол и коллеги [Uithol et al., 2014] полагают, что динамика подготовки движения и ее чувствительность к контексту должны побуждать нас использовать не слово «намерение», а некий другой термин. А. Шургер и Уитол [Schurger, Uithol, 2015] утверждают, что современные представления о каузальных связях между структурами в мозге, порождающими произвольное движение, не предполагают пересечение каузальных траекторий в каком-то одном месте. Движение производится несколькими процессами, которые влияют друг на друга.

Мы не знаем в деталях, к чему придет удивительная нейронаука будущего, но мы можем оценить, несут ли угрозу современная нейронаука и психология для интуитивных представлений о действии и сопряженных с ним понятий. Отказ от этих представлений означает не только уход от обычного языка психологии, но и ложность каузальных теорий действия. Каузальными antecedентами действия в КТД выступают намерения или желания и убеждения. Если экспериментальные данные приведут нас к выводу о том, что произвольные движения не порождаются нейронными коррелятами этих состояний, или что сами эти состояния не вписываются в объяснение поведения или относятся к ложным теориям, то каузальному анализу действия придется обойтись без них. Объяснения агентности окажутся иллюзорными, как это предполагают, например, Д. Вегнер [Wegner, 2002] и М. Газзанига [Gazzaniga, 2011]. В своих работах Вегнер и Газзанига стараются показать иллюзорность свободы воли, но на деле они задевают каузальную теорию действия. Если их соображения верны, мы все еще сможем говорить об основаниях

действия и вернуться к его логическому рассмотрению в духе Л. Витгенштейна и Э. Энском, но с отмежеванием от натуралистических объяснений действия.

Далее мы обратимся к работам в области наук о мозге и психике, которые либо претендуют на опровержение интуитивного понимания действия, либо интерпретируются в таком ключе другими авторами – в первую очередь философами. Мы не сможем охватить все экспериментальные исследования, релевантные для теории действия, но сконцентрируемся на исследованиях действия, которые нашли отклик у аналитических философов или претендовали на «развенчание» философских проблем. Во втором случае ученые из других областей сами выступают в роли философов, поскольку напрямую присоединяются к дискуссиям по философским вопросам. Упомянутым ниже экспериментами посвящен срез философской литературы, имеющей в первую очередь критический характер. В первом параграфе мы рассмотрим эксперименты Б. Либета и его последователей – набор психофизиологических исследований произвольного движения, породивший разветвленную дискуссию об инициации произвольных движений. Во втором параграфе мы взглянем на психологические эксперименты Вегнера и Газзанига. Мы постараемся не просто понять, влияют ли результаты этих экспериментов на проблемы и тенденции в философии действия, но и четко определить это влияние.

§1. Эксперименты Б. Либета и его последователей

1.1 Произвольные движения

Более века назад моторные движения стали предметом изучения наук о мозге и психике. Сейчас ими активно продолжают заниматься специалисты в разных сферах нейронауки и психологии, а также пограничных дисциплин. В работах ученых, посвященных моторному контролю и инициации движений, обычно встречается термин «произвольные движения» или «произвольные действия» (“voluntary movements” или “voluntary actions”). Произвольные движения контрастируют с непроизвольными – например, вызванными стимуляцией моторной коры. В методологическом смысле произвольное движение эндогенно,

то есть совершается агентом не в результате реакции на стимулы [Haggard, 2008; Passingham et al., 2010]. У. Джеймс, один из отцов-основателей психологии, не определяет произвольное действие в своих работах, но использует термин для обозначения целенаправленных действий [Hommel, 2003; James, 1905, p. 9]. Впрочем, движения во многих экспериментальных методиках (например, в работах Б. Либета) не имеют легко определяемой цели. М. Дженнерод считает [Jeannerod, 2006b], что произвольность действия предполагает существование его репрезентации до совершения движения – правда, термин «репрезентация» в его работах сам требует серьезного разбора. Формулирование корректного определения произвольных движений является непростой задачей. Поскольку наши стандартные представления все еще не разбиты нейронаукой, произвольностью движения можно считать его намеренность, где под намерением имеется в виду либо предварительное намерение, либо намерение-в-действии.

Исследования физиологических маркеров намерения довольно похожи друг на друга в методическом плане. Как правило, в подобных экспериментах испытуемый совершает простые движения в произвольные моменты времени и регулярно отчитывается о времени принятия решения к действию. С помощью одного из методов регистрации мозговой активности – например, электроэнцефалографии (ЭЭГ) или функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) – экспериментатор сравнивает среднее субъективное время принятия решения со средними моментами наступления событий в мозге, предположительно связанных с возникновением намерения или подготовкой движения. В итоге исследователь с определенной вероятностью обнаруживает, что некоторое событие в мозге происходит раньше, чем момент осознанного принятия решения. Несмотря на кажущуюся простоту, приведенная схема содержит набор методологических и концептуальных неоднозначностей.

Самым изученным показателем событий в мозге, предшествующих движению, является электрический потенциал мозга, называемый потенциалом готовности (“readiness potential”, RP). В 1964 году Корнхубер и Дике опубликовали

[Kornhuber, Deecke, 1965] результаты исследования ЭЭГ человека, выполняющего произвольное действие – сгибание пальца. Синхронизировав ЭЭГ с электромиограммой (ЭМГ) для вычисления начала мышечной активности, авторы обнаружили негативный потенциал, связанный с событием, который предшествовал напряжению мышц. Х. Корнхубер и Л. Дике назвали его «потенциалом готовности» (“Bereitschaftspotential”) и связали со степенью готовности испытуемого к совершению действия. В 1976 году Дике и коллеги [Deecke et al., 1976] соотнесли его появление с подготовкой произвольных действий в моторной коре. Вместе с тем утверждения о том, отражением какого конкретно процесса является RP, разнятся в литературе.

Неоднозначность интерпретации RP во многом вызвана разнообразием задач, в которых он воспроизводится. Известно, что RP предшествует кинестетическому представлению движения [Kranczioch et al., 2009]. В работах последних лет [Alexander et al., 2016; Raś et al., 2019] был описан потенциал готовности, не сопровождавший выполнение моторной задачи – испытуемые в этих экспериментах считали в уме или выбирали одну из предложенных опций на экране, то есть совершали скорее ментальные действия. Выходит, RP связан не только с подготовкой моторного движения, но и с принятием решения, предвосхищением событий и другими ментальными операциями. Есть основания полагать, что потенциал готовности отражает еще более общий процесс или семейство процессов. И. Келлер и Х. Хекхаузен [Keller, Heckhausen, 1990] протестировали возникновение потенциала готовности для минимальных движений, на которые испытуемые не обращали внимания, и обнаружили различимый RP. Потенциал готовности или его аналог был зафиксирован у раков [Kagaya, Takahata, 2010], то есть его генерация не специфична для неокортекса.

1.2 Эксперименты Либета и коллег

Пожалуй, наиболее обсуждаемым исследованием произвольного движения и RP является эксперимент Б. Либета и коллег. Бенджамин Либет (при рождении Либицкий) (1916–2007) родился в Чикаго в семье украинских евреев [Libet, 1996].

Либет решил сменить фамилию во время публикации своей первой статьи в 1938 году, опасаясь проблем с карьерой и трудоустройством из-за антисемитских настроений. В 1939 году в Чикагском университете Либет защитил диссертацию, посвященную электрической активности изолированного мозга лягушки. Научным руководителем Либета был физиолог Р.У. Джерард. С 1949 года Либет начал работать в Университете штата Калифорния в Сан-Франциско, где он в итоге и провел свои знаменитые исследования. Заняться изучением произвольных движений человека с помощью отслеживания потенциала готовности Либет решил в 1979 году, уже будучи опытным исследователем. В автобиографии Либет пишет, что впервые заинтересовался механизмами порождения движений у человека еще в студенчестве [Libet, 1996, p. 439]. Особое влияние на его устремления оказали эксперименты У. Пенфилда по стимуляции моторной коры. Либет считал, что исследование соотношения между физиологическими механизмами движения и субъективным опытом испытуемых было бы рискованной затеей, угрожавшей его карьере в нейронауке. До этого он занимался нейрофизиологическими исследованиями на животных, которые сильно отличаются от экспериментов с привлечением испытуемых в методологическом плане. Тем не менее, Либета поддержали многие влиятельные коллеги, в том числе Дж. Экклз и сам У. Пенфилд. В итоге Либет все же взялся реализовать свой проект вместе с коллегами из медицинского центра «Гора Сион» в Сан-Франциско.

В 1983 в журнале “Brain” Либет и коллеги опубликовали знаменитую статью [Libet et al., 1983a], где были изложены результаты эксперимента по изучению времени принятия испытуемыми решения о совершении произвольного действия. В части проб испытуемым предлагалось фиксировать время принятия решения о том, чтобы совершить простое движение – сгибание запястья или пальцев. Чтобы оценки времени были достаточно точными, перед испытуемыми располагался циферблат со стрелкой, совершающей полный оборот за 2560 мс. На циферблате имелись отметки, соответствующие пяти минутам на обычном циферблате часов. Испытуемых просили не планировать точное время движения заранее, а совершать

его спонтанно – тогда, когда они чувствовали побуждение (“urge”) к движению. В одном из экспериментальных условий испытуемые фиксировали момент спонтанного принятия решения о движении по положению стрелки (W-время), а после совершения движения сообщали время экспериментатору. В среднем окончательное решение испытуемые принимали приблизительно за 200 мс до движения. В другом условии испытуемые фиксировали момент совершения движения (M-время) – в среднем этот момент опережал сокращение мышц на 85 мс.

Либет и коллеги хотели узнать, как момент, сознательно фиксируемый испытуемыми как время принятия решения, соотносится с возникновением RP. RP усреднялся для каждой серии, после чего вычислялись его временные характеристики. В среднем потенциал готовности оказывался различным приблизительно за 350 мс до W-времени, причем критерии обнаружения RP не играли значимой роли для результата. Авторы отдельно обработали данные с проб, в которых испытуемые признавались в планировании движений, и получили даже больший зазор между W-временем и RP, оцененный в 500-800 мс в зависимости от способа фиксации RP.

На основании своих результатов Либет и коллеги озвучили набор выводов. В аннотации к работе 1983 указано, что «[предшествование RP W-времени] накладывает некоторые ограничения на возможность сознательной инициации и контроля произвольных действий» [Libet et al., 1983a, p. 623]. Под сознательной инициацией Либет и коллеги имели в виду ментальная каузальность. В целом интерпретация Либета и коллег учитывает ограничения методики. В завершении обсуждения авторы подчеркивают, что спонтанные движения «могут вызываться бессознательными процессами» [Libet et al., 1983a, p. 640], но осознанный контроль над действиями все равно остается возможным в двух случаях: нельзя исключить, что сознание иногда накладывает «вето» на действие, или что оно выбирает вид действия, если принятию решения предшествуют долгие осознанные рассуждения. В. Рамачандран назвал гипотетическое сознательное вето перед действием “free

won't" по аналогии с "free will" [Ramachandran, 1998], и в итоге этот термин закрепился в литературе. В другой работе 1983 года Либет и коллеги [Libet et al., 1983b] рассматривали результаты небольшого исследования сознательного вето, и наблюдали, что испытуемый способен отменять запланированное движение за 100-200 мс до его инициации. Перед отмененными движениями все равно наблюдался RP, что в статье 1985 года Либет называет [Libet, 1985] доводом в пользу того, что именно ментальные состояния прерывают подготовку движения. Примечательно, что Либет и коллеги заметили разницу между формой RP перед отмененными и состоявшимися движениями. Либет объясняет эту разницу тем, что сознательное вето взаимодействует с поздним развитием RP.

В статье 1985 года Либет также приводит расширенное обсуждением своих экспериментов и дополнительными деталями методики. В этой статье Либет делает несколько предположений о том, как ментальная каузальность могла бы работать в условиях ограничений, выявленных им ранее. Говоря о связи эмпирических исследований с проблемой свободы воли, Либет подчеркивает, что их отношение не стоит воспринимать как антагонистическое: скорее, эксперименты позволяют лучше понять, как именно может быть устроена свобода воли. Помимо вето, он допускает возможность сознательного «триггера» – некой ментальной причины, которая подтверждает выполнение движения. Даже если такого триггера не существует, Либет предполагает, что бессознательными процессами определяется лишь исполнение ("execution") выбранного типа движения [Libet, 1985, p. 536]. Под исполнением Либет имеет в виду конкретную реализацию действия в определенное время и с отдачей определенных моторных команд. При этом причина выбора того или иного типа движения или образа действия является ментальной. Либет не предлагает аргументов в пользу некоторого вида ментальной каузальности. Скорее, он указывает на «свободные места» в поведении агента, где намерения могли бы быть каузально эффективны. Как и его последователи, Либет в первую очередь интересуется проблемой свободы воли, в то время как его эксперименты и рассуждения на деле посвящены природе намеренного действия.

1.3 Последователи Либета

Эксперимент Либета и коллег навсегда изменил эмпирические исследования действия [Wolpe, Rowe, 2014]. Он породил разветвленную литературу, расширяющуюся до сих пор. Основным направлением исследований в этой области остается фиксирование ранних маркеров неосознанного принятия решения. Во многих работах активно обсуждается проблема свободы воли, что иногда уводит авторов от тех вопросов, с которыми по сути имеет дело то или иное исследование [Brass et al., 2013]. Результаты оригинальной работы 1983 года были несколько раз реплицированы другими учеными [Dominik et al., 2018; Haggard, Eimer, 1999; Rigoni et al., 2013]. Мета-анализ М. Брауна и коллег [Braun et al., 2021] подтверждает предшествование начала RP W-времени. Более ранний анализ В. Сайгл и коллег также приходит к такому выводу [Saigle et al., 2018].

Часть последователей Либета уточнили его результаты. П. Хаггард и М. Эймер [Haggard, Eimer, 1999] опробовали методику Либета и коллег в условиях, когда испытуемый мог осуществлять спонтанный выбор между двумя действиями: сгибанием запястья левой или правой руки. Выбору движения правой или левой рукой предшествовал латерализованный (то есть специфичный для левого или правого полушария) потенциал готовности (LRP), более поздний этап развития RP перед движением. Таким образом, до W-времени определялось то, какое именно движение выбрал испытуемый. Более поздние эксперименты достигли впечатляющей точности при рассмотрении отдельных проб. В 2011 году И. Фрид и коллеги [Fried et al., 2011] реплицировали оригинальный эксперимент Либета и коллег с применением интракраниальных (внутричерепных) электродов, обеспечивающих менее зашумленный сигнал, чем при регистрации ЭЭГ со скальпа. Точность распознавания решения о движении, проведенной в одиночных пробах, составляла более 80%, когда намерение классифицировалось за 700 мс до W-времени. Нейроны, активность которых записывалась в эксперименте, располагались в дополнительной моторной области и передней поясной коре. Для

предсказания намерения с указанной точностью требовалось регистрировать активность 256 нейронов в дополнительной моторной области.

По прошествии лет было опробовано экспериментально и предположение Либета о физиологически неограниченной работе «free won't» до выполнения движения: в эксперименте Э. Филевича и коллег [Filevich et al., 2013] физиологический феномен, родственник RP, предшествовал осознанному ингибированию движения. Авторы добавили в методику визуальный сигнал, после которого испытуемые совершали движение либо тут же, либо с запозданием. Результаты дают основания считать, что сознательное «вето» также следует за физиологическими процессами, то есть к нему относится все то, что Либет высказывал про спонтанные движения.

Временной зазор в сотни миллисекунд между процессами подготовки действия и намерением испытуемых сравнительно мал, но в 2008 году в литературе возникли новые заявления о том, насколько рано в мозге принимается решение о спонтанном движении. В том году Ч. Сун и коллеги [Soon et al., 2008] опубликовали результаты другого известного эксперимента, претендующего на изменение наших представлений о действии и свободе воли. В отличие от Либета и коллег, Сун и коллеги использовали фМРТ и изучали активность префронтальной и теменной коры у испытуемых. Согласно инструкции, испытуемый, который находился в томографе, наблюдал за кадрами букв на экране. На экране по одной изображались буквы, которые сменяли друг друга каждые 500 мс. По разные стороны от испытуемого располагались две кнопки. Когда испытуемый чувствовал побуждение нажать одну из них, ему предлагалось запомнить букву на экране и совершить движение. Далее испытуемый выбирал букву, которую запомнил ранее. В среднем испытуемые совершали действие через 22 с после начала очередной пробы и нажимали на кнопку через секунду после обнаружения побуждения к нажатию. Параллельно действиям испытуемых работал томограф, а впоследствии экспериментаторы проводили классификацию фМРТ-данных, чтобы различить ответы, предшествующие нажатию одной из кнопок.

В работе Сун и коллеги заявили о прорывном результате: им удавалось предугадывать выбор испытуемых за 10 с до обнаружения ими побуждения совершить действие. С другой стороны, точность классификации составляла не более 60%, то есть была чуть лучше случайного угадывания. В лаконичной статье Сун и коллеги не изложили развернутую интерпретацию результатов, но авторы утверждают, что целью эксперимента было узнать, «какие области мозга определяют осознаваемые намерения» [Soon et al., 2008, p. 543]. Повторение эксперимента с использованием более мощного томографа [Vode et al., 2011] не привело к повышению точности классификации, однако, точность все же удалось повысить в другом эксперименте. В 2013 году Сун и коллеги провели исследование [Soon et al., 2013], где классифицировали ментальные действия: сложение и вычитание в уме. Классификатор предсказывал тип операции за 4 с до принятия решения с точностью около 60%, но по активности с 4 до 0 с до решения время его принятия предугадывалось с точностью 72%.

Несмотря на скромность результатов фМРТ-исследований, они были представлены авторами как революционные. Дж.-Д. Хайнс, один из авторов статьи и руководитель группы, в более развернутом разъяснении результатов работы 2008 года [Haynes, 2011] пишет, что возможность предсказывать движение оказывает дополнительное сопротивление наивным интуициям о свободе воли, которые, впрочем, «и так ненаучны, поскольку противоречат нашей убежденности в детерминированности Вселенной» [Haynes, 2011, p. 92]. Данное заявление контрастирует с более аккуратной интерпретацией, проведенной в работах Либега и коллег. Рассуждения Хайнса о «либетовских» (“Libet-style”) экспериментах претендуют на решение проблемы свободы воли, полемизируя с «народными» представлениями. На деле под тезисом о существовании свободы воли Хайнс имеет в виду воздействие на тело ментальной субстанции, хотя в реальности позиции сторонников существования свободы воли намного более разнообразны, и далеко не все они затрагиваются современными эмпирическими результатами. Например, комментарий о свободе, который дает Хайнс, вовсе не учитывает возможности

компатибилизма. Согласно данным экспериментальной философии, почти 60% профессиональных философов являются компатибилистами [Bourget, Chalmers, 2014], и эта позиция вполне может быть причислена и к народной психологии. Опрос 2014 года показывает, что интуиции относительно свободы воли не противоречат компатибилизму [Nahmias et al., 2014], однако, эти результаты оспариваются в опросе с дополнительными пояснениями [Rose et al., 2017]– в первую очередь, с явным указанием на детерминированность действий в предлагаемых испытуемым примерах.

Даже если не учитывать прямые попытки решить проблему свободы воли с помощью обращения к экспериментам Либета и его последователей, эти эксперименты оказали значительное влияние на развитие дискуссии о свободе воли [Baumeister et al., 2011; Nahmias, 2014; Pockett et al., 2006]. Особенно заметным стоит назвать влияние «либетовских» экспериментов на обсуждения либертарианской свободы воли [Clarke, 2003] – свободы, несовместимой с детерминизмом, предполагающей метафизическую возможность агента «поступить иначе» в ситуации свободного выбора [Chisholm, 1964]. М. Фишборн [Fischborn, 2016] считает, что эксперименты в парадигме Либета не опровергают либертарианские теории, но все же подбираются близко к этому. Он указывает на недостаточную точность предсказаний движений до намерения: чтобы нанести значимый удар либертарианским теориям, точность должна быть достаточной для установления локальной детерминированности действий донамеренными процессами.

Примечательно, что сам Либет был сторонником либертарианской свободы воли, и через упомянутые выше апелляции к вето (“free won’t”) и перекладывание исполнения движения на бессознательные процессы он пытался защитить свободу в ограниченном виде. Для Либета свобода воли невозможна, если решения агента заранее детерминированы [Libet, 2003, 1999]. Он считает, что для существования подлинной свободы воли ментальные состояния либо должны определять индетерминистические физические процессы, либо вмешиваться в работу

законов физики. Свое представление о воле Либет черпает из «феноменального факта» свободы принятия решений [Libet, 1999, p. 55]. Сознание принимает решение о действии, но оно должно делать это в роли «недвижимого движителя».

В эксперименте Либета и коллег испытуемые выполняли два задания. С одной стороны, они совершали произвольное движение при возникновении специфического «побуждения». С другой стороны, они фиксировали момент времени, в который у них возникло это побуждение, или в который они инициировали движение. Две задачи остались в общем и целом неизменными в более поздних работах. В следующих разделах мы примем во внимание особенности обеих задач, а также разберемся с тем, какое отношение к ним имеет потенциал готовности, и в чем их проблематичность с точки зрения психологии восприятия и теории действия. Попутно мы обратимся к критике описанных выше экспериментов, имеющей отношение как к методике эксперимента, так и к интерпретации его результатов. В литературе эта критика стала достаточно объемной и превратилась в отдельный предмет обсуждения [Brass et al., 2019; Hallett, 2007; Neafsey, 2021], в том числе и в отечественной философии [Кузнецов, 2014; Мишура, 2013; Секацкая, 2020b]. Впрочем, обыкновенно ее философское приложение относится к проблемам ментальной каузальности и свободы воли. Рассмотрение особенностей элементов парадигмы Либета позволит нам сделать выводы о значении экспериментов по изучению произвольного движения для философии действия.

1.4 Что происходит в «либетовских» экспериментах?

Для начала нам стоит перечислить вопросы, которые могут вызывать экспериментальные исследования произвольных движений. Мы будем ориентироваться на них для того, чтобы определить ограничения философских выводов, которые могут быть сделаны на основании разнообразных экспериментальных результатов:

1. Возможно ли говорить о намерении в рамках экспериментов по изучению произвольного действия?

2. Каким образом испытуемый действует в условиях эксперимента? На основании чего он совершает движение в тот или иной момент времени?

3. Допустим, исследователь обнаружил показатель, предшествующий осознанному принятию решения. Отражает ли его появление факт окончательного принятия решения, или оно сопровождает процесс его принятия?

4. Способен ли испытуемый точно определить момент возникновения намерения как ментального состояния?

Начнем мы с вопроса о том, как именно испытуемые принимают решение о движении в тот или иной момент времени в условиях, обустроенных Либетом и коллегами в их методике. Мы проанализируем этот вопрос с учетом представлений о намерении и других понятиях из теории действия.

1.4.1 Когда возникает намерение?

Любое исследование, посвященное изучению времени принятия решения, опирается на некоторое понимание того, как агент планирует действия, в какой мере и каким образом он становится осведомленным о своих решениях. Понимание исследователя часто оказывается неявным и как будто полагается очевидным, но дискуссии о планах и намерениях в философии действия демонстрируют обоснованную сложность, как мы видели в первой главе. Нормальная человеческая агентность протяжена во времени, она подчиняется планам и правилам, которые сами подвергаются рациональному пересмотру агентом. Избавление испытуемого от планирования подавляет его агентность.

В первые годы после публикации результатов Либетом и коллегами некоторые авторы обратили внимание на бесцельность движений, совершаемых в эксперименте [Breitmeyer, 1985; Näätänen, 1985]. Пусть они и были произвольными, но они не приводили ни к каким значимым для агента результатам. Произвольные движения отличаются от движений, совершаемых в ответ на стимул, но отсутствие каких-либо осязаемых результатов действия (помимо самого сгибания запястья) приводит к тому, что намеренность «выхолощенного» движения оказывается спорной. Эта специфика движений позволяет подвергать сомнению общность

выводов, сделанных в отношении движений в «либетовских» экспериментах. Следует ли их переносить на все действия, и не верны ли они в отношении некоторых произвольных движений? А. Шлегель и коллеги провели [Schlegel et al., 2015] эксперимент, подвергнув испытуемых гипнозу. В результате они воспроизвели классическую разницу между началом потенциала готовности и W-временем, хотя движения, совершаемые под гипнозом, едва ли следует называть намеренными или произвольными. С другой стороны, М. Эдвардс и коллеги [Edwards et al., 2011] исследовали произвольные движения пациентов с психогенным тремором, и у пациентов наблюдалась значимо меньшая разница между W-временем и M-временем, чем у контрольной группы. Воспроизводить результаты эксперимента на произвольных движениях методологически сложно: поскольку они не дадут полной аналогии с произвольными действиями, общность получаемых результатов останется недостаточно убедительной. В конце концов пациенты с тремором пытались совершать намеренные движения, а процедура гипноза испытуемых у Шлегеля и коллег требует множественных уточнений.

Кажется, не у всех наших действий есть четко выявляемая цель в виде события или положения дел. Например, некоторые из них совершаются из следования определенным принципам или полагают целью агентов, как в случае категорического императива. Имеет смысл обратиться к понятию более широкому, чем понятие «цель», и это во многом позволяет сделать термин «основание», о котором мы уже говорили в первой главе. Какое основание имеет действие агента в рамках методики Либета и коллег? Рассмотрим отдельные ступени принятия решения к действию. Согласно М. Брассу и Хаггарду [Brass, Haggard, 2008; Haggard, 2008], следует различать раннее принятие решения о том, действовать ли вообще (“early ‘whether decision’”), выбор нужного действия (“what decision”) и позднее решение о точном моменте действия (“late ‘whether decision’”).

Допустим, агент участвует в эксперименте по изучению произвольного движения. Согласно инструкции, агенту следует спонтанно сгибать палец в произвольные моменты времени в течение эксперимента. Агент слышит

инструкцию до начала эксперимента и формулирует предварительное намерение следовать инструкции. Этому намерению подчинены все его дальнейшие шаги. В ходе эксперимента агент несколько раз спонтанно решает согнуть палец – он формулирует намерения-в-действии, соответствующие изначальному решению следовать инструкции. Решив согнуть палец, агент приступает к совершению движения – его намерение согнуть палец уточняется до моторных команд. Зададимся вопросом: каковы основания действий агента в эксперименте? У агента точно есть основание совершать движения вообще: он добровольно участвует в эксперименте и заинтересован в том, чтобы сотрудничать с экспериментаторами. Конкретное движение также определяется инструкцией. Однако, у агента нет разумных оснований совершать движение в тот или иной момент времени. Как древнегреческие стратеги перед началом кампании, агент не может однозначно вывести кайрос (καίρος) или подходящий момент для действия. Случаи, в которых выбор между опциями невозможен на рациональных основаниях, принято называть буридановыми, отсылая к буриданову ослу. Если слева и справа от осла, неспособного к действию без рациональных оснований, положить по стогу сена, то осел не сможет выбрать ни одного из них. Реальные агенты обычно не впадают в вечный ступор в таких условиях, и все же выбирают одну из опций.

Особенность методики, заставляющая испытуемого делать незначимый выбор, истекает из взглядов самого Либета на свободу и произвольность. Либет размещает [Libet, 1985] произвольность или эндогенность среди условий свободы действия. Либета и коллег интересовали движения, которым соответствуют намерения, возникшие без очевидных внешних причин. В их эксперименте испытуемые оказываются в условиях, где они должны регистрировать «побуждение к действию», возникающее из ниоткуда [Navon, 2014]. Не исключено, что попытка очистить действие от основания и искать свободу там, где произвольность движения не ограничена вообще ничем, отражает либертарианские интуиции Либета. Если агент или его ментальные состояния не детерминированы более ранними событиями, и выступают причиной движения или прерывания его

подготовки, то, как мы заметили ранее, они играют роль «недвижимого движителя».

Как существа, живущие в разнообразном мире, мы редко выбираем между совершенно равными опциями. У большинства наших решений имеются достаточно ясные основания: решения призваны удовлетворять одни наши желания в угоду другим, или предпринимаются нами исходя из абстрактных принципов. Но каким образом принимается решение о спонтанном движении, у которого нет ясного основания? Как буриданов осел выбирает стог сена? Х. Г. Джо и коллеги [Jo et al., 2014] провели эксперимент в парадигме Либета с участием испытуемого, обученного медитации. Испытуемый описывал возникновение побуждения к действию как «появление импульса в ментальном пространстве... похожим образом кот выжидает мышь у ее норы» [Jo et al., 2014, p. 114]. Данный отчет раскрывает тактику совершения произвольных движений через отслеживание «внутренних» стимулов. А. Шургер и коллеги [Schurger et al., 2012] полагают, что если у агента нет оснований выбрать время движения, он отдает решение на откуп «физиологическому шуму» (“physiological noise”). Когда этот шум достаточно силен, у агента возникает то самое побуждение (“urge”) двинуть рукой, которое просили отслеживать Либет и коллеги. В качестве обоснования своего предположения Шургер и коллеги предложили аккумуляторную модель (“accumulator model”) спонтанной нейронной активности. Данная модель предоставляет альтернативную интерпретацию потенциала готовности, которая получила довольно серьезную поддержку в последнее десятилетие.

1.4.2 Потенциал готовности и возникновение намерения

Вернемся к вопросу о том, как Либет и коллеги определяли время досознательного принятия испытуемым решения о движении. Авторы вычисляли момент времени до движения, с которого в среднем начинал развиваться потенциал готовности. Из-за медлительности начального роста негативности этот момент может определяться по-разному. Нам важно следующее: Либет и коллеги исходили из того, что нарастание RP происходит после фактического принятия решения в

мозге и отражает подготовку к исполнению движения. Авторы опирались на современную им литературу, в частности, на выводы Дике и коллег [Deecke et al., 1976]. Эта интерпретация RP не раз подвергалась сомнению другими исследователями, особенно в работах после 2010 года. Например, Дж. Тревена и Дж. Миллер [Trevena, Miller, 2010] давали испытуемым инструкцию спонтанно принимать решение: либо реагировать на очередной стимул с помощью движения, либо так же спонтанно не реагировать на него. Авторы не обнаружили значимой разницы для амплитуды потенциала в двух этих случаях: перед пропуском движения негативный ЭЭГ-компонент был таким же сильным. Большое влияние на форму и амплитуду потенциала готовности может оказывать задача по фиксации W-времени: в работе 2011 года Миллер и коллеги [Miller et al., 2011] показали, что RP в условии без часов имеет меньшую амплитуду и едва различим, а само наличие часов приводит к появлению выраженной негативности при подготовке движения. Тем не менее, в «либетовских» ЭЭГ-экспериментах с последовательностью букв вместо часов (подобно тому, как это происходит в фМРТ-экспериментах) RP выявляется достаточно хорошо [Parés-Pujolràs et al., 2019]. Указанные работы не привели к пересмотру значения RP в подготовке движения, но позиции альтернативных интерпретаций укрепились благодаря аккумуляторной модели.

В 2012 году Шургер и коллеги [Schurger et al., 2012] предложили новый взгляд на то, как принятие решения соотносится с развитием RP. Они смоделировали процесс принятия решения о движении тогда, когда избранное время движения не устанавливается дополнительными условиями. Как мы уже упоминали выше, авторы предположили, что в этом случае момент движения определяется физиологическим шумом. В модели принятие решения было реализовано как пересечение порога флуктуациями искусственных нейронов в системе – стохастическом аккумуляторе. В результате оказалось, что нейронная активность до и после пересечения порога в совокупности воспроизводит форму потенциала готовности. Если в мозге имеет место нечто похожее, это означает, что

принятие решения о движении происходит не до появления потенциала готовности, а уже во время его развития – приблизительно за 150 мс до движения или примерно в тот же момент, что и W-время из отчетов испытуемых. После принятия решения потенциал латерализуется. Кроме того, модель воспроизвела распределение временных интервалов от начала пробы до движения из эксперимента Либета и коллег.

Модель позволила авторам сформулировать гипотезу, которая была проверена с помощью ЭЭГ-исследования. Гипотеза имела дело с моментами времени, когда флуктуации еще не успевали достичь порога. Что будет, если прервать пробу до принятия испытуемым решения о движении и попросить его совершить движение тут же? Шургер и коллеги предположили, что время реакции будет тем короче, чем ближе флуктуации нейронной активности придвинулись к порогу. Авторы реплицировали эксперимент Либета и коллег, но прерывали часть проб звуковым сигналом, который побуждал испытуемого сделать движение в ответ. Гипотеза подтвердилась: ранняя фаза RP наблюдалась и в тех пробах, где подготовка к движению еще не начиналась. Вскоре Джо и коллеги [Jo et al., 2013] показали, что ранняя часть RP складывается из спонтанных флуктуаций медленных потенциалов. Для дальнейшей корроборации гипотезы требовались исследования с применением инвазивных методов. Шургер и коллеги не могли указать на конкретные нейронные сети или популяции, ведущие себя как стохастический аккумулятор и связанные с принятием решений о движениях. Впрочем, результаты не заставили себя ждать. В своих исследованиях на крысах М. Мураками и коллеги [Murakami et al., 2017, 2014] без опоры на работу Шургера и коллег обнаружили во вторичной моторной коре нейронные сети, чья активность напоминала работу стохастического аккумулятора. Вместе с другими сетями в моторной и префронтальной коре крыс, дававшими детерминистический вклад, эти сети определяли время совершения произвольного движения. Приведенные результаты были получены на крысах, но в дальнейшем работы по апробации аккумуляторной модели были проведены и с участием испытуемых.

За последние несколько лет появилось сразу несколько исследований, косвенно подтверждающих аккумуляторную модель. В своем варианте «либетовского» эксперимента Э. Парес-Пухольтрас и коллеги [Parés-Pujolràs et al., 2019] прерывали пробы стимулом, определяя, имел ли испытуемый намерение совершить движение. Выяснилось, что, если испытуемый приписывал себе намерение, RP был значимо более выражен. Сославшись на аккумуляторную модель, авторы предположили, что нарастание RP тесно связано с формированием намерения к произвольному движению. У. Маоз и коллеги [Maoz et al., 2019] сравнивали нажатия клавиши, имеющие последствия, с обычными произвольными нажатиями. В первом случае с помощью нажатия клавиши испытуемые выбирали организацию, которой отправлялось пожертвование. Перед нажатием клавиши в данном условии RP был намного хуже различим, чем в условии с нажатием без значимых последствий. Вероятно, причиной этого послужило то, что при значимом выборе работа стохастический аккумулятора менее выражена.

В исследовании 2022 года Т. Афлало и коллеги [Aflalo et al., 2022] представили очередной вариант «либетовского» эксперимента, проведенный с использованием микроэлектродов, имплантированных в заднюю теменную кору пациентов с тетраплегией – параличом всех четырех конечностей. Афлало и коллеги попробовали отследить эволюцию активности на уровне нейронной популяции от начала пробы до произвольного движения. Произведя разложение активности мозга на отдельные компоненты, авторы увидели, что за активность до W-времени ответственна та часть нейронной популяции, которая была активна еще с начала пробы. В начале пробы испытуемому давалась инструкция совершить то или иное движение. Авторы заключают, что развитие процесса, приводящего к движению, начинается с согласия испытуемого на следование инструкции. По крайней мере часть нейронной активности, предшествующей W-времени, переводит высокоуровневую цель (следование инструкции) в конкретные моторные команды. Афлало и коллеги считают, что их результаты хорошо совместимы с аккумуляторной моделью Шургера и коллег. Шургер и коллеги

интерпретирует динамику до латерализации RP как работу инструмента для достижения цели – выполнения инструкции. В свою очередь Афлало и коллегам удалось выявить нейронный субстрат, соответствующий гипотетическому аккумулятору.

Изложенные выше результаты свидетельствуют о том, что интерпретация потенциала готовности в оригинальной работе Либета и коллег является не вполне корректной. Интерпретация Шургера получила достаточно много прямых и косвенных подтверждений, которые позволяют считать ее приоритетной. Принятие решения о движении принимается во время финальной стадии развития RP, а не до него. Еще Хаггард и Эймер пришли к выводу, что процессы, ответственные за генерацию начальной фазы RP, не коррелируют с осведомленностью о принятии решения. Поздний потенциал готовности или LRP могут рассматриваться как более надежный маркер, с высокой вероятностью свидетельствующий о появлении намерения-к-действию у агента, но и этот маркер не является достаточно надежным. Вспомним, что W-время иногда предшествует позднему развитию RP. Наиболее впечатляющими остаются результаты Фрида и коллег, полученные с помощью инвазивных методов. Вероятно, наиболее надежные маркеры досознательного принятия решения могут быть обнаружены при подробном рассмотрении активности единичных нейронов в дополнительной моторной области. Подобные исследования потребуют применения инвазивных методов.

Таким образом, мы разобрались с одним из двух заданий для испытуемых в «либетовских» экспериментах – произвольным движением, и проанализировали сведения о предшествующем ему потенциале готовности. Экспериментатор просил испытуемого совершить спонтанное произвольное движение, что не позволяет тому найти разумное основание для совершения движения в тот или иной момент времени. Поскольку агенту нужно на чем-либо основывать свои действия, испытуемые все же искали основание, и вполне вероятно, что они находили его в некоем внутреннем побуждении к действию. Это побуждение

связано с «физиологическим шумом», возникновение которого и отражено в развитии потенциала готовности. Далее мы перейдем к рассмотрению задачи о фиксации W-времени, которую испытуемые выполняли вместе с произвольными движениями.

1.4.3 Позволяет ли W-время узнать момент принятия решения?

Определение момента принятия решения о движении в «либетовских» экспериментах является самостоятельной задачей, отдельной от совершения движения. Согласно инструкции оригинального эксперимента, испытуемые должны были запомнить время на часах в тот момент, когда у них появлялось «побуждение» сделать движение. Насколько адекватна эта задача?

По итогам разнообразных тестов С. Покет и А. Миллер [Pockett, Miller, 2007] утверждают, что при аккуратном предъявлении часы с циферблатом позволяют испытуемым точно фиксировать M-время, то есть момент начала движения. Правда, далеко не очевидно, что агент способен точно определить время принятия своего решения. Т. Доминик и коллеги [Dominik et al., 2017] сообщают, что в их репликации эксперимента наивные испытуемые неоднократно путали M-время и W-время – вероятно, они не могли сразу понять поставленную задачу. Это приводило к тому, что при определенной последовательности условий (блок с M-временем после блока с W-временем) два типа ответов различались значительно меньше. Этот феномен наблюдался и в другой репликации эксперимента [Sanford et al., 2020]. М. Демурже и А. Сиригу [Desmurget, Sirigu, 2009] сообщают о том, что за осведомленность о наших движениях и намерениях ответственна одна система, включающая популяции нейронов в задней теменной коре, премоторной коре и дополнительной моторной области. С другой стороны, Х. Лау и коллеги [Lau et al., 2006] показали, что задача определения M-времени в большей степени задействовала поясную моторную кору, а обращение внимания испытуемых на их намерения сопровождается повышенной активностью в пре-дополнительной моторной области [Lau et al., 2004].

Получение доступа к намерению занимает определенное время. Между возникновением достаточно точного намерения и доступом к нему со стороны агента могут пройти сотни миллисекунд. Работая с интракраниальными электродами, Фрид и коллеги [Fried et al., 2011] опробовали свой классификатор на W-времени, пытаясь предсказать его для части полученных данных о совершении движения. Предсказанное W-время в среднем оказывалось раньше реального на 150 мс. Вероятно, этот сдвиг не случаен и возник из-за промедления, связанного с интроспективным фиксированием реального W-времени.

Известно, что измерением W-времени возможно манипулировать. Лау и коллеги [Lau et al., 2007] обнаружили, транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС) зоны мозга около дополнительной моторной области, примененная после движения испытуемого, приводит к смещению W-времени. К подобному эффекту приводит и транскраниальная стимуляция постоянным током [Douglas et al., 2015]. Лау и коллеги объяснили свой результат через популярный на тот момент нарративный подход Д. Вегнера [Wegner, 2002; Wegner, Wheatley, 1999], который мы подробнее рассмотрим в следующей главе. Согласно нарративному подходу, агент находит объяснение своим действиям постфактум, присваивает их себе на основании характера их последствий. Лау и коллеги предположили, что W-время по крайней мере отчасти определяется ретроспективно. Что интересно, еще в 1992 году Д. Деннет и М. Кинсборн [Dennett, Kinsbourne, 1992] предположили, что при определении времени в «либетовских» экспериментах имеет место «ретроспективная конструкция». По-видимому, за фиксированием времени побуждения к движению стоит достаточно сложный процесс доступа, подверженный влиянию разных событий.

W-время может быть не очень надежным показателем возникновения намерения в связи с влиянием некоторых эффектов из области психологии восприятия. В работе 2009 года У. Бэнкс и Е. Ишам [Banks, Isham, 2009] изучили влияние на W-время стимулов, предъявляемых после совершения испытуемым произвольного движения. Оказывается, такое влияние имеет место, несмотря на то,

что испытуемые оценивают положение стрелки до движения. В условиях, где испытуемые видели движения руки по видео с задержкой в 120 мс, они сообщали примерно на 40 мс более позднее W-время, чем в условиях без задержки. Этот результат во многом аналогичен хорошо известному эффекту интенционального связывания [Moore, Obhi, 2012]. Интенциональное связывание было открыто учеником Либета Хаггардом и его коллегами в 2002 году [Haggard et al., 2002] при дальнейшем тестировании методики Либета и коллег. Согласно Хаггарду и коллегам, испытуемый воспринимает момент произвольного нажатия на клавишу как более поздний, чем фактическое время движения, а момент следующего за нажатием сигнала – как более ранний. При этом эффект не воспроизводится, если за действием не следует сигнал, или если сигналу не предшествует действие – испытуемые более точно фиксировали время события в этих условиях. Эксперимент Бэнкса и Ишам, а также феномен интенционального связывания показывают, что люди воспринимают побуждение к действию, само действие и его результат совокупно и неспособны точно оценивать время их осознания по отдельности, без влияния предшествующих и последующих событий. Вероятно, это происходит из-за технических особенностей байесовской интеграции входящих сигналов [Lush et al., 2019] во время совершения действия. На W-время может влиять следующее за возникновением побуждения событие – само движение.

Аналитические философы обильно критикуют задачу определения W-времени. Чаще всего их возражения нацелены на саму процедуру интроспективного обнаружения намерения. Деннет возражает против попыток нахождения времени формирования намерения [Dennet, 2003], поскольку возникновение намерения – процесс, размытый во времени. А. Рескис указывает [Roskies, 2010] на различие между осведомленностью и мета-осведомленностью о действиях: быть осведомленным об эффекторах и объекте действия, и быть осведомленным о своих действиях и намерениях – разные состояния. В эксперименте Либет и коллеги изучали именно мета-осведомленность

испытуемых. Возможно иметь различные намерения и не знать, когда они возникают и изменяются. Сиригу и коллеги [Sirigu et al., 2004] описывают случаи пациентов с пораженной теменной корой, неспособных отчитаться о W-времени. По-видимому, пациенты не могли осуществить доступ к своим намерениям, то есть не имели нужной мета-осведомленности, хотя были способны совершать движения намеренно. Спорным является и само предположение о том, что мета-осведомленность здоровых испытуемых позволяет определить время тех или иных ментальных событий. В дискуссии о достоверности интроспекции известны скептические позиции [Schwitzgebel, 2008; Wilson, 2002]. Например, Т. Уильямсон сформулировал влиятельный аргумент против полной прозрачности сознания для интроспекции [Williamson, 2002, p. 94]. Р. Нисбетт и Т. Уилсон еще в 70-е годы на основе эмпирических данных поставили под сомнение охват интроспекции [Nisbett, Wilson, 1977]. Даже если те или иные авторы склонны защищать интроспекцию, им приходится либо полностью отражать аргументы скептиков, либо поступиться степенью достоверности данных интроспекции [Bayne, Spener, 2010].

Множество возражений против интерпретации Либета и коллег привел в своих работах А. Мили. Как и другие, Мили критикует [Mele, 2013] методическое требование нахождения W-времени: испытуемый может сам не знать, в какой момент он принял окончательное решение действовать. Мили проводит различие между намерениями совершить действие тут же или через некоторое время, а также между намерением, побуждением к действию и желанием действовать. Формулировки, использованные Либетом и коллегами в инструкциях для испытуемых, не учитывали этих тонкостей: W-время (от слова “want”) обозначает «время хотения», но в работе также используется слово «побуждение» (“urge”). Либет и коллеги допускают серьезный просчет, практически уравнивая желания и намерения. Вспомним, что мы говорили о намерении в первой главе: намерение — это не статичное и простое состояние, а многослойная структура из состояний, эволюционирующая во времени.

Помимо W-времени, исследователями действия был опробован другой показатель возникновения намерения. В 2008 году М. Матсухаши и М. Хэллетт [Matsuhashi, Hallett, 2008] применили новую методику, где вместо W-времени регистрировалось так называемое T-время (от слова “thought”). В случайные промежутки времени испытуемые слышали короткий звуковой сигнал. Этот сигнал подменял вопрос о том, думает ли испытуемый о выполнении следующего движения – разгибании пальца. Если сигнал заставал испытуемого в момент, когда тот подумывал о движении, то на его совершение накладывалось «вето», и проба начиналась заново. В том случае, если испытуемый не задумывал движение, то проба продолжалась, а если он уже начинал разгибать палец, то ему была дана инструкция не останавливаться. Полученное с помощью обработки более двухсот попыток T-время соответствовало приблизительно промежутку между первыми мыслями о действии и его совершением для конкретного испытуемого. T-время в среднем составило 1,4 с до начала движения, то есть помыслы о движении у испытуемых начинались примерно за секунду раньше, чем у них появлялось «побуждение» в парадигме Либета. Возникновение даже раннего компонента потенциала готовности предшествовало T-времени не у всех испытуемых, и между двумя моментами времени не было выявлено корреляции. До сих пор неизвестно, чем могли быть вызваны различия между T-временем и W-временем. Эта разница вновь указывает на большую неясность, которая преследует исследования намерений и желаний с требованием интроспективного доступа со стороны испытуемых. Результаты Матсухаши и Хэллета были реплицированы С. Вербаарсхотом и коллегами [Verbaarschot et al., 2016], которые предположили, что W-время и T-время соответствуют разным этапам формирования намерения.

В совокупности недостатки задачи определения W-времени значительно ослабляют утверждения Либета и его последователей. Похоже, неверно рассматривать принятие решения как нечто одномоментное. Интроспективный доступ к ментальным состояниям и считывание показаний часов не происходят мгновенно, а запаздывают. На процесс фиксирования W-времени влияет соседнее

событие – само движение. Вероятно, W-время ретроспективно выводится на основе времени движения. Обнаружение «побуждения к движению» отягощается ненадежностью интроспективного доступа. В итоге такая простая процедура как определение времени возникновения намерения оказывается шаткой: мы просто не можем узнать, когда конкретно у нас формируются намерения, и поэтому имеем причины сомневаться в валидности самой задачи. Если ограничения, сопровождающие изучение потенциала готовности, в перспективе преодолеваются инвазивными методами, то проблемы фиксирования ментального события не решаются прямым повышением точности. Похоже, именно W-время – это узкое место парадигмы Либета.

1.5 Уроки «либетовских» экспериментов

Ранее мы поставили набор из четырех вопросов, относящихся к разным элементам методики экспериментов в парадигме Либета. Теперь мы можем дать на них приблизительные ответы и сформулировать выводы, а также описать взаимодействие философов с эмпирической литературой.

1.5.1 Ответы на вопросы об экспериментах

Первый из поставленных нами вопросов касался природы намерения испытуемых в «либетовских» экспериментах. Формирование намерения – длительный процесс, а не мгновенная «вспышка» в сознании. В экспериментах Либета и его последователей предпринимаются попытки исследовать движения, которым не соответствовало предварительных намерений. Согласно инструкции, испытуемым не следовало подгадывать момент движения – они должны были довериться спонтанному побуждению к движению. Так, согласно замыслу исследователей, агенты не имели рациональных оснований действовать в тот или иной момент времени. Как правило, намерения возникают и уточняются для обоснованных действий: мы собираемся сделать нечто в определенный момент в соответствии с планом и набором приоритетов. В эксперименте намерение должно было возникать иначе, чем оно обычно проявляется в жизни.

Перейдем к вопросу о том, как агенты действовали в условиях эксперимента. В подобных случаях некоторые авторы не будут склонны называть движение действием из-за его недостаточной обоснованности. Тем не менее, у обсуждаемого движения есть некое фиктивное основание. Согласно аккумуляторной модели Шургера и коллег [Schurger et al., 2012], а также набору экспериментальных наблюдений, в парадигме Либета испытуемые реагируют на внутренний стимул, вызываемый накоплением «физиологического шума». Этому стимулу соответствует побуждение к движению, которое Либет и коллеги предлагали регистрировать испытуемым. Возникновение такого стимула-побуждения возможно назвать основанием сделать движение в определенный момент времени, однако, даже если движения в экспериментах назвать действиями, они все равно сильно отличаются от парадигмальных примеров действий, анализируемых философами.

Третий вопрос относился к предположительным маркерам намерения, предшествующим его осознанию. Либет и коллеги полагали, что начало нарастания потенциала готовности происходит уже после принятия решения к движению, и отражает лишь подготовку движения. Согласно Шургеру и коллегам и их сторонникам, начальная фаза развития потенциала готовности не отражает факта принятия решения. Намерение совершить движение, вероятно, окончательно формируется приблизительно ко времени латерализации потенциала – впрочем, и это утверждение неточно. Наиболее успешными и перспективными оказываются эксперименты с применением инвазивных методов, где намерение предугадывается по активности отдельных нейронов с помощью классификатора. Возможный прорыв в области могут подготовить работы, продолжающие дело Фрида и коллег [Fried et al., 2011] и Афлало и коллег [Aflalo et al., 2022]. В то же время фМРТ-эксперименты не показывают высокой точности классификации данных, несмотря на претензию на раннее предсказание намерения.

Наконец, четвертый вопрос имел дело со способностью испытуемого определить время окончательного возникновения намерения или побуждения к

движению – W-время. По-видимому, к данной способности следует относиться весьма скептически, и она является неожиданным слабым местом парадигмы Либета. Множество феноменов угрожает надежности W-времени: например, результат его определения может получаться в итоге ретроспективного вывода, или его может субъективно смещать момент самого движения. Вероятно, оценки времени возникновения побуждения в среднем несколько смещены.

1.5.2 Либет и аналитическая философия

Рецепция экспериментов Либета и его последователей в эмпирической науке и аналитической философии была существенно разной. В своих монографиях психолог Д. Вегнер [Wegner, 2002] и нейрочеловек М. Газзанига [Gazzaniga, 2011] и Д.-Д. Хайнс [Haynes, 2011] приводят результаты «либетовских» экспериментов в качестве решающего аргумента в пользу отрицания свободы воли. Они рассматривают свободу воли как понятие из народной психологии, которое оказалось развеянным нейронаучными исследованиями – свои собственные соображения о природе действия и редукции ментального к физическому они словно прибавляют к надежному знанию, полученному Либетом и коллегами. К. Кох [Koch, 2012, p. 106] более сдержанно пишет, что «либетовские» эксперименты опровергают наличие либертарианской, но не компатибилистской свободы воли. К еще более мягкому пониманию роли экспериментальных исследований действия в философии пришел, например, П. Хаггард, один из учеников Либета [Haggard, 2005]: он считает, что эксперименты лишь направляют философские дискуссии.

Роль аналитических философов в обсуждении «либетовских» экспериментов в первую очередь является критической. Поскольку значительная часть философского сообщества относится к компатибилистам в отношении свободы воли [Bourget, Chalmers, 2014], тезис о детерминированности произвольных движений физическими процессами в мозге не стал откровением в философской литературе. Э. Намиас [Nahmias, 2014] и А. Рескис [Roskies, 2010, 2006] критикуют саму способность нейронауки решать вопросы о свободе воли: дело в том, что нейронаука не может доказать, что детерминизм верен. Так, нейрочеловек не могут

сформулировать аргумент, который покажет, что действия агента детерминируются предшествующими намерению физиологическими процессами.

Основной целью критики философов стали сила утверждений о каузальной связи между потенциалом готовности и произвольным движением, а также само искусственное задание отслеживания намерения, которое Либет и коллеги давали испытуемым. Эти возражения релевантны в первую очередь для философии действия. Выше мы видели, как методику эксперимента критикуют Деннетт, Мили и Рескис. Мили пишет, что считает полезным использовать экспериментальные результаты «либетовских» экспериментов, но предпочитает интерпретировать их самостоятельно для уточнения того, как именно возникают намерения у агентов [Mele, 2007]. Если речь идет не о свободе воли, а о конкретных вопросах об эволюции намерений, основаниях действий и ментальной хронометрии, то философская критика становится в один ряд с соображениями эмпирических ученых, уточняющих результаты Либета и коллег. Возможность элиминации агентности, понимаемой в каузальном смысле, не может быть исключена исключительно средствами философской аргументации.

Парадигма Либета оказалась крайне влиятельной в самых разных дискуссиях о действии, и многочисленные работы по изучению произвольного движения в совокупности образуют мощную и захватывающую литературу. Описанные в ней эксперименты не решают проблему свободы воли и не объясняют, как мы принимаем повседневные решения. Критика этой литературы позволяет нам понять ограничения в области изучения действия и в очередной раз задуматься о том, что мы вообще понимаем под намерением. Эксперименты могут установить границу между осознанными и неосознанными процессами в совершении движений. Несмотря на звучащие предложения отказаться от обсуждения эксперимента Либета и коллег (см. у Дж. Килстрема [Kihlstrom, 2017]), он остается важным опорным пунктом в когнитивной науке, повлиявшим на ее развитие – постановку проблем и использование терминов. Даже если проблемы поставлены с изъянами, а термины вызывают претензии, все эти недочеты являются глубокими

и характерными для большей части литературы. Теперь мы рассмотрим область психологических экспериментов, связанную с ретроспективной дедукцией намерения. В их число входят эксперименты М. Газзанига и Д. Вегнера. Их труды интересны нам тем, что оба автора заявляют об иллюзорности свободы воли, но их аргументация на деле направлена против каузальных теорий действия, которые утверждают, что действия вызываются намерениями агента.

§2. «Иллюзорность» действия по М. Газзанига и Д. Вегнеру

В первом параграфе мы рассматривали работы, посвященные изучению произвольных движений в когнитивной нейронауке. В этих работах исследуется активность мозга, отражающая подготовку произвольных движений. Увиденный нами ряд авторов старается показать, что эта активность имеет место раньше, чем принятие осознанного решения о совершении действия. В таком случае намерения и разумные основания агентов не вызывают движения, а образуют последовательность ментальных состояний, которые идут следом за событиями, вызывающими поведение агента – что подрывает каузальную теорию действия. Эта стратегия, созданная для поддержки жесткого инкомпатибилизма в отношении свободы воли, потенциально крайне эффективна: если люди не действуют, то точно нельзя сказать, что их действия свободны.

Предположительно, когда мы проявляем свою агентность, мы имеем представление о том, каковы наши планы и разумные основания. Последовательность действий выстраивается в связное повествование. В литературе поставлен отдельный вопрос о том, откуда берется это повествование, внутренний нарратив агента. Существует влиятельное предположение, согласно которому за возникновение внутреннего нарратива ответственны процессы в мозге, отличные от процессов порождения движений. Осознанные состояния не просто идут следом за принятием решения в мозге, но и не вызываются им вовсе. Д. Вегнер и М. Газзанига стараются показать, что агент выводит свои намерения и основания после совершения движений. Если они правы, каузальные теории действия терпят неудачу. В данном параграфе мы рассмотрим эмпирические свидетельства,

которые Вегнер и Газзанига приводят в своей аргументации, и определим, достигают ли они своей цели. К этим данным относятся сведения о расстройствах действия и иллюзиях агентности, получаемых в экспериментальных условиях.

2.1 М. Газзанига и расщепленный мозг

Медицина XX века предложила несколько возможностей облегчения симптомов эпилепсии при тяжелом течении заболевания. У. Пенфилд внес вклад в эту область, разработав Монреальскую процедуру – устранение части тканей в области очага эпилепсии [Ladino et al., 2018]. В поисках новых методов лечения самых тяжелых случаев эпилепсии в начале 1940-х годов У. Ван Вегенен и Р. Херрен провели первые операции по рассечению мозга на человеке [Van Wagenen, Herren, 1940]. Вместе с тем заметим, что первую в мире операцию по рассечению мозга провели в 1924 году К.М. Быков и А.Д. Сперанский, но не на человеке, а на собаке [Быков, Сперанский А.Д., 1924]. Большие полушария мозга соединены с помощью набора комиссур, главной из которых является мозолистое тело, опосредующее большую часть передачи информации между полушариями. Ван Вегенен и Херрен хирургически рассекли мозолистое тело, рассчитывая, что эпилептическая активность в этом случае не сможет распространяться на оба полушария и приводить к летальному исходу. В начале 1960-х годов группа ученых под руководством Р. Сперри усовершенствовала процедуру рассечения мозолистого тела, а присоединившийся к группе М. Газзанига исследовал последствия операции для пациентов. У пациентов отсутствовала передача зрительной и другой сенсорной информации между полушариями. При разделении зрительных полей глаз с помощью перегородки пациенты могли озвучить названия объектов только в правом зрительном поле [Gazzaniga, Sperry, 1967]. Хотя интеллект пациентов оставался незатронутым, им было свойственно необычное поведение, в том числе относящееся к объяснению их действий. Иногда после операции пациенты отвергали движения неподконтрольных левых рук [Gazzaniga, 2015], но обычно пациенты вели себя как ни в чем ни бывало.

В одном из экспериментов Газзанига показывал пациенту две картинку, так что в правом зрительном поле была видна картинка с куриной лапой, а в левом – картинка с заснеженной местностью [Gazzaniga, 2000]. После этого пациента просили указать на одну картинку из ряда изображений на столе. Правая рука указала на картинку с курицей, а левая – на картинку с лопатой. Пациента просили объяснить выбор, и он сказал, что куриная лапа принадлежит курице. Эта реплика принадлежала «речевому» левому полушарию, ответственному за правое зрительное поле и правую сторону тела. Когда пациента спросили про другую картинку, он не растерялся и сообщил, что лопата нужна для чистки курятника. Газзанига наблюдал множество подобных случаев: левое полушарие «интерпретировало» поведение правого, вписывая его действия в знакомый контекст и ретроспективно подбирая для него основание.

В 2011 году Газзанига опубликовал книгу «Кто главный? Свобода воли и наука о мозге» [Gazzaniga, 2011]. Основываясь на своих экспериментах и не только, он доказывает идею о том, что мы лишь считаем себя свободными агентами, но на деле лишь интерпретируем происходящее вокруг, как левое полушарие у пациентов с расщепленным мозгом. В нашем мозге расположен особенный модуль, постфактум изобретающий намерения и основания для наших действий. Согласно Газзанига, само представление о том, что мы являемся едиными личностями, иллюзорно – настоящая агентность невозможна, поскольку не существует самого агента как системы с единым набором убеждений и желаний.

2.2 Расстройства действия

В современной когнитивной науке и философии действия большую популярность обрели примеры того, как свои движения или мысли воспринимают люди с разными психическими расстройствами. Это совершенно не удивительно: нормальное телесное действие – например, поднятие руки – оказывается достаточно целостным, его сложно разобрать на части. Мысленные эксперименты не всегда помогут нам в анализе действия. В случае представления некоего метафизически возможного действия мы можем столкнуться с проблемой: на деле

мы не знаем, как эти действия переживаются. Со спорной попыткой такой реконструкции мы столкнемся в следующей главе, когда будем обсуждать частичных зомби Т. Хоргана [Horgan, 2012]. Пациенты с расстройствами действия предоставляют нам ценные данные о поведении и переживаниях агентов с особенностями. Примеры из психиатрии имеют большой потенциал для прояснения самых разных аспектов действия, однако, с ними нужно уметь корректно обращаться.

В 1908 году немецкий нейропсихиатр К. Гольдштейн описал [Goldstein, 1908] первый известный случай синдрома чужой руки – патологического неприятия пациентом собственной конечности. Пациенты с синдромом чужой руки высказывают суждения о том, что одна из их конечностей на деле не принадлежит им, досталась им от кого-то еще, и что им даже необходима ампутация. Данный синдром является аномалией восприятия собственного тела, но его разновидность, называемая синдромом анархической руки, порождает измененное восприятие движений отторгнутой конечности. В 1991 году Ф. Делла Сала и коллеги описали [Della Sala et al., 1991] поведение женщины с синдромом «анархической руки» (“anarchic hand syndrome”). Пациентка совершала сложные целенаправленные движения своей правой рукой – например, подносила ко рту чашку чая – но утверждала, что не намеревалась это делать, а также пыталась останавливать правую руку левой. Пациентка говорила, что ее правая рука «всегда делает, что хочет», и что она может доверять только левой руке.

В психиатрии известен и другой случай приписывания действий с изобретением его основания постфактум. Еще за несколько лет до открытия синдрома анархической руки, в 1983 году Ф. Лермитт описал [Lhermitte, 1983] утилизационное поведение – патологический феномен, свойственный пациентам с изменениями в лобных долях мозга. Пациенты с утилизационным поведением неспособны контролировать некоторые позывы, которые побуждают их хватать и вертеть в руках случайные объекты. Разница между утилизационным поведением и действиями анархической руки заключается в том, что пациенты считают

утилизационное поведение собственным, и утверждают, что намеревались совершать те или иные действия. Эта особенность роднит утилизационное поведение с синдромом расщепленного мозга и показывает, что люди могут назначить действия намеренными уже после их совершения: намерение или другое ментальное состояние необязательно должны предшествовать движениям.

Перейдем к аргументам, которые на основании этих расстройств формулирует психолог Д. Вегнер. В книге «Иллюзия свободы воли» [Wegner, 2002] он с помощью разных источников иллюстрирует свою теорию «кажущейся ментальной каузальности» (“apparent mental causation”). Согласно этой теории, агенты присваивают себе действия на основании работы особого механизма, ответственного за построение моделей каузальности в мире. Данный механизм формирует намерения агента, но они не связаны с тем, как на самом деле порождаются движения. Намиас называет позицию Вегнера «модулярным эпифеноменализмом» [Nahmias, 2002]: в отличие от обычных эпифеноменалистов, Вегнер отделяет от поведения сам когнитивный модуль, порождающий «опыт агентности». По Вегнеру синдром анархической руки наглядно показывает, как может развеяться иллюзия контроля над действием. Вегнер пишет, что движения «чужой руки» достаточно сложны и во всем подобны намеренным движениям – отличие заключается только в осведомленности о таких движениях, нарушенной в связи с повреждениями фронтальной коры. Из-за повреждений пациент больше не переживает эти движения как намеренные, но механизмы, порождающие движение, продолжают работать.

Утилизационное поведение Вегнер рассматривает через призму идеомоторной теории действия Джеймса – и кажется, они действительно подходят под описание из «Принципов психологии». По Джеймсу, когда здоровые люди не думают о том, что они делают, одно лишь появление объектов в поле зрения иногда приводит к движениям [James, 1905, p. 522]. Например, во время разговора некто может увидеть на полу булавку и тут же поднять ее, если это происходит без возникновения «антагонистических репрезентаций», которые удерживают нас от

внезапных движений, когда мы решаем, как поступать. Вегнер обращается к утилизационному поведению среди прочих автоматизмов, показывая на примере их сложности, какие механизмы на самом деле ответственны за движения. Он предполагает, что исключениями из правил являются не автоматизмы, а намеренные движения [Wegner, 2002, p. 143]. Наука должна объяснять, почему система, формирующая намерения, так хорошо предугадывает действия, а не пытаться понимать, как сложные автоматические движения возможны в отсутствие намерения.

2.3 Эксперимент “I spy” и «Иллюзия свободы воли» Вегнера

Нестандартные выводы о контроле над движениями характерны не только для пациентов с расщепленным мозгом или синдромом анархической руки, но и для здоровых людей в специально подобранных экспериментальных условиях. В 1999 году Вегнер и Т. Уитли опубликовали результаты такого эксперимента [Wegner, Wheatley, 1999], названного в честь детской книжки «I spy» («Шпион»). Испытуемые в эксперименте перемещали компьютерную мышь вместе с партнером. Курсор двигался по картинке, на которой были изображены предметы, взятые из реальной игры. Периодически испытуемому и его партнеру давалась команда остановить мышь. С помощью прайминга (то есть неявного влияния на работу восприятия) Вегнеру и Уитли удалось манипулировать тем, как испытуемые воспринимали свой вклад в остановку мыши – считали ли они остановку своим действием или нет. Вегнер и Уитли были заинтересованы в том, как обстоятельства выполнения действия влияют на его восприятие, порождение так называемого «опыта воли».

В «Иллюзии свободы воли» Вегнер обращается к эксперименту «I spy» и к множеству других примеров несоответствия между действиями людей и их восприятием своих действий. Помимо своих исследований и случаев с пациентами, Вегнер указывает на исследования теории ума, которые ставят ей в соответствие специальный модуль [Wegner, 2002, p. 24]. Теория ума – это построение агентом модели поведения другого агента, приписывание ему желаний, убеждений,

намерений, эмоций и других ментальных состояний. Вегнер приписывает этому же модулю интерпретирование действий самого агента. Разумеется, Вегнер обращается к «либетовским» экспериментам, которые также призваны показать отдельность процесса формирования намерения [Wegner, 2002, p. 55]. Наконец, Вегнера интригует разница между двумя исходами электрической стимуляции коры мозга, разница между экспериментальными результатами Пенфилда и Х. Дельгадо [Wegner, 2002, p. 45]. Мы более детально обсудим эту разницу в следующей главе, но она в целом заключается в том, что стимуляция одних участков коры приводит к движениям, отторгаемым агентом, а стимуляция других участков коры побуждает агента совершить движения, полагаемые им собственными. Вегнер полагает, что эти результаты также некоторым образом показывают раздельность механизмов совершения движений и порождения намерений или опыта.

Остается неясным, какую роль играют примеры в доказательстве Вегнером иллюзорности свободы воли или ложности тезиса о том, что намерение выступает причиной действия. Кажется, из того, что наши представления о причинных связях иногда бывают ложны, не следует таких серьезных метафизических выводов. В своих ответах на аргументацию Вегнера философы в первую очередь критически восприняли общность выводов, сделанных Вегнером на основании весьма фрагментарных свидетельств в ограниченном наборе ситуаций. Т. Бейн предлагает [Baume, 2007] несколько интерпретаций доказательства Вегнера, но приходит к заключению, что любая из них недостаточно убедительна. Вегнер заранее опирается на то, что наивные представления о действии глубоко ложны, и выстраивает вокруг этого запутанную и странную картину. Бейн полагает, что Вегнер вовсе путает утверждения, относящиеся к агентности, и утверждения, относящиеся к «опыту воли».

Во второй главе книги Вегнер пытается показать, что «опыт воли» и произвольные действия порождаются разными процессами в мозге, но он свободно заменяет «опыт воли» на волю (“conscious will”). Мили также обращает внимание,

что в попытках разрушить концепцию из «народной психологии» Вегнер использует ментальные понятия, вкладывая в них вольное содержание [Mele, 2009b, 2004]. В итоге непонятно, разделяет ли кто-нибудь вообще психологическую модель, которую атакует Вегнер, или же он борется с неказистым соломенным чучелом. Намиас [Nahmias, 2002] критикует Вегнера за экстраполяцию на все множество действий выводов, полученных в отдельных случаях иллюзий агентности. В частности, результаты Вегнера вовсе не берут в расчет планирование действий и формирование намерений: все связанные с ними утверждения как бы получаются сами собой через редукцию всей ментальной жизни действующего агента к работе модуля-интерпретатора. К подобному выводу приходит и М.А. Секацкая [Секацкая, 2020b]: иллюзии агентности способны возникать, поскольку мы не всегда можем корректно оценить каузальную эффективность своих состояний, но наличие подобных иллюзий не говорит о каузальной нерелевантности намерений.

В то же время аргументацию Вегнера систематизирует и защищает П. Карратерс [Carruthers, 2007]. Карратерс утверждает, что ссылки критиков на сознательное планирование не достигают цели: формируя намерение сделать А, агент всего лишь верит, что он сделает А, и хочет сделать А. Заметим, что Карратерс обсуждает намерения в контексте теории желаний-убеждений – именно с ней дискутировал Братман, вводя намерение в качестве отдельного ментального понятия. Карратерсу возможно возразить: когда агент планирует свои действия, он не предугадывает то, что он будет делать, это неверное описание ментальной жизни агента. Такое описание претендует на разрушение психологии как способа построения объяснений действия. Мили именно так комментирует использование понятие намерения у Вегнера [Mele, 2009b, p. 24]. Кроме того, Мили подобным образом отвечает и Карратерсу, но в контексте возникновения проксимальных намерений: Карратерс якобы «недостаточно хорошо искал сознательное событие, которое может быть отождествлено с моим недавним проксимальным намерением проверить электронную почту, и которое может играть роль, которую и должны

играть проксимальные намерения» [Mele, 2009b, p. 17]. Данная стратегия ответа подразумевает некоторую надежность интроспекции, но речь здесь идет о целом классе ментальных состояний, а не об отдельных случаях. Кроме того, взгляд на осведомленность о действии по Вегнеру и Карратерсу плохо подкрепляется эмпирическими данными.

Эмпирическая слабость позиции Карратерса заключается в том, что он не учитывает данные, поддерживающие непосредственность осведомленности о действии, которая имеет место в части случаев. В третьей главе, посвященной феноменологии агентности, мы увидим, что на данный момент в литературе доминирует представление о том, что агентность представлена в субъективном опыте человека еще до концептуализации этого опыта – познавательного процесса. Влиятельные работы [Bayne, Pacherie, 2007; Synofzik et al., 2008], которые синтезировали тезис о существовании непосредственной осведомленности о действии, были опубликованы не более, чем через год после статьи Карратерса.

2.4 Уроки ретроспективного объяснения действия

В отличие от экспериментов Либета и его последователей, соображения Газзанига и Вегнера не накладывают серьезных ограничений на философские теории действия. Философия действия стремится очертить часть фрагментов поведения, которые возможно назвать действиями. Многие движения пациентов с теми или иными расстройствами, или движения испытуемых в особых условиях могут не входить в этот круг. Зачастую люди выводят свои намерения на основании происходящих событий, но также они иногда выводят и содержание своего восприятия, что не говорит об отсутствии восприятия.

Было бы крайне странно, если бы системы формирования намерений были каузально не связаны с системами, порождающими движения. Если это и вправду так, то мозг тратит огромные ресурсы почти впустую, последовательно объясняя движения тела. Такое положение дел не противоречиво, но выглядит эволюционно расточительным. Непосредственная осведомленность о действиях позволяет нам быстро и тонко координировать движения, приспособливаться под окружающую

среду [Dokic, 2003, p. 322]. Приведем цитату Дж. Фодора, которая показывает, насколько проблематичным для когнитивных научных объяснений был бы отказ от каузальной роли желаний и намерений:

«Я в целом не убежден, что имеет большое значение, является ли психическое физическим; еще менее важно, можем ли мы доказать, что это так. В то же время если нельзя буквально сказать, что мое желание каузально ответственно за вытягивание моей руки, и мой зуд каузально ответственен за мое почесывание, и мое убеждение каузально ответственно за мои высказывания..., если ничто из этого не является буквально истинным, то практически все, во что я верю, ложно, и это конец света» [Fodor, 1990, p. 156] (приведено у [Rey, 2018]).

Наконец, представление о вторичности намерения слишком сильно расходится с тем, как мы планируем свои действия: когда агент рассуждает о том, не купить ли ему завтра ведро мороженого, он не пытается угадать, купит ли он ведро мороженого. Даже если мы скептически относимся к степени контроля над спонтанными движениями, долгосрочное планирование задает дальнейшие действия, а не предсказывает, когда возникнут процессы подготовки движения, которые приведут агента в магазин и схватят ведро мороженого. Если сознательное планирование предваряется иным процессом, который на самом деле задает будущие действия, то мы вновь сталкиваемся с бессмысленным дублированием процессов.

Приведенные данные имеют значительный вес не для метафизики действия, на закрытие которой были ориентированы Вегнер и Газзанига, а для области изучения человеческой осведомленности о действиях или чувстве агентности [Gallagher, 2000]. В первую очередь это относится к эксперименту Вегнера и Уитли, а также синдрому анархической руки и утилизационному поведению. Э. Пашери считает [Pacherie, 2007a], что понимание загадочного различия между восприятием пациентами движений анархической руки и утилизационного поведения потенциально может пролить свет на то, какие условия необходимы для ретроспективного приписывания намерения.

§3. Заключение главы

Действие исторически является предметом изучения множества дисциплин. Каузальные теории действия имеют дело с тем, как агенты контролируют свои действия, и где проходят границы этого контроля. Так, философские исследования неслучайно пересекаются с эмпирическим изучением процессов моторного контроля над произвольными движениями.

Реакция аналитических философов на результаты «либетовских» экспериментов была и остается умеренно критической. В случае проблемы свободы воли возражения философов указывают на невозможность эмпирического решения глубоких метафизических вопросов. Данные экспериментов по изучению произвольных движений часто рассматриваются в контексте проблемы свободы воли. Ученые-экспериментаторы вроде М. Газзанига и Л. Вегнера пытаются применить свои результаты для ее решения, ученые наподобие Либета и коллег – для прояснения того, как могла бы работать свобода в их понимании. Поскольку философия действия значительно менее известна, чем сопредельные с ней проблемы свободы воли и ментальной каузальности, следствия экспериментов для теории действия менее представлены в литературе.

Картина взаимодействия современной философии действия с эмпирическими науками не так проста. КТД уязвимы для экспериментальных результатов: возможно установить, что намерения агента не вызывают его телесные движения, а это покажет, что КТД в их стандартном виде ложны. Даже если речь не идет об истинности или ложности КТД, эксперименты Либета и его последователей должны учитываться философами действия. Эти исследования значимы в позитивном ключе: порядок возникновения ментальных состояний и процессов в моторной коре отчасти определяет каузальную структуру физических действий. Изучение подготовки произвольных движений позволит уточнить динамику развития намерений и конкуренции различных вариантов действия при планировании и совершении спонтанных актов. Философам важно понимать, отсеивают ли или подкрепляют данные наук о мозге и психике их представления о

контроле намерений над движениями. Соответственно, если говорить о проблемах действия, то критика экспериментальных работ во многом сводится к обсуждению методик и терминов. Недостатки «либетовской» парадигмы, связанные с задачей фиксирования времени подмечают Д. Деннет, А. Мили, Э. Намиас, А. Рескис и другие авторы. Их возражения стоят в одном ряду с возражениями самих ученых-экспериментаторов.

С момента открытия моторной коры и потенциала готовности человечество узнало многое о том, как связаны активность мозга и моторные движения. Тем не менее, нам до сих пор неизвестно, как соотносятся процессы в нервной системе, приводящие к моторным движениям, и процессы, которые коррелируют с ментальными событиями – возникновением намерения, побуждения или желания совершить действие. Имеющиеся исследования не могут с нужной точностью ухватить возникновение ментальных событий, поскольку жесткие корреляты сознания (а тем более отдельных осознанных состояний) до сих пор не найдены. Совмещение регистрации активности, связанной с подготовкой движения, и поведенческих методик для фиксирования ментальных состояний приводит к значительным методическим сложностям, с которыми сталкиваются эксперименты Либета и его последователей. В итоге на сегодня исследования произвольных движений не позволяют заключить, что понимаемая в каузальном смысле агентность элиминируется. Этот вывод подкрепляется недостаточной достоверностью ментальной хронометрии и современными представлениями о потенциале готовности. Он скорее всего отражает развитие физиологического шума, на основании которого испытуемые в экспериментах принимают решение действовать.

Сведения об иллюзиях агентности, полученные Газзанига и Вегнером, показывают возможность диссоциации между контролем агента над его движениями и его представлениями об этом контроле. Оба автора пытаются показать, что подобные иллюзии позволяют разделить в мозге два модуля: модуль, ответственный за движения, и модуль, ответственный за сопровождающие их

ментальные состояния. Наблюдения Вегнера и Газзанига были получены в специфическом наборе случаев, но авторы проделывают фундаментальное обобщение своих данных. Это обобщение приводит к выводам, которые требовали бы особенно сильных свидетельств в свою пользу. Модулярный эпифеноменализм Вегнера, построенный на его опытах, а также наблюдениях Газзанига и «либетовских» экспериментах – плохо очерченная позиция, небрежно использующая ментальные понятия вроде опыта и намерения, на что указывают аналитические философы. В связи с недостаточными уточнениями понятий философам непросто ответить Вегнеру: как поддержка, так и критика его аргументации требует обстоятельного достраивания его аргументов. Позицию Вегнера защищает П. Карратерс, но Т. Бейн, Мили, Намиас, М.А. Секацкая и другие авторы критикуют Вегнера за несоразмерность его выводов с представленными данными и неточности в использовании ментальных терминов. Тем не менее, эксперименты по изучению иллюзий агентности безусловно важны для понимания того, как агенты приписывают себе действия. На сегодня можно лишь сказать, что Газзанига и Вегнер внесли важный вклад в понимание работы частного механизма, ретроспективно строящего внутренний нарратив агента.

Обращения к эмпирическим наукам в этой главе были опосредованы спецификой развития КТД и актуальным состоянием философии действия. Проведенные нами разбирательства не должны создавать впечатление, будто философские исследования вообще не могут обходиться без экспериментальных данных, или что все философы обязаны в них глубоко разбираться. В научном знании широко представлена кабинетная философия, опирающаяся на мысленные эксперименты и моделирование. Видными защитниками кабинетной философии являются, например, Т. Уильямсон [Williamson, 2019, 2018] и В.В. Васильев [Васильев, 2019]. В дальнейшем мы еще не раз обратимся к данным наук о мозге и психике, имея в виду, что они важны для решения поставленных нами проблем, но не потому что без них не должно протекать ни одно философское разбирательство. В этой главе мы показали, что аналитические философы в большинстве своем

критически воспринимают попытки элиминации агентности. По-видимому, КТД остаются наиболее перспективными теориями действия, а с агентностью связан набор знакомых нам ментальных состояний. Эмпирические науки связаны с философией действия, но на данном этапе развития не могут самостоятельно решать поставленные в ней проблемы.

В первой и второй главах мы не раз встречались с потребностью описания ментальных состояний действующего агента. Важной составной частью агентности является особая осведомленность агентов о том, что они делают и планируют сделать дальше. Рассуждения Газзанига и Вегнера посвящены расхождению между тем, как агенты переживают свои действия, и тем, что происходит с их телами. В следующей главе мы рассмотрим подход к изучению действия, акцентирующий внимание на содержании ментальных состояний, связанных с агентностью. Этот подход находится на границе между философией действия и философией сознания и вписан в контекст современных феноменологических исследований в аналитической философии.

Глава III. Феноменология агентности. Расширенная феноменология Т. Бейна, Т. Хоргана, М. Монтегю и других авторов

В современной аналитической философии важную роль играют феноменологические исследования. К специалистам по феноменологии относятся такие авторы как Т. Бейн, У. Кригель, Д. У. Смит, Т. Хорган, и другие. Работы по феноменологии в философии сознания посвящены решению набора вопросов о том, какие ментальные состояния обладают феноменальным характером, какова структура содержания феноменального сознания, как феноменальный характер связан с интенциональностью ментальных состояний и так далее. В данной области разворачиваются обсуждения того, имеют ли место феноменальные свойства, не относящиеся к сенсорным или аффективным, и часть этих вероятных свойств относится к действию. Такие авторы, как Т. Хорган и Дж. Тинсон [Horgan et al., 2003], Т. Бейн и Н. Леви [Bayne, 2008; Bayne, Levy, 2006] и М. Нида-Рюмелин [Nida-Rümelin, 2007] считают, что существуют феноменальные состояния, связанные с агентностью – особый опыт действия, дополнительный к восприятию в основных модальностях. К. Жине строит свою волиционистскую теорию вокруг «деятельного феноменального ощущения» (“actish phenomenal feel”) [Ginet, 1990, p. 14], утверждая, что именно с наличием этого ощущения сопряжена способность агента действовать свободно.

Исследования феноменологии агентности находятся в тесном взаимодействии с программой по изучению так называемого чувства агентности (“sense of agency”) в когнитивной науке. Давая определение чувства агентности, авторы эмпирических работ зачастую ссылаются на Ш. Галлахера «Философские концепции Я: следствия для когнитивной науки» [Gallagher, 2000], опубликованную в 2000 году. Например, ссылки на Галлахера приводят такие значимые исследователи как Дж. Мур [Moore, 2016], М. Синофзик и коллеги [Synofzik et al., 2008] или П. Хаггард [Haggard, 2017]. Когнитивная наука призвана обеспечивать прикрытие феноменологии агентности от типа возражений, которые Т. Бейн называет «юмеанской» стратегией [Bayne, 2008, p. 184]: скептик может

просто-напросто заявить, что не обнаруживает опыта агентности с помощью интроспекции. Феноменологи зачастую предъявляют скептикам косвенные данные о существовании того или иного типа переживаний. На сегодня известно, что действие влияет на опыт человека – например, изменяет восприятие пространства [Kirsch et al., 2016] и времени [Haggard et al., 2002], и притупляет сенсорные последствия движения [Blakemore et al., 2000]. Агент скорее всего не будет осведомлен об этих изменениях: искажение восприятия имеет небольшие масштабы, хотя оно устойчиво воспроизводится. По-видимому, интроспекция не позволяет получить доступ к этим особенностям опыта, но они все же имеют место. Позволяют ли эмпирические данные подтвердить существование особой модальности феноменального сознания, связанной с агентностью – более сложный вопрос. Современная феноменология способна прямо утверждать, что опыт агентности «тонок» [Metzinger et al., 2006] или «ускользает» от интроспекции [Bayne, 2015], а также не позволяет приходиться к сильным метафизическим утверждениям о действии [Horgan, 2011]. Вместо непосредственного доступа к опыту действия авторы могут предлагать, например, аргументы от контраста, которые обнаруживают опыт агентности при противопоставлении действий здоровых людей и пациентов с нарушениями моторного контроля. Все приведенные возможности мы обсудим в этой главе, когда будем иметь дело с аргументацией сторонников расширенной феноменологии.

Обсуждение феноменологии агентности требует освещения дискуссии о «богатстве» феноменального сознания. В этой дискуссии обсуждается соотношение между феноменальным и репрезентационным содержанием сознания, формулируются аргументы «за» и «против» существования нескольких спорных областей множества феноменальных состояний. К ним относятся когнитивная феноменология, феноменология категориального восприятия и феноменология агентности. Одним из наиболее известных специалистов по вопросам богатства множества феноменальных состояний и феноменологии агентности является Т. Бейн. Мы во многом будем обращаться к работам Бейна и

его соавторов, поскольку они высказывались обо всех перечисленных дополнительных доменах феноменологии, а также разработали набор методов для их рассмотрения.

Тимоти Бейн – профессор университета Монаш в Мельбурне. В 2002 году в университете Аризоны Бейн защитил диссертацию по теме «Единство сознания» (“The Unity of Consciousness”). Научным руководителем Бейна был Д. Чалмерс. Работы Бейна посвящены феноменологии, единству сознания и проблеме других сознаний, в частности, возможности ввести универсальную метрику сознания. Основные исследовательские проекты Бейна направлены на решение вопросов в философии сознания без обращения к трудной проблеме и прямого рассмотрения онтологии сознания.

Перед тем, как перейти к анализу интересующей нас дискуссии, нам следует сделать пару важных оговорок. Было бы серьезным упущением не упомянуть скептиков в отношении феноменального сознания. Достаточно сильной позицией в современной философии сознания является иллюзионизм [Dennett, 2016; Frankish, 2016; Kammerer, 2021] – представление об иллюзорности самого феноменального сознания, а не только отрицания богатства его содержания. Мы не будем останавливаться на дискуссии о статусе феноменального сознания, поскольку она требует отдельного тщательного рассмотрения. Нам лишь стоит заметить, что сами феноменальные свойства – а не только их дополнительные домены – являются предметом глубоких разногласий. Если верен иллюзионизм, представленная ниже дискуссия сведется к описанию перцептивного репрезентационного содержания сознания в области высокоуровневого восприятия и агентности. В соответствии с концепциями Бейна и других авторов, мы будем опираться на репрезентационализм в отношении феноменального сознания, который не признает существования феноменальных свойств вне репрезентаций. В отсутствие феноменальных свойств репрезентационное содержание словно «высохнет», но не исчезнет. В четвертой главе мы отдельно сфокусируемся на

репрезентационном содержании состояний, связанных с совершением действий: само рассмотрение феноменологии агентности приведет нас туда.

Вторая оговорка связана с понятием репрезентации, которым мы будем постоянно пользоваться. Эта оговорка будет полезной и в рамках следующей главы. В философии восприятия имеет место позиция, называемая наивным реализмом [Brewer, 2011; Campbell, 2002; French, Phillips, 2020]. Согласно наивному реализму, агенты напрямую, без посреднических структур, осведомлены о воспринимаемых ими объектах. Однако, далее мы будем опираться на репрезентационализм – концепцию в когнитивной науке и философии восприятия, которая связывает восприятие с наличием у агента ментальных репрезентаций объектов. Современный репрезентационализм не исходит из того, что агенты воспринимают репрезентации или чувственные образы, но утверждает, что восприятие происходит через возникновение внутренней репрезентации объекта в когнитивной архитектуре агента. Словарь Американской психологической ассоциации (АПА) приводит неявное определение ментальной репрезентации: «Репрезентация – это гипотетическая единица, которая, как полагается, обозначает чувственный образ, мысль, воспоминание и т.п. во время когнитивных операций. Например, при мысленном выполнении арифметических вычислений человек, предположительно, оперирует ментальными репрезентациями, соответствующими цифрам и математическим операциям; когда человек представляет себе, что смотрит на обратную сторону объекта, он, предположительно, оперирует ментальной репрезентацией этого объекта; когда человек повторяет вслух номер телефона, набирая его, он, предположительно, оперирует ментальными репрезентациями названий цифр. Однако на сегодняшний день не существует консенсуса относительно того, что такое ментальные репрезентации.» [APA Dictionary of Psychology, 2015, p. 789].

Заметим, что в словаре понятие репрезентации определяется с привлечением примеров, поскольку его сложно определить напрямую. Репрезентация – это образ, внутренний слепой некоего объекта, приписываемый организму и закодированный

в его нейронной активности. Содержание репрезентации изменяется вместе со свойствами воспринимаемого объекта. Репрезентация доступна для использования различными когнитивными процессами – например, ментальной арифметикой или воображением. На сегодняшний день понятие репрезентации служит прочной основой для объяснения процессов восприятия и познания в психологии и когнитивной нейронауке [Block, 2010, 2023; Shea, 2018]. Нас будет интересовать в первую очередь репрезентационализм в отношении феноменального сознания: утверждение о том, что феноменальное сознание супервентно (слабый репрезентационализм) или редуцируется до (сильный репрезентационализм) репрезентационного содержания. Репрезентационализм в отношении феноменального поддерживают такие авторы как А. Берн [Byrne, 2001], Бейн [Bayne, 2009], П. Карратерс [Carruthers, 2000], Ф. Дрецке [Dretske, 1995], А. Паутц [Pautz, 2011], Дж. Серл [Searle, 1983], М. Тай [Tye, 2002] и др. Понятие репрезентации пересекается в понятием интенциональности: содержание осознанной репрезентации содержит то, как для агента представлен предмет в его опыте.

§1. Расширенная феноменология

1.1 Феноменальные и интенциональные состояния

Понятие феноменального состояния зачастую иллюстрируется с помощью сенсорных или аффективных примеров. Т. Нагель задается вопросом о том, *каково это* – иметь опыт восприятия с помощью сонара, как у летучей мыши [Nagel, 1974]. Ч. И. Льюис объединяет понятие квалиа с теорией чувственных данных (“sense data”) и приводит «красноту» и «громкость» в качестве примеров квалиа [Lewis, 1929]. Дж. Левин формулирует «провал в объяснении» на примере квалиа боли [Levine, 1983].

Эти примеры объединяет простота интенционального содержания. Далее вместо более сложного понятия квалиа мы будем говорить о феноменальном характере ментальных состояний: ментальное состояние субъекта имеет феноменальный характер, если для субъекта есть то, *каково это* – находиться в

этом состоянии. Хорган и Дж. Тинсон [Horgan, Tienson, 2002] пишут о распространенности в философии сознания «сепаратизма» – позиции, согласно которой феноменальный характер состояния и его интенциональное содержание независимы и разделимы. Сепаратисты утверждают, что феноменальный характер ментальных состояний не имеет интенционального содержания, а интенциональность ментальных состояний лишена феноменального характера. Позиции сепаратизма придерживаются, например, Д. Розенталь [Rosenthal, 1986] и К. Пикок [Peacocke, 1983], которые пишут об отсутствии интенционального содержания у квалиа. Сепаратист скажет, что когда он смотрит на витраж, то видит цветные стекла – наблюдение этих стекол имеет феноменальный характер благодаря феноменальным свойствам цветов. Вместе с тем взаимное расположение стекол и их форма образуют единую интенциональную структуру в его сознании, сложную представленность предмета, которая сама не обладает феноменальными свойствами.

Т. Бейн и М. Монтегю [Bayne, Montague, 2012] считают, что многие исследователи не склонны приписывать феноменальный характер мыслям – стандартному примеру интенциональных состояний – из-за разграничения феноменального сознания и сознания доступа в работах Н. Блока. Блок поясняет различия между двумя определениями сознания [Block, 1995] с помощью набора примеров, которые соотносят ощущения с феноменальным сознанием, а мысли, убеждения и желания – с сознанием доступа. По мнению Бейна и Монтегю задание этих парадигмальных примеров подтолкнуло других авторов считать мысли лишенными феноменального характера, пусть Блок сам и не утверждает этого. Если переформулировать тезис Бейна и Монтегю в терминах Хоргана и Тинсона, два определения сознания по Блоку непреднамеренно вносят вклад в сепаратизм по отношению к феноменальному характеру и интенциональному содержанию.

Сепаратизм в отношении феноменального характера и интенционального содержания не пользуется всеобщей поддержкой, и тех, кто его отрицает, в литературе называют инсепаратистами [Bayne, McClelland, 2017]. Хорган и Тинсон

защищают два принципа, постулирующие такое смешение. Согласно принципу интенциональности феноменологии, у любых феноменальных состояний (например, ощущений цвета или вкуса) имеется интенциональное содержание, неотделимое от их феноменального характера. Так, цвет и вкус мы часто приписываем некоторым вещам в мире, представленным в нашем сознании. Вдобавок, согласно принципу феноменологии интенциональности, у любых интенциональных состояний (например, желаний или убеждений) есть феноменальный характер, неотделимый от их интенционального содержания. Второй принцип утверждает, что, например, для нас есть то, *каково это* – хотеть съесть грушу, и это приводит к «расширению» феноменологии: множество феноменальных состояний оказывается намного шире, чем его минималистическая версия, построенная на обыкновенных сенсорных и эмоциональных примерах. Состояние «хотеть съесть грушу» не сводится к образу груши – одно лишь наблюдение груши будет иметь другой феноменальный характер.

Хорган и Тинсон защищают достаточно сильный вариант тезиса об инсепаратизме. Не все философы, готовые совмещать феноменологию и интенциональность, склонны требовать их полного взаимопроникновения. В частности, сложную позицию в вопросах «расширений» феноменологии занимает Бейн, который является автором набора влиятельных работ по когнитивной феноменологии, феноменологии агентности и высокоуровневого восприятия. В дальнейшем мы проанализируем эти работы и будем во многом опираться на инструментарий, разработанный Бейном и соавторами. Три предположительных домена феноменологии мы будем называть ее расширениями, и начнем мы с разбора когнитивной феноменологии, которая связана и с феноменологией агентности.

1.2 Когнитивная феноменология

Бейн и Т. Макклиланд рассматривают два возможных теоретических последствия инсепаратизма, две его «границы». Первой гранью они называют репрезентационализм в отношении феноменального сознания. Авторы

формулируют основной тезис репрезентационализма как позиции, в соответствии с которой «интенциональное содержание опыта отражается в его феноменальном характере, так что два состояния с одинаковым интенциональным содержанием будут иметь один характер» [Bayne, McClelland, 2017, p. 27]. Эту позицию называют также слабым репрезентационализмом, так как он предполагает лишь супервентность феноменального характера на интенциональном содержании. Супервентность – это отношение между двумя наборами свойств P1 и P2. Свойства P1 супервентны на свойствах P2, если разница между двумя вещами в свойствах P1 не может возникать без разницы в P2 [McLaughlin, Bennett, 2023]. Так, слабый репрезентационализм утверждает, что разница между сознательными состояниями в их феноменальном характере не может иметь места без разницы в интенциональном содержании. Другая грань инсепаратизма – это предположение о существовании так называемой когнитивной феноменологии. Если интенциональным состояниям всегда присущ феноменальный характер, то мысли, будучи примерами интенциональных состояний, тоже должны иметь феноменальный характер.

М. Монтегю полагает [Montague, 2016, p. 177], что первым термин «когнитивная феноменология» употребил Г. Стросон в 1986 году [Strawson, 1986, p. 26]. Стросон называет «когнитивной» феноменологию либертарианской свободы действия, осведомленность о том, что агент «мог поступить иначе». Таким образом, первое упоминание когнитивной феноменологии отсылает к одному из проявлений феноменологии агентности. Стросон полагает, что исследование проблемы свободы воли сводится к изучению феноменологии свободы. Этот взгляд предшествует изучению чувства агентности, которое позволило исследователям сфокусироваться не на метафизике действия, а на сопровождающих его ментальных состояниях.

В первом приближении когнитивная феноменология – это домен феноменальных состояний, сопровождающих процессы познания (“cognition”). Так, под «феноменологией» в данном термине имеется в виду не область

исследований, а нечто иное. «Феноменология X» – это гипотетическое множество феноменальных состояний, сопровождающих ментальные состояния X. Слово «когнитивная» в составе термина «когнитивная феноменология» отсылает к разграничению между восприятием («perception») и познанием («cognition») в психологии. Восприятие позволяет субъекту получать необработанные сведения о мире, а к познанию относится интерпретация и обработка этих сведений. Обработка может включать в себя формулирование убеждений и суждений, обдумывание, принятие решений, выражение эмоций. В психологии те процессы в мозге, которые соответствуют восприятию, в общем и целом полагаются низкоуровневыми, а те процессы, которые обслуживают познание, называют высокоуровневыми. Следует иметь в виду, что разделение между восприятием и познанием вызывает споры в литературе [Block, 2023; Nes et al., 2023].

Есть ли то, каково это – удивляться чему-то, понадеяться на что-то, призадумываться о чем-то? Или по крайней мере то, каково это – рассуждать о предмете или представлять его, а не просто воспринимать? Для обозначения доменов феноменологии Д. Питт ввел понятие проприетарной («proprietary») феноменологии [Pitt, 2004], которое обозначает набор феноменальных свойств, сопровождающих определенный класс ментальных состояний. Когнитивный феноменальный характер обычно обсуждается как проприетарный – присущий только познанию – и различаемый («individuating»), то есть присущий мыслям и концептуальным репрезентациям с определенным содержанием, а не познанию вообще. Предполагается, что у феноменального характера познания есть нечто общее, что отделяет его от восприятия, но в то же время характеры двух разных когнитивных операций неодинаковы.

Итак, когнитивная феноменология – это феноменология высокоуровневых процессов, и в первую очередь – мышления. Однако, если начать более тщательно разбираться в том, где проходят границы когнитивной феноменологии, положение дел оказывается расплывчатым. Во вступлении, написанном Бейном и Монтегю к сборнику «Когнитивная феноменология» [Bayne, Montague, 2012], когнитивный

феноменальный характер приписывается мыслям, сложным эмоциям, эпистемическим ощущениям и категориальному восприятию. Под феноменальным характером сложных эмоций имеется в виду, например, то, каково это – радоваться возвращению домой. В класс эпистемических (или ноэтических) ощущений попадает чувство ознакомленности или сомнения [Koriat, 2000], дежа вю и жаме вю, вспоминание слова, «вертящегося на языке». Хорган [Horgan, 2012] включает в когнитивную феноменологию все состояния, отличные от сенсорных – так, феноменология агентности также становится когнитивной.

Обратим отдельное внимание на феноменальные состояния, соответствующие категориальному восприятию, и проясним, что Бейн и Монтегю имеют в виду. Субъективное переживание, возникающее, например, при взгляде на помидор, включает в себя набор простых феноменальных свойств – в частности, цвет кожуры помидора. Но исчерпывается ли феноменальный характер наблюдения помидора этими простыми свойствами, или в содержании феноменального сознания есть свойство, соответствующее классификации помидора как именно помидора («помидоровость»)? Распознавание объекта следует отнести к высокоуровневому восприятию, которое находится ближе к познанию, чем определение формы или цвета объекта. В работе «Восприятие и размах содержания феноменального сознания» [Wayne, 2009] Бейн тоже рассматривает феноменологию категориального восприятия, но уже не как домен когнитивной феноменологии, а как расширение феноменологии восприятия. На примере категориального восприятия мы видим, что граница между восприятием и познанием, которую задействует Бейн в своих работах, не является строгой. Монтегю [Montague, 2016, p. 179] призывает относить феноменологию категориального восприятия и к когнитивной, и к феноменологии восприятия, но точно не к сенсорной феноменологии, включающей низкоуровневые свойства.

1.2.1 Либералы и консерваторы

Когнитивную феноменологию бывает затруднительно отделить от феноменологии восприятия. Тем не менее, дискуссии, к которым присоединяются

Бейн и Монтегю в «Когнитивной феноменологии» и Бейн в «Восприятии и размахе содержания феноменального сознания», оказываются практически идентичными. В обеих работах различие проводится между «либеральным» и «консервативным» подходами к богатству феноменологии. Бейн причисляет к либералам таких философов как Кригель [Kriegel, 2007, 2015], Хорган и Тинсон [Horgan, 2012; Horgan, Tienson, 2002], Питт [Pitt, 2004] или Стросон [Strawson, 1994]. К консерваторам относятся, например, О. Кларк [Clark, 2000], Левин [Levine, 1983] или Тай [Tye, 1995].

В «Восприятии и размахе...» Бейн проводит линию размежевания между либералами и консерваторами на основании принятия или отрицания феноменальных свойств высокоуровневого репрезентационного содержания. Термины «интенциональное содержание» и «репрезентационное содержание» аналогичны в контексте данного обсуждения. Как для репрезентациониста, для Бейна феноменальное содержание сознания является объединением части репрезентационного содержания и феноменальных свойств. То, насколько обширная часть репрезентации объединяется с феноменальными свойствами, задает «размах» феноменологии восприятия. Под высокоуровневым репрезентационным содержанием Бейн в первую очередь имеет в виду узнавание видов вещей, категориальное восприятие. Когда мы едим клубнику или слышим звуки трубы, мы узнаем клубнику и трубу, за что ответственны высокоуровневые процессы в мозге. Под низкоуровневым содержанием подразумевается, например, форма вещи. Так, смотря на коробку, мы замечаем ее углы и плоские поверхности. Либералы склонны приписывать высокоуровневому репрезентационному содержанию феноменальный характер: если я ем клубнику, то для меня есть то, каково это – есть именно клубнику, а не просто чувствовать оттенки вкуса, которыми обладает клубника, и видеть ее перед собой. Консерваторы оспаривают эту точку зрения – согласно их позиции, в феноменальном сознании представлен вкус клубники, но идентификация того, что вкус относится к клубнике, туда не входит.

Во введении к «Когнитивной феноменологии» Бейн и Монтегю разделяют либералов и консерваторов на основании двух концепций осознанных мыслей. Либералы считают, что мысли обладают проприетарной феноменологией, а консерваторы либо отрицают феноменологию мысли вообще, либо списывают ее на сенсорные состояния, сосуществующие с мыслями. Например, если я захотел клубники, для меня может либо быть (согласно либералам), либо не быть (согласно консерваторам) того, каково это – захотеть клубники. Консерваторы добавляют, что любое «то, каково это...», сопровождающее мое желание поесть клубники, относится либо к непосредственно воспринимаемой мною клубнике, либо к ее представляемому образу.

Дискуссии, приведенные в статье Бейна и у Бейна и Монтегю, похожи друг на друга в основаниях разногласий между авторами. Основания эти заключаются не в определении релевантной границы между восприятием и познанием, а в вопросе существования феноменологии каких бы то ни было сложных интенциональных состояний, что возвращает нас к вопросу о сепаратизме. Высокоуровневое восприятие и мышление оказываются в этом смысле отличны от «сырых» ощущений. Исключением следует назвать П. Карратерса [Carruthers, 2005], который оказывается на либеральной стороне в дискуссии о широте феноменологии восприятия и на консервативной стороне в дискуссии о феноменологии мысли. Говоря о проникновении понятий в феноменальное сознание, Карратерс приводит в пример картинку-перевертыш с уткой и кроликом и утверждает о существовании феноменологической разницы между восприятием утки и кролика соответственно [Carruthers, 2000]. С другой стороны, Карратерс прямо отрицает представленность мыслей в феноменальном сознании [Carruthers, 2005]. Если обратиться к самому Бейну, то есть основания утверждать, что лично для него феноменология мысли и категориального восприятия не идут в комплекте, как мы увидим далее.

Остановимся на значимости дискуссии либералов и консерваторов и последствиях, которые она несет для философии сознания. Для начала, позиции

предполагают разные возможности для диссоциации феноменального сознания и сознания доступа. Блок рассматривает [Block, 1995, p. 233] гипотетический случай человека с супер-слепозрением: такой индивид безошибочно определяет наличие некоторого вида стимула в зрительном поле, но не видит сам стимул. Если показать ему горизонтальную черту, он скажет, что знает о ней, не имея ее зрительного образа в содержании феноменального сознания. Принятие крайней либеральной позиции приводит к тому, что само узнавание о возникновении стимула имеет феноменальный характер. Так, сознание доступа никогда не будет отделено от феноменального сознания, хотя существование недоступных феноменальных состояний останется возможным. Комментируя последствия инсепаратизма для трудной проблемы сознания, Хорган и Тинсон [Horgan, Tienson, 2002] замечают, что она становится только труднее для инсепаратистов. Если содержание феноменального сознания является «бедным», трудная проблема касается лишь разрозненных простых ощущений, каждого из них по отдельности. «Богатство» опыта приводит к тому, что трудная проблема распространяется на большую часть интенционального содержания сознания (или даже на все содержание), интенциональность более нельзя рассматривать без феноменальности. Вместе с тем позиции либералов и консерваторов не влекут особых последствий для сильного репрезентационализма [Lycan, 2019]. Если феноменальные свойства некоторым образом сводятся к репрезентационным свойствам, то их обилие просто говорит о том, что многие репрезентационные свойства фундируют феноменальный характер.

1.2.2 Интроспективное ускользание

Может показаться, что первоочередным аргументом как «за», так и «против» существования расширенной феноменологии должны служить интроспективные наблюдения. Однако, «либералы» обнаруживают высокоуровневую феноменологию при обращении к своему опыту, а «консерваторы» утверждают, что не находят ее.

Бейн и Монтегю выражают озадаченность большой разницей в интроспективных отчетах о наличии некоторых феноменальных состояний – они полагают, что это бросает тень на надежность интроспекции как способа узнавать содержание собственного сознания. В работе «Уязвимость интроспекции» [Вауне, 2015] Бейн взвешивает позиции оптимизма и пессимизма в отношении интроспекции и ее способности предоставлять подлинные сведения об опыте субъекта. Согласно Бейну, существуют интроспективно «ускользающие» виды феноменальных состояний – части феноменального содержания, к которым наш интроспективный доступ менее надежен, чем мы могли бы предполагать обычно. К «ускользающим» доменам феноменологии Бейн причисляет феноменальные состояния, связанные с агентностью и высокоуровневым восприятием. Почему же некоторые феноменальные состояния ускользают от интроспекции? Бейн рассматривает две возможности: во-первых, ответ может крыться в устройстве самих состояний, а во-вторых, в способностях интроспекции. Так, интроспекция может быть предрасположена к обнаружению определенного класса феноменальных состояний и пропуску других состояний, подобно восприятию, имеющему неодинаковую точность в разных ситуациях. Каким бы ни было объяснение, в пользу существования ускользающей феноменологии требуется формулировать особые аргументы. Основным видом таких аргументов являются аргументы от контраста.

1.2.3 Феноменальный контраст

Либералы в вопросе богатства феноменологии подкрепляют свою точку зрения аргументами от феноменального контраста. Аргументы от контраста основаны на сравнении двух ситуаций, которые являются феноменально отличными для агентов при условии совпадения низкоуровневого феноменального содержания. Низкоуровневое содержание – это феноменальные свойства в основных сенсорных модальностях: зрении, слухе, обонянии и так далее. При идентичности этих простых ощущений агенты, тем не менее, должны иметь разные переживания.

Существует несколько способов выстраивать аргументы от контраста. Контраст может вырисовываться в обычных жизненных ситуациях, в которых агент имеет возможность оказаться в обоих обсуждаемых состояниях. Например, пусть два человека слышат одно и то же сочетание звуков на языке, который известен только одному из них. Стросон [Strawson, 1994, p. 8] утверждает, что распознавание этих звуков как слов вносит феноменальную разницу. Заметим, что слова из других языков можно быстро учить, и это позволяет выровнять контраст. В другом случае контраст оказывается «мерцающим», то есть агент может быстро переходить из одного состояния в другое. Еще Л. Витгенштейн [Витгенштейн, 2018, с. 282] упоминал картинку-перевертыш [Jastrow, 2006], которую человек видит либо «как» утку, либо «как» кролика. Эта картинка также может быть использована для построения аргумента от контраста [Bayne, Montague, 2012], поскольку изображение остается одним и тем же. Впрочем, Дж. Принц [Prinz et al., 2012] считает, что изменение опыта при просмотре изображения происходит из-за осуществления доступа к воспоминаниям об утках или кроликах, и из-за сенсорных искажений, вызванных концептуализацией картинки.

Кригель [Kriegel, 2015, p. 54] и Э. Чаднофф [Chudnoff, 2015] утверждают, что если некто интуитивно «схватывает» истинность пропозиции, то это состояние инсайта сопровождается особыми феноменальными свойствами. Стоит сказать пару слов о методе, которым пользуется Кригель – представлении частичного зомби, которых впервые описал Хорган [Horgan, 2012]. В отличие от обычного философского зомби [Chalmers, 1996], частичный зомби лишен лишь части феноменальных состояний. Кригель предлагает читателю представить гениального математика Зою, лишенную всякой сенсорной и эмоциональной феноменологии. Кригель считает, что даже в таком положении Зоя сможет переживать опыт инсайта при открытии новых математических истин. У аргумента Кригеля имеются серьезные проблемы с представимостью [Chudnoff, 2015; Jorba, Vicente, 2020]: имея целостное сознание, нам сложно себе представить, каково это – быть частичными зомби. В отличие от Кригеля, Чаднофф пытается обратить внимание

читателя на его собственный опыт при обдумывании формул и выяснении их истинности. Сам Хорган изначально использовал частичного зомби для доказательства существования феноменологии агентности, но этот аргумент мы рассмотрим в следующем параграфе.

В результате аргументы от контраста могут строиться на противопоставлении двух обыденных ментальных состояний, а также на мысленных экспериментах с противопоставлением полной и представимой частичной феноменологии. Однако, больший интерес для нас представляют аргументы, противопоставляющие опыт здоровых людей и пациентов, лишенных тех или иных перцептивных и когнитивных способностей. Один из подобных аргументов приводит Бейн в «Восприятии и размахе...» [Bayne, 2009].

Бейн излагает вариант аргумента, основанный на симптоматике ассоциативной агнозии. При ассоциативной агнозии пациенты неспособны определить вид вещи, которую они видят или держат в руках. Бейн приводит зафиксированный Х. Лиссауэром [Lissauer, 1890] пример пациента, принимавшего стетоскоп за часы, а открывалку – за ключ. Пациент не мог опознать зажигалку, но мгновенно справился с задачей, когда врач ее зажег. У пациента отсутствовали проблемы с восприятием пространства, определением цвета и формы: он делал точные копии рисунков и без труда подбирал одинаковые изображения предметов – все это говорит в пользу нетронутости обычной, низкоуровневой феноменологии. Феноменальный контраст в случае ассоциативной агнозии заключается в том, что для здорового человека предметы выглядят как стетоскоп и часы, но для пациента они выглядят иначе. Между опытом пациента с ассоциативной агнозией и опытом здорового человека отсутствует разница в низкоуровневом феноменальном содержании, но разница между совокупным феноменальным содержанием существует, следовательно, она обеспечивается высокоуровневым содержанием. Так, Бейн выдвигает гипотезу о нехватке у пациентов с ассоциативной агнозией высокоуровневого феноменального содержания – феноменологии категориального восприятия.

Аргумент Бейна выгодно выделяет обращение к опыту пациентов с яркими особенностями поведения, однако, и такой аргумент от контраста не все авторы считают удачным. Б. Наней [Nanay, 2012] солидарен с Бейном в том, что аргументы в пользу существования несенсорной перцептивной феноменологии должны быть основаны на данных о пациентах с нарушениями восприятия, но не считает контраст, приведенный Бейном, достаточным. Наней указывает на то, что контраст в случае ассоциативной агнозии необязательно обнаруживает именно перцептивную феноменологию, а не какую-либо еще (например, когнитивную). Наней видит перспективы аргументации в том, чтобы описывать зафиксированные случаи отсутствия сенсорной феноменологии при наличии высокоуровневой феноменологии. Если пациент говорит о некоторых свойствах воспринимаемого объекта, не видя его форму и цвет, то этим свойствам соответствует именно перцептивная несенсорная феноменология.

Р. Бриско считает [Briscoe, 2015], что аргумент Бейна не доказывает наличия разницы в феноменологии, потому что изначально исходит из того, что у здорового человека и пациента различается феноменальное содержание. Блок [Block, 2023, p. 10] утверждает, что ассоциативная агнозия говорит в пользу существования высокоуровневого репрезентационного содержания, но не особого феноменального содержания. Так как не все репрезентационное содержание восприятия может полагаться феноменально осознанным, перейти к феноменологической разнице действительно оказывается непросто. Эта линия критики представляет большую угрозу для проекта репрезентационалистов по расширению феноменального содержания: несмотря на наличие прочного каркаса для феноменальных свойств, они не всегда могут утверждать, что этот каркас заполнен. Высокоуровневое содержание может напоминать осведомленность агента с супер-слепозрением, сознание доступа без феноменального сознания. Вероятно, это возражение в меньшей степени касается случаев, в которых агент может переходить от одного контрастирующего состояния к другому (например, рассматривая картинку-перевертыш). Однако, здесь возникает проблема

узнавания: два состояния у агента без когнитивных нарушений узнаются как разные состояния, обрабатываются познавательными процессами. Более сильную версию аргумента от контраста могли бы дать эмпирические данные, полученные с помощью воздействия на здоровых испытуемых, например, вызовом у них краткосрочной ассоциативной агнозии с помощью внешней стимуляции.

В рамках обсуждения аргументов от контраста вырисовывается промежуточная позиция, которую нельзя назвать строго либеральной и консервативной. Согласно этой позиции, особая высокоуровневая феноменология существует, но все примеры когнитивной феноменологии сводятся к одному проприетарному домену. Сравнивая различные аргументы от контраста и их словесные формулировки, М. Хорба и А. Висенте [Jorba, Vicente, 2020] приходят к выводу о наличии феноменологии достижений (“phenomenology of achievement”), которая содержится во всех аргументах в пользу когнитивной феноменологии. Под «достижениями» Хорба и Висенте имеют в виду точечные ментальные события, например, узнавание объекта, его обнаружение в поле зрения или инсайт. Понятие «достижения» авторы заимствуют у философа языка З. Вендлера [Vendler, 1957], который в классификации глаголов противопоставляет достижения занятиям (“activities”), состояниям (“states”) и выполнению задачи (“accomplishment”). Выполнение задачи отличается от достижения тем, что указывает на завершённый процесс, а не на событие. Хорба и Висенте переносят классификацию глаголов на ментальные состояния, и стараются показать, что все примеры когнитивной феноменологии апеллируют к ментальным событиям, которые относятся к достижениям и имеют одну и ту же характерную длительность. Важно заметить, что Хорба и Висенте не претендуют на учёт феноменологии высокоуровневого восприятия и агентности.

В самом деле, если даже аргументы от контраста в пользу всех предложенных в литературе видов феноменологии валидны, число открываемых ими проприетарных доменов необязательно соответствует числу аргументов. Репрезентационное содержание, утверждаемое аргументами, может совпадать в

разных случаях. На такую возможность намекает и нечеткость границы между когнитивной феноменологией и феноменологией высокоуровневого восприятия, и сплетение когнитивной феноменологии с феноменологией агентности у Хоргана [Horgan, 2012] и Стросона [Strawson, 1986]. Хорба и Висенте предпринимают один из первых шагов к тому, чтобы обобщить когнитивную феноменологию и найти минимум феноменальных состояний, который ее описывает. Одна из основных проблем расширенной феноменологии заключается в том, что ее содержание по крайней мере отчасти совпадает с феноменологией низкоуровневого восприятия: ухватывая категорию объекта, мы видим его, и узнавая слово, мы слышим его. На этом пересечении основано так называемое возражение от совпадающего содержания.

1.2.4 Совпадающее содержание

Один из аргументов против существования когнитивной феноменологии основан на совпадении репрезентационного содержания сознания при восприятии и в тех или иных примерах познания. В восприятии и познании объекты представлены некоторым образом, у агента есть их репрезентации. Бейн и Макклиланд [Bayne, McClelland, 2017] полагают, что тезис о существовании когнитивной феноменологии конфликтует с репрезентационализмом в отношении феноменального сознания, и это несоответствие позволяет авторам сформулировать возражение к когнитивной феноменологии от совпадающего содержания. Пусть верен инсепаратизм, тогда у мыслей имеется проприетарный феноменальный характер, супервентный на его интенциональном содержании. Феноменальный характер сенсорного опыта также супервентен на его интенциональном содержании в силу определения репрезентационализма. Возможно представить такой сенсорный опыт и пропозицию-токен, что они будут иметь одинаковое интенциональное содержание: я вижу, что *p*, или думаю, что *p*.

Бейн и Макклиланд приводят в качестве примера контраст между двумя ситуациями: пусть некто или видит перед собой синюю стену, или же в отсутствие опыта формулирует суждение о том, что перед ним синяя стена. Однако, если

восприятие предмета и суждения о нем имеют совпадающее интенциональное содержание, то, согласно репрезентационализму в отношении феноменального сознания, между ними не должно быть феноменологической разницы, что противоречит тезису о проприетарности феноменологии познания. Более того: кажется, феноменологически ситуации неодинаковы: существует разница между тем, каково это – видеть стену и только лишь судить о том, есть ли она [Baune, McClelland, 2017, p. 29], образы и суждения едва ли возможно перепутать в реальной жизни. Заметим, что возражение от совпадающего содержания не относится к феноменологии категориального восприятия. Возражение от совпадающего содержания было выдвинуто в 2017 году, и немногие авторы успели на него ответить. Критику в адрес возражения выразил, например, П. Леннон [Lennon, 2023]: он доказывает, что возражение от совпадающего содержания распространяется и на перцептивную феноменологию.

Положение феноменологии познания и категориального восприятия в работах Бейна оказывается разным из-за отличий в репрезентационном содержании познания и категориального восприятия соответственно. У пациентов с ассоциативной агнозией и здоровых людей имеется разница в репрезентационном содержании состояний сознания при наблюдении одних и тех же объектов. Бейн предполагает, что эти различия обязаны сопровождаться несовпадением и феноменального содержания. Свойства категориального восприятия образуют целое с высокоуровневой частью репрезентации, и в репрезентации есть определенное «место» для этих свойств. Предъявление этого места в структуре интенционального содержания с помощью аргумента от контраста автоматически вызывает провал возражения от совпадающего содержания. С другой стороны, Бейн и Макклиланд считают интенциональное содержание познания и восприятия одинаковым, что и приводит к их возражению. По мнению Бейна и Монтегю, в поддержку феноменологии познания убедительный аргумент от контраста сформулировать не удастся – и это естественно, если интенциональное содержание суждений дублирует содержание восприятия. Похоже, если принять взгляд Бейна

на феноменальное сознание и выражение мысли в сознании, в интенциональной структуре мысли не найдется места, которое бы объединялось с проприетарными феноменальными свойствами в особую часть содержания феноменального сознания.

Следует сказать, что у сторонников когнитивной феноменологии остается возможность ответить на возражение Бейна и Макклиланда. В познавательных процессах задействованы в том числе концептуальные и пропозициональные репрезентации, и, если следовать Блоку [Block, 2023] они строго отличны от репрезентаций восприятия. Представление синей стены или формулирование суждения о наличии синей стены опирается не только на сенсорные репрезентации. Когнитивные феноменологи могли бы сопоставить феноменальные свойства с концептуальными и пропозициональными репрезентациями и получить новый домен. Это вывело бы их из-под удара возражения от совпадающего содержания.

1.3 Выводы о расширенной феноменологии

1.3.1 Общий подход по Бейну

Выше мы очерчивали общий подход к изучению дополнительных доменов феноменологии, основанный на слабом репрезентационализме в отношении феноменального сознания. Мы обращали большое внимание на работы Бейна и соавторов, поскольку они предлагают достаточно целостный подход и отчасти посвящены интересной нам феноменологии агентности. Взгляд на когнитивную феноменологию, предложенный Бейном и Монтегю, включает феноменологию мысли, сложных эмоций, эпистемических ощущений и категориального восприятия – таким образом, одно из расширений феноменологии оказывается вложенным в другое. Бейн не высказывает собственную позицию по отношению к феноменологии мысли, но выражает против нее скепсис, оформленный в совместной работе с Макклиландом в виде возражения от совпадающего содержания. Феноменологию категориального восприятия Бейн, напротив, поддерживает, и формулирует в ее пользу аргумент от контраста для ассоциативной агнозии. Возражение от совпадающего содержания и аргументы от

контраста связаны между собой. Совпадающее интенциональное содержание восприятия и мышления приводит к их феноменологической эквивалентности, если принять слабый репрезентационализм в отношении феноменального сознания. Аргументы от контраста основаны на предъявлении такой разницы между интенциональным содержанием двух состояний, что между ними возникает и разница в феноменальном содержании.

В результате на основании рассуждений Бейна вырисовывается общий подход к решению вопроса о феноменальном богатстве опыта. Пусть существует «традиционная» сенсорная феноменология. Для нас есть то, каково это – видеть цвета, чувствовать разные запахи и боль. Мы способны узнать о том, что находимся в этих феноменальных состояниях, с помощью интроспекции. Существует ли другая проприетарная феноменология, к которой у нас нет прямого интроспективного доступа? Бейн полагает, что это так: похоже, у нас есть ускользающая феноменология – множество феноменальных состояний, интроспективный доступ к которым весьма ненадежен. Разным людям сложно достичь консенсуса относительно наличия этих состояний, если они пользуются интроспекцией. Тем не менее, на помощь приходят аргументы от феноменального контраста, которые Бейн предпочитает формулировать с привлечением данных о пациентах с патологиями. Если для множества феноменальных состояний возможно сформулировать аргумент от контраста, то это служит свидетельством в пользу его существования. В обратную сторону работает возражение от совпадающего содержания. Если рассматриваемые состояния имеют то же самое интенциональное содержание, что и более надежные и компромиссные феноменальные состояния, то обсуждаемой проприетарной феноменологии не существует. Чтобы отразить возражение, нужен новый аргумент от контраста.

1.3.2 Эффективны ли аргументы от контраста?

В реконструированном нами общем подходе к расширенной феноменологии основную роль для введения новых доменов играют аргументы от контраста. Серьезной проблемой этих аргументов является не только возражение от

совпадающего содержания, но и притязание аргументов на разницу в феноменальном содержании. Пусть интенциональное содержание различается у пациентов с расстройствами восприятия и здоровых людей, но различаются ли они содержанием, на которое «нанизываются» феноменальные состояния?

На сегодня ученые не умеют точно устанавливать репрезентационное содержание ментальных состояний агента, и не знают параметров, отличающих осознанные репрезентации от неосознанных хотя бы в смысле сознания доступа. Для придания убедительности аргументам от контраста необходимы новые данные из когнитивной нейронауки, которые позволили бы описать множество репрезентаций в когнитивной архитектуре агента. Согласно слабому репрезентационализму, разница между содержанием сознания всегда обеспечивается особенностями репрезентаций. Сопоставляя параметры репрезентаций у здоровых людей, например, и пациентов со слепозрением, исследователи могли бы обнаружить различие между репрезентациями, которым приписывается феноменология, и теми, которым она не приписывается. Если бы репрезентационное содержание, улавливаемое аргументами от контраста, было, во-первых, осознанным, а во-вторых, похожим на носитель феноменальных свойств, то сторонники расширенной феноменологии могли бы подкрепить этим свою позицию.

Как могла бы выглядеть исследовательская программа для уточнения содержания феноменального сознания? По-видимому, она должна дать критерий для установления различий между осознанными и неосознанными репрезентациями, а также предложить математический аппарат для описания репрезентационного содержания как единого целого. Нечто подобное на сегодня предлагает теория интегрированной информации Дж. Тонони и коллег [Albantakis et al., 2022; Oizumi et al., 2014; Tononi, 2008]. Если мы с некоторой уверенностью будем отличать осознанные репрезентации от неосознанных, и строить «карту» осознанных репрезентаций, то мы с высокой вероятностью сможем дедуцировать, из каких модулей состоит эта карта. О таких достижениях науки нам остается

только мечтать, но, если репрезентационализм выстоит перед лицом критики, это те плоды, которых от него можно ожидать в будущем.

До сих пор мы обсуждали феноменальное сознание, ему же будет посвящен второй параграф главы. В рамках того подхода, который мы очертили, феноменальное сознание нанизано на строительные леса репрезентационного содержания. Если иллюзионизм в отношении феноменального сознания верен, аргументы от контраста смогут быть практически в неизменном виде применены к репрезентациям. Это указывает на некоторую проблематичность методологии: опираясь на функциональные элементы в виде репрезентаций, она словно теряет из рассмотрения феноменальные свойства.

§2. Существует ли феноменология агентности?

Теперь мы можем применить полученный аппарат к феноменологии агентности. Как и ранее, нас интересует, существует ли определенный домен феноменологии, но теперь он относится к агентности, совершению действий. Не исключено, что он пересекается как с высокоуровневым перцептивным содержанием, так и с когнитивной феноменологией.

Работы по феноменологии агентности Т. Бейна и Н. Леви [Bayne, 2008; Bayne, Levy, 2006], Э. Пашери [Pacherie, 2014, 2007b], Т. Метцингера [Metzinger et al., 2006] и Ш. Галлахера [Gallagher, 2012] активно задействуют эмпирические данные из области исследований моторного контроля и чувства агентности. Для наших целей изложение эмпирических открытий потребуются в ограниченных количествах, и мы все же обратимся к дискуссии о чувстве агентности, существующей в когнитивной науке. Впрочем, считать ли эту дискуссию отдельной от философской – непростой вопрос. Философы наподобие Г. Карратерса [Carruthers, 2012b] или Бейна и Пашери [Bayne, Pacherie, 2007] включаются в обсуждение моделей чувства агентности, а экспериментаторы вроде П. Хаггарда [Haggard, 2005] вовлечены в философские обсуждения осведомленности о действии, и с уважением относятся к проблематике действия, свободы воли и феноменального сознания. Так или иначе, аргументация в пользу

существования феноменологии агентности отчасти основана на эмпирических данных, и нам следует ненадолго остановиться на их обсуждении.

2.1 Чувство агентности в когнитивной науке

Вероятно, впервые термин «чувство агентности» (“sense of agency”, SoA) употребил Б. О’Шонесси [O’Shaughnessy, 1967], описывая особую осведомленность агентов о своих действиях. Во влиятельной статье 2000 года Ш. Галлахер разграничил чувство агентности и чувство обладания в отношении тела. Чувство агентности – это «чувство того, что я – тот, кто совершает или генерирует действие...» [Gallagher, 2000]. Сразу оговоримся, что существуют разные взгляды на то, соответствует ли чувству агентности какая-либо феноменология, или оно представлено только в виде суждений. Оригинальное определение Галлахера не задает точную концепцию чувства агентности, оно лишь реферирует к тому, что агенты некоторым образом различают свои действия и другие события.

В рамках экспериментальных исследований больше двух десятилетий активно развивается область изучения механизмов, ответственных за возникновение SoA, а также его неявных показателей. Помимо работы чувства агентности в обычных условиях изучаются произвольные движения, которые используются как для построения моделей чувства агентности, так и для формулирования аргументов от контраста в пользу существования феноменологии агентности. Важные сведения о чувстве агентности нам дали работы нейропсихиатров и психологов, занимающихся изучением действий у людей с психическими патологиями. Как правило, такие действия фиксируются у пациентов, получивших повреждения мозга. В прошлой главе мы рассмотрели движения пациентов с синдромом анархической руки – серьезным нарушением работы чувства агентности. Также чувство агентности расстроено у пациентов с шизофренией [Haggard et al., 2003; Voss et al., 2010], которые склонны к отчуждению своих действий.

2.1.1 Чувство агентности и стимуляция движений

Электрическая стимуляция моторной коры стала важной вехой в нейрофизиологии движения. Одним из вопросов теории действия, который затронули исследования моторной коры, является вопрос о разнице между намеренными и ненамеренными движениями. Пусть стимуляция способна вызывать движения, но как их воспринимают и объясняют испытуемые? В отличие от собаки или макаки, люди могут дать словесный отчет о том, как переживается стимуляция моторной коры. У. Пенфилд узнал, что испытуемые не считают индуцированные стимуляцией движения произвольными, не присваивают себе авторство в отношении этих действий [Penfield, 1958]. Однако, Пенфилд стимулировал только поверхность моторной коры, и некоторые результаты от него ускользнули.

В эксцентричной книге 1969 года «Физический контроль над разумом: путь к психоцивилизованному обществу» [Delgado, 1969] Х. Дельгадо сообщил, что стимуляция с помощью глубоко имплантированных электродов может побуждать человека совершать произвольные движения, такие, что он полагает их своими собственными. Один из пациентов поворачивал голову после стимуляции, и объяснял свое поведение тем, что ищет тапочки, или слышал шум. Подобный эффект был воспроизведен в работе М. Демюрже и коллег 2009 года [Desmurget et al., 2009], где действия вызывались посредством электрической стимуляции теменной коры у пациентов с эпилепсией во время операции. Пациенты утверждали, что у них появлялось желание совершить определенное действие: например, пошевелить рукой, губами или языком.

Примечательно, что в свое время Дельгадо не стал интерпретировать полученные результаты как свидетельство против существования свободы воли. В книге он пишет, что «не собирается ввязываться в спорные вопросы причинности и детерминации свободного поведения» [Delgado, 1969, p. 118]. Дельгадо также предполагает, что электрическая стимуляция способна задействовать имеющиеся механизмы мозга для совершения движения лишь «подобно тому, как это делает

воля» [Delgado, 1969, p. 91]. В представлении Дельгадо роль ментальных состояний заключается в том, чтобы активировать готовые автоматические механизмы, развивающиеся у человека в течение жизни.

2.1.2 Модели чувства агентности

На рубеже XX и XXI века появились две нейрокогнитивные модели, объясняющие механизмы возникновения чувства агентности. Первая – более физиологическая – модель была разработана К. Фритом и коллегами и получила название компараторной [Frith, 1992; Frith et al., 2000a]. Компараторная модель утверждает, что чувство агентности опирается на нейронные механизмы сравнения между предсказанным сенсорным результатом действия и реальными сенсорными сигналами. Предсказание последствий движения на основе заданной моторной команды рассчитывает гипотетическая специализированная система – форвард-модель. Например, когда человек сжимает пальцы в кулак, мозг заранее вычисляет, как будет распределено напряжение в пальцах и, если действие пройдет в соответствии с предсказанием, сенсорные сигналы совпадут с рассчитанными, и действие – сжатие кулака – будет восприниматься человеком как свое. В результате агент оказывается непосредственно осведомлен об источнике действия и на основании этого формулирует явные суждения. Работа форвард-модели обычно описывается для проприоцептивного результата движения, но эксперименты с искажением зрительного результата движения [Daprati et al., 1997] показали, что для возникновения чувства агентности важно и совпадение зрительных результатов движения с предсказанными.

Важно, что сенсорные последствия произвольных движений приглушаются – данный феномен называется сенсорной аттенуацией. Например, из-за предсказуемости произвольных движений мы не можем пощекотать себя [Blakemore et al., 2000]. Слуховой стимул, сгенерированный произвольным движением, также воспринимается испытуемыми как менее громкий [Desantis et al., 2012]. У пациентов с шизофренией бывает слабее выражена сенсорная аттенуация [Frith et al., 2000a; Shergill et al., 2005], и вместе с этим они могут не

чувствовать контроля над своими движениями [Frith et al., 2000b]. Такие пациенты способны сами себя пощекотать [Blakemore et al., 2000]: касания кажутся им непредсказуемыми.

Главным конкурентом компараторной модели стала нарративная модель [Graham, Stephens, 1994; Wegner, 2002; Wegner, Wheatley, 1999], согласно которой человек приписывает действия себе, когда это согласуется с его внутренним нарративом. Этот нарратив строится мозгом на основании многочисленных источников информации о мире. В нарративной модели чувство агентности возникает в результате логического вывода (“inference”), а не благодаря простому механизму сравнения сенсорных данных. В пользу корректности этой модели говорят результаты, которые мы рассмотрели в прошлой главе. Пусть они не опровергают наших представлений о действии, они все же приводят к ценным заключениям о чувстве агентности. На распространение нарративной модели оказал влияние эксперимент Д. Вегнера и Т. Уитли [Wegner, Wheatley, 1999], которые показали, что испытуемого возможно обмануть, так что он припишет себе событие, которое он не контролировал. Исследования М. Газзанига на пациентах с рассеченным мозолистым телом также привели его к версии нарративной модели [Gazzaniga, 2011] – пациенты с расщепленным мозгом объясняют и присваивают действия, которые контролирует правое полушарие, а не речевое левое. Как ни странно, вынесение суждений о собственных действиях Дж. Грэм и Л. Стиффенс называют «чувством агентности» [Graham, Stephens, 1994, p. 100]. В итоге термин «чувство агентности» может указывать как на некоторую непосредственную осведомленность, так и на суждения агентов.

Впоследствии две модели SoA были объединены в рамках единого двухуровневого подхода, который независимо предложили Бейн и Пашери [Baune, Pacherie, 2007] и Синофзик и коллеги [Synofzik et al., 2008]. В двухуровневом подходе компараторная модель описывает работу низкоуровневого «ощущения агентности» или непосредственного опыта агента при совершении действий. Нарративная модель в свою очередь связана с высокоуровневыми суждениями об

агентности. В совокупности эти два уровня Бейн и Пашери называют агентной самоосведомленностью (“agentive self-awareness”), а Синофзик и коллеги – чувством агентности. Согласно Google Scholar [Google Scholar], статья Синофзика и коллег цитируется более чем в пять раз чаще. В литературе закрепилось именно их разделение, где чувство агентности представлено в виде ощущения агентности и суждений об агентности.

Помимо двухуровневого подхода, со временем возникло несколько вариантов модели интеграции сигналов, предложенных Муром и коллегами и Синофзиком и коллегами [Moore et al., 2009; Moore, Fletcher, 2012; Synofzik et al., 2013]. Они переосмысливают компараторную модель, допуская дополнительное влияние убеждений агента или других факторов на ощущение агентности. В какой степени высокоуровневые установки агентов влияют на непосредственную осведомленность агентов – до сих пор не решенный вопрос. Например, Г. Карратерс считает свидетельства об этом влиянии недостаточными [Carruthers, 2012b], и вовсе обвиняет модель интеграции сигналов в нефальсифицируемости. Пожалуй, его замечание вполне уместно: эта модель совершенно всеядна и просто построена на суммировании вклада из разных источников, которые могут быть сколь угодно разнообразны.

Предложенная Карратерсом [Carruthers, 2015] метакогнитивная модель (см. также [Chambon et al., 2014; Wenke et al., 2010]) сопоставляет чувство агентности с работой метакогнитивных систем, которые следят за гладкостью переходов между движениями и соответствием результатов движений. Под «метакогнитивностью» в модели имеется в виду некий когнитивный процесс, который управляет или репрезентирует другой когнитивный процесс [Flavell, 1979]. Упомянем также Галлахера и Д. Захави [Gallagher, Zahavi, 2007, p. 166] выделяют более старые интенциональные модели, объясняющее чувство агентности через совпадение между намерением (не предсказанием форвард-модели) и результатом действия [Chaminade, Decety, 2002; Farrer, Frith, 2002].

Напоследок остановимся на чувстве агентности в отношении ментальных действий. Как это часто случается, ментальные действия редко попадают в поле зрения исследователей, в первую очередь из-за сложности их экспериментального изучения. Карратерс предложил [Carruthers, 2012a] метакогнитивную модель чувства агентности в отношении мыслей, которая во многом похожа метакогнитивную модель для телесных действий. Модель предполагает, что у здоровых людей есть осведомленность о контроле над потоком мыслей, но у пациентов с шизофренией (и другими расстройствами) она нарушена. Пациенты с шизофренией иногда переживают «вкладывание мыслей» (“thought insertion”) и «отнятия мыслей» (“thought withdrawal”) [Frith, 1992; Mullins, Spence, 2003], что может напоминать симптомы, связанные с контролем над движениями.

Совершенствование моделей чувства агентности – техническая задача, и заниматься мы ей не будем. Наибольший интерес для нас представляет ощущение агентности, которое является одной из колонн дискуссии о феноменологии агентности.

2.1.3 Что такое ощущение агентности?

Однако, что именно следует понимать под «ощущением агентности» (“feeling of agency”, FoA), противопоставленным «суждениям об агентности» (“judgment of agency”, JoA)? Казалось бы, факт особой представленности собственного действия в репрезентационном содержании сознания еще не значит, у нас есть проприетарная феноменология агентности. Впрочем, в работе Бейна и Пашери под опытом агентности имеется в виду именно это. Как мы увидим далее, Бейн является открытым сторонником наличия особых феноменальных состояний, связанных с агентностью, и активно привлекает работу компараторов в качестве источника феноменологии агентности. С другой стороны, Синофзик и коллеги пишут, что низкоуровневые механизмы распознавания действия «структурируют» (“frame”) содержание феноменального сознания [Synofzik et al., 2008, p. 227]. В более поздней работе Синофзик и соавторы определяют ощущение агентности как «неконцептуальную автоматическую регистрацию того, агент ли я [в некоторой

ситуации] или нет» [Synofzik et al., 2013]. Является ли такое введение термина неудачным? Возможно, в составе термина «ощущение агентности» слово «ощущение» (“feeling”) должно пониматься не в его основном смысле. Согласно Оксфордскому словарю [OED, 2009], у слова “feeling” есть подходящее значение. Среди прочего, “feeling” – это «интуитивное познание или убеждение, не требующее и не принимающее доказательства».

Несоответствие между значением слова «ощущение», относящимся к восприятию, и значением, подразумеваемым Синофзиком и коллегами, привело к случаям неаккуратного использования термина «ощущение агентности» в литературе. Критикуя «гипотезу о существовании ощущения агентности» и поначалу ссылаясь на Синофзика и коллег, Т. Грюнбаум [Grünbaum, 2015] переходит к критике концепции Бейна и Пашери, которая предполагает наличие проприетарной феноменологии агентности. Хаггард и М. Цакирис описывают ощущение агентности как «субъективный опыт плавного контроля над действием» [Haggard, Tsakiris, 2009, p. 243]. С. Кюн и коллеги пишут, что ощущение агентности – это «субъективное ощущение контроля, сопровождающее чьи-либо действия даже в отсутствие осознанной осведомленности...» [Kühn et al., 2013, p. 1935]. Во многих случаях, наконец, не всегда понятно, что авторы имеют в виду под ощущением: например, Десантис и коллеги определяют ощущение агентности как «ощущение того, что я являюсь агентом действия» [Desantis et al., 2011, p. 1211].

В большинстве работ утверждения об ощущении агентности не конкретизируются: авторы часто удовлетворяются представлением о выраженности чувства агентности в репрезентационном содержании сознания. Как конкретно оно выражается – вторичный вопрос для большинства экспериментальных исследований. Тем не менее, если мы интересуемся именно содержанием сознания, нам важно, как именно реализовано FoA. В литературе бытует две позиции, согласно которым существует низкоуровневый вариант чувства агентности:

Ph-позиция (от слова “phenomenal” – феноменальный) – существует особая часть феноменального содержания сознания, связанная с совершением действий.

Согласно Ph-позиции, существует домен проприетарной феноменологии агентности – то, что интересует нас в данной главе.

Fr-позиция (от слова “frame” – рамка) – существует особая структура репрезентационного содержания сознания, связанного с совершением действий.

Эта позиция, реконструируемая на основании статьи Синофзика и коллег, не предполагает особых феноменальных свойств и отдельного репрезентационного содержания, относящегося к FoA. Вместо этого у агента, например, может уменьшаться острота тактильных и других ощущений, когда он совершает движение. Происходит это потому, что сенсорные результаты произвольного движения воспринимаются агентом как более предсказуемые [Blakemore et al., 2000] – и данный феномен объясняет та самая компараторная модель. Аргументы, приводимые Синофзиком и коллегами, основаны на экспериментальных данных. Работа компараторов или систем, интегрирующих сигналы в разных модальностях, позволяет агентам отличать результаты своих действий от других событий. Этот процесс происходит быстрее, чем формулирование суждений, и опирается на простые системы, функционирующие без концептуальных представлений агента.

Две очерченные позиции по-разному высказываются о репрезентационном содержании ощущения агентности. Выше мы видели, что введение FoA как компонента SoA было связано с развитием нейрокогнитивных моделей SoA. Вместе с тем в экспериментальных исследованиях SoA со временем возникла важная гипотеза, имеющая большое значение для представлений об ощущении агентности. Согласно этой гипотезе, проявление ощущения агентности может сопровождаться отрицательными суждениями об агентности, то есть FoA и JoA могут диссоциировать. Далее мы обратимся к истокам данной гипотезы и

рассмотрим ее совместимость с Ph- и Fr-позицией. Позволяют ли экспериментальные данные отвергнуть одну из них?

2.1.4 Ощущение без суждений

Наиболее известным из предположительных неявных коррелятов чувства агентности является интенциональное связывание (“intentional binding”) – феномен взаимного сближения во времени действия и следующего за ним результата в восприятии агента. Хаггард и коллеги показали [Haggard et al., 2002], что при произвольном нажатии на клавишу испытуемые склонны воспринимать момент совершения действия как более поздний, а следующий за ним момент подачи звукового сигнала – как более ранний, чем на самом деле. Эффект сближения событий сопровождал произвольные движения, но не движения, совершенные в результате транскраниальной магнитной стимуляции. В результате Хаггард и коллеги предположили корреляцию интенционального связывания с чувством агентности.

Если интенциональное связывание отражает наличие чувства агентности, не значит ли это, что сжатие временного интервала должно сопровождаться утвердительными суждениями об агентности? Существует набор работ, где проводилось качественное сопоставление между одним и другим событиями или даже вычислялась корреляция: часть из этих работ утверждает о совпадении интенционального связывания и JoA [Ebert, Wegner, 2010; Imaizumi, Tanno, 2019; Ryasik et al., 2018], но другая часть заявляет об их несоответствии [Dewey, Knoblich, 2014; Saito et al., 2015; Suzuki et al., 2019]. Несовпадение между интенциональным связыванием и JoA интерпретируется по-разному от автора к автору. Согласно первой версии, интенциональное связывание попросту не является показателем чувства агентности [Suzuki et al., 2019]. Согласно второй версии, полученные результаты свидетельствуют о возможном наличии FoA в отсутствие JoA [Dewey, Knoblich, 2014; Saito et al., 2015] – иногда мы ощущаем действия своими, но в суждениях отрицаем это. Выше мы увидели, что слово «ощущаем» может иметь по

крайней мере два значения в контексте FoA. Способны ли Ph и Fr-позиция обеспечить возможность диссоциации?

Рассмотрим пример ситуации, в которой заявляется о диссоциации между FoA и JoA. В работе Дж Дьюи и Г. Кноблиха [Dewey, Knoblich, 2014] испытуемые нажимали на клавишу, вызывая звук через случайный отрезок времени: 200, 400 или 1200 мс. Суждения испытуемых о том, контролировали ли они звук, не коррелировали с неявными показателями SoA, которые мы будем признавать подлинными. Для начала упомянем одно из возможных объяснений. Не исключено, что испытуемые знали о своем ощущении агентности, но полагали его обманчивым, опираясь на другие источники информации. Согласно этому варианту, диссоциация между FoA и JoA возникает только лишь из-за недоверия испытуемых к своим ощущениям во время выполнения задачи. Однако, раз авторы не сообщают о таком феномене, мы будем иметь дело с другим объяснением: у испытуемых проявляется ощущение агентности, но они не осведомлены об этом, вынося суждения на других основаниях.

Начнем с попыток объяснения этого результата в рамках Ph-позиции. В концепции Бейна FoA вполне может выражаться без возможности сформулировать соответствующее JoA, поскольку опыт агентности является интроспективно ускользающим [Bayne, 2015]. Н. Блок, различивший феноменальное сознание и сознание доступа, предполагает возможность подобных случаев диссоциации и называет их «феноменальным переполнением» (“phenomenal overflow”) [Block, 2007]. Если принять Ph-позицию, диссоциация между FoA и JoA возможна постольку, поскольку у нас могут быть целые домены феноменальных состояний, ускользающих от интроспекции.

Перейдем к Fr-позиции. Сторонникам Fr-позиции придется сказать, что агент иногда неспособен опознать особую «деятельную» структуру репрезентационного содержания. Агенту будут доступны чувственные данные – зрительные, тактильные и другие ощущения, но он будет слеп в отношении того, как именно они представлены в опыте. Даже если он осознает, например, что ощущения

предсказуемы, он все равно не поймет, что они даются ему так, будто он вызывает их своими действиями. По-видимому, возможность доступа к репрезентационному содержанию при неясности структуры содержания воссоздается не так просто, как простое отсутствие доступа к части репрезентационного сознания. Для обеспечения подобной ситуации требуется введение некой репрезентации второго порядка, содержание которой оказывается частично недоступным для агента. Такой ход, однако, лишает Fr-позицию своей простоты. Если ощущение агентности реализовано через особую представленность ощущений в основных модальностях, оно должно быть непосредственно дано вместе с этими ощущениями, доступно для формулирования суждений.

Похоже, Ph-позиция более восприимчива к гипотетической диссоциации FoA и JoA. Это заключение имеет двоякое значение. С одной стороны, защита Fr-позиции становится более сложной, если согласиться с интерпретацией экспериментальных данных авторами, пишущими о проявлении FoA без JoA. С другой стороны, доводы в пользу Fr-позиции потенциально способны противодействовать этой гипотезе и склонять исследователей к другим объяснениям результатов из области изучения неявных коррелятов чувства агентности.

2.1.5 Что показывают эмпирические результаты?

На данный момент как Ph-позиция, так и Fr-позиция представляются возможными. Данные о FoA не дают достаточного подспорья сторонникам существования феноменологии агентности, но все же хорошо совместимы с Ph-позицией. Однако, эксперименты показывают, что чувство агентности не сводится к одним лишь суждениям об агентности. Произвольные движения сопровождаются аттенуацией сенсорных результатов движения, которая напрямую связана с моторным контролем. Эксперименты по изучению интенционального связывания показывают, что при совершении произвольных движений искажается восприятие испытуемыми как времени [Engbert et al., 2008; Haggard et al., 2002], так и пространства [Kirsch et al., 2016; Yashin et al., 2022]. Присвоение действия – это не

просто дополнительная к опыту умственная операция. «Юмеанская» стратегия [Baune, 2008, p. 184], которая упоминалась во введении к данной главе, не может претендовать на то, что действие не представлено в репрезентационном содержании, но защитникам феноменологии агентности нужно еще успешно показать, что действию соответствует набор проприетарных феноменальных состояний. Но что же это за состояния? Каким содержанием вообще может обладать проприетарная феноменология агентности?

2.2 Содержание феноменологии агентности

Взглянем на богатое содержание феноменального сознания, которое предлагают разные авторы. Вдобавок к сенсорной феноменологии мы получили высокоуровневую феноменологию восприятия и когнитивную феноменологию. Теперь нам предстоит разместить в содержании феноменологию агентности, но не слишком ли там тесно? Нас интересует набор проприетарных феноменальных состояний, связанных с чувством агентности. Как мы увидели ранее, в современной литературе принято различать ощущение агентности и суждения об агентности. С гипотетической феноменологией суждений об агентности разобраться достаточно просто: она относится к когнитивной феноменологии, а конкретно к феноменологии мышления. Заметим, что против нее в той же мере работает возражение от совпадающего содержания: если суждения об агентности имеют феноменальный характер, он неотличим от характера ощущения агентности, если верен репрезентационализм.

Так, мы остались наедине с ощущением агентности – непосредственной осведомленностью о действии. Связанные с ней феноменальные состояния мы и будем называть феноменологией агентности. Какие варианты ее реализации предложены в литературе? Позиции различаются в зависимости от ответов на набор вопросов. Итак, если существует проприетарная феноменология агентности, то:

1. Различается ли она для собственных действий агента и чужих действий? Может ли быть так, что мы по-особенному воспринимаем действия, но не только свои?

2. Соответствует ли феноменологии агентности свой собственный домен, или она дополняет феноменологию в сенсорной модальности, как в случае категориального восприятия?

3. Не является ли феноменология агентности феноменологией каузальности, причинной связи между намерением и действием?

4. В какой степени феноменология ощущения агентности пересекается с когнитивной феноменологией?

Далее мы рассмотрим позиции, возникающие в зависимости от ответов на эти вопросы.

2.2.1 Агентность от первого и от третьего лица

В литературе представлена точка зрения, согласно которой свои и чужие действия воспринимаются агентами одинаково. В работе 2004 года М. Дженнерод и Пашери пишут, что люди непосредственно осведомлены о «голых намерениях» и движениях, и только приписывают некоторые действия себе [Jeannerod, Pacherie, 2004]. Если агент наблюдает за чужим движением, мозг проводит имплицитную моторную симуляцию этого движения, что приводит к возникновению аналогичной представленности движения в сознании. Это утверждение отсылает к теории моторной симуляции Дженнерода [Jeannerod, 2001, 1994], которую нам еще предстоит изучить подробнее в следующей главе. Согласно этой теории, при совершении движений, их кинестетическом представлении, а также при наблюдении за ними используется одна и та же моторная репрезентация – закодированный план движения. Ментальные состояния, сопровождающие действия, не различаются для своих и чужих движений, но отдельный механизм атрибуции движений присваивает его самому агенту или кому-то еще.

В пользу аналогичности репрезентаций собственных движений и движений другого агента предположительно говорит и социальный [Sebanz et al., 2003]

эффект Саймона [Simon, Wolf, 1963]. В задаче Саймона испытуемому предлагают отвечать на два типа стимулов нажатием клавиши левой или правой рукой, притом тип клавиши привязан к типу стимула. Если упростить задачу и попросить испытуемого отвечать только на один тип стимула, его время реакции на стимул сократится по сравнению с временем реакции той же рукой в изначальной задаче. В социальной задаче Саймона к испытуемому подсаживается партнер, который выполняет задачу вместе с ним. Если нажатие клавиши в ответ на второй стимул передать партнеру, время реакции испытуемого на его собственный стимул вновь увеличится по сравнению с условием, где он реагирует на один стимул. Н. Себанц и коллеги объясняют этот результат тем, что при наблюдении действий другого агента у испытуемых активизируется репрезентация чужого действия, которая интерферирует с репрезентацией их собственного действия. Словом, выполняя задачу с партнером, испытуемый будто снова отвечает на оба стимула. Примечательно, что социальный эффект Саймона воспроизводится при выполнении задачи с антропоморфным роботом [Stenzel et al., 2012], но не воспроизводится, если партнером является неантропоморфная машина [Sahaï et al., 2019].

Начнем со взгляда Дженнерода и Пашери. Из чего же они делают вывод о том, что свои и чужие действия воспринимаются одинаково? Н. Георгиефф и Дженнерод [Georgieff, Jeannerod, 1998] предлагают двухуровневую систему как наилучшее объяснение возможности неверной атрибуции действия у пациентов с шизофренией. На первом уровне агент репрезентирует все движения одинаково. На втором уровне специальная «кто-система» (“who-system”) определяет автора движения, и именно эта система поражена у пациентов. Вариант, который предлагает Дженнерод и соавторы, нельзя исключить, но он основан на более старом представлении об источнике чувства агентности, и предпочитает нарративную модель, основанную на суждениях. На сегодня мы понимаем, что у пациентов с шизофренией нарушена работа компараторной системы [Daprati et al., 1997; Haggard et al., 2003], которая служит основным источником чувства

агентности у здоровых людей. Быть может, для пациентов действительно нет феноменальной разницы между их действиями и действиями других, и это отчасти объясняет симптоматику, но такая разница может иметься у здоровых людей. Вероятно, при нарушениях ощущения агентности пациенты опираются по большей части на суждения об агентности.

Заключение Дженнерода и Пашери нелегко примирить с более ранними соображениями Дженнерода о том, что моторные репрезентации оказываются осознанными только при намеренном представлении движения [Jeannerod, 1994], но не при их совершении или наблюдении. Осознание моторных особенностей движения при представлении предположительно обеспечивает их пользу при реабилитации пациентов с неврологическими расстройствами [Jackson et al., 2001]. Если моторные репрезентации не осознаются при наблюдении за чужими движениями или при совершении своих, то места для проприетарной феноменологии просто не остается – движения приписываются агентам, но не осознаются отлично от других событий. То же самое мы можем сказать и про социальный эффект Саймона. Он показывает, что движения иначе обрабатываются моторными механизмами мозга, но не показывает, что чужие движения осознанно воспринимаются, как собственные движения агента. Вероятно, движениям соответствует другое репрезентационное содержание, связанные с их особой категоризацией, но в пользу этого должны быть выдвинуты отдельные аргументы.

Помимо феноменологии агентности от третьего лица, нам стоило бы упомянуть феноменологию совместной агентности, которую анализирует Пашери [Pacherie, 2014]. Пашери считает, что при совершении совместных действий у агентов появляется новая «мы-идентичность», и каждый из агентов по отдельности переживает действие так, будто оно совершается этим виртуальным агентом. Мы-идентичность сменяет агентности отдельных индивидов в совместном действии и возникает с большей вероятностью, если во время деятельности агенту сложно отделить собственные операции от операций партнера. М. Салмела и М. Нагацу [Salmela, Nagatsu, 2017] развивают концепцию Пашери, встраивая в нее

возможность образования мы-идентичности без потери индивидуальной агентности.

Пашери постулирует возможность мы-идентичности на основании данных о спонтанной координации агентов и представлении о ко-репрезентации (совместной репрезентации) ими их задачи [Knoblich et al., 2011]. Кроме того, она обращается к теориям чувства агентности, которые опираются на механизмы сравнения между сенсорными предсказаниями и результатами действия. При совместных действиях агент ожидает определенных операций от партнера, и считывает различные сигналы с его стороны, которые в свою очередь тоже сравниваются с неосознанными предсказаниями. По-видимому, чужие действия действительно влияют на чувство агентности: интенциональное связывание возникает в отношении действий партнера при совместной деятельности двух людей [Grynszpan et al., 2019; Obhi, Hall, 2011] и аналогично эффекту Саймона исчезает при замене партнера-человека на машину.

Интенциональное связывание в большей степени сопряжено с ощущением агентности, чем отдельные моторные репрезентации или особенности восприятия, приводящие к социальному эффекту Саймона. Тем временем, остается достаточно вероятным, что интенциональное связывание в большинстве проявлений отражает предсказуемость событий. Методики, которыми пользовались исследователи связывания при совместных действиях, являются достаточно спорными в плане разделения произвольности и предсказуемости действий [Tanaka et al., 2019]. Более чем правдоподобно, что люди намного лучше различают намерения и предсказывают движения других людей, что облегчает координацию при совместных действиях. Переходят ли эти эффекты упрощенной координации и высокой предсказуемости в образование некой новой идентичности? Для решения этого вопроса были бы полезны более устойчивые корреляты ощущения агентности и исследования репрезентационного содержания во время гипотетического появления мы-идентичности. Идея некоего «большого» многосоставного агента выглядит притягательной: она хорошо совмещается с

существованием коллективных идентичностей разного порядка. Тем не менее, для особой феноменологии совместного действия требуется низкоуровневая представленность мы-идентичности в репрезентационном содержании, соответствующем действиям. Эта представленность не выглядит особенно вероятной: ниже мы еще обсудим, что в содержании стандартной феноменологии агентности, по-видимому, не представлен автор действия.

Подытожим: вполне вероятно, что существует отдельное репрезентационное содержание и даже феноменология, связанные с восприятием любых намеренных движений – будь то движений самого агента или других лиц. Также не невероятно, что при совершении совместных действий агент особенным образом воспринимает операции партнера – они приближены к его собственным действиям, поскольку вместе они подчинены общим намерениям и подвергаются тонкой координации. Было бы странным утверждать, что феноменология агентности от первого лица исчерпывается этим содержанием. Если все указанное содержание имеет место, то агент воспринимает свои движения как действия как таковые, и как активность, подчиненную его намерению. Последнее не отличает движения агента от движений партнера, покуда они подчинены одним намерениям.

Тем не менее, есть основания утверждать, что феноменология агентности от первого лица (или по крайней мере ее репрезентационное содержание) вовлекает сенсорные данные – например, кинестетические. Их вовлечение может быть прямым, так, содержание феноменологии агентности отчасти окажется сенсорным. Вовлечение может быть и косвенным, так, часть содержания феноменологии агентности будет зависеть от отдельных видов сенсорных данных. Несмотря на сложные построения с интеграцией сигналов, ощущение агентности в первую очередь опирается на определенную версию компараторной модели. При восприятии движений другого агента у нас в мозге происходит моторная симуляция, предсказываются результаты движения и многое другое, но все это происходит в отсутствие эфферентной команды к движению. Иначе говоря, если мы действуем сами, это неизбежно вовлекает механизмы, которые работают

вхолостую при наблюдении за чужими действиями, и ощущение агентности опирается на полноценную работу этих механизмов.

2.2.2 Агентность и сенсорные модальности

Не исключено, что феноменология агентности от первого лица связана с сенсорной феноменологией. Зададим себе прямой вопрос: а не является ли первое подвидом второго? Быть может, «деятельное» феноменальное содержание – это просто совокупность кинестетических, проприоцептивных или зрительных переживаний? Сейчас мы еще не обращаемся к вопросу о совпадении содержания, как в случае когнитивной феноменологии – мы предполагаем, что опыт агентности имеет некое специфическое содержание, но пытаемся разместить его в обыкновенных чувственных модальностях.

Называя такой подход редуктивным, М. Милопулос рассматривает [Myloroulos, 2015] вопрос совпадения агентной осведомленности с сенсорным опытом в определенной модальности. Она пишет именно об осведомленности, а не о феноменологии агентности, но приводимые ей соображения в той же степени относятся и к феноменальному содержанию, если мы исходим из слабого репрезентационализма. Позицию, согласно которой опыт агентности выражен в одной из модальностей, она приписывает К. Фриту с его компараторной моделью [Frith, 2007] и Дж. Принцу [Prinz, 2007]. Фрит считает, что опыт агентности сводится к различию между переживаниями при сенсорной аттенуации и без нее – если сенсорные результаты приглушаются, агент формулирует суждение о том, что движение он совершил сам. Милопулос не упоминает о еще одном важном для Фрита свойстве опыта агентности: когда агент действует сам, у него искажается восприятие времени между движением и его результатом [Frith, 2007, p. 153]. Это происходит из-за интенционального связывания, которое мы уже упоминали выше. Таким образом, дело не только в проприоцептивном приглушении движения, но и ментальной хронометрии – и это делает позицию Фрита несколько более сложной. Тем не менее, позиция, которую Милопулос приписывает Фриту, не так далека от его взглядов.

Критикуя Фрита, Милопулос обращается к эксперименту Десантис и коллег [Desantis et al., 2012], в котором испытуемые воспринимали звук как более приглушенный, если считали, что вызывают его. Экспериментатор сообщал испытуемым, что в части проб звук будет генерироваться не ими, но на деле испытуемые всегда вызывали звук нажатием клавиши. Милопулос считает, что если на сенсорную аттенуацию влияют убеждения агента, то аттенуация зависит от чувства агентности, но не реализует опыт агентности. Это возражение хорошо сработало бы против компараторной модели, но оно выглядит слабее в контексте более современных моделей интеграции сигналов. Новые модели допускают когнитивное проникание (“cognitive penetration”) опыта агентности. На сегодня сложно исключать, что убеждение испытуемого в наличии связи между его действием и сигналом не влияет на его опыт [Synofzik et al., 2013; Vosgerau, Synofzik, 2012] – и несогласие с этим утверждением относится к критике моделей интеграции сигналов. В некотором смысле модель интеграции сигналов всеядна: едва ли можно придумать эмпирический результат, который она не смогла бы вобрать в себя. Впрочем, если бы некто полагал проприоцептивным опытом результат интеграции сигналов, ему бы можно было возразить, что проприоцепция работает не настолько сложным образом.

В свою очередь Принц считает, что в качестве опыта агентности переживается предсказание форвард-модели, которое затем сравнивается с проприоцептивными последствиями движения. В случае произвольных движений (например, движений Пенфилда) этого предсказания просто не будет. Любопытна одна техническая деталь модели Принца: он полагает, что форвард-модель осознается за несколько миллисекунд до движения [Prinz, 2007, p. 342], и движение воспринимается нами после этого. Не совсем ясно, на основании чего Принц считает, что форвард-модель вовсе не осознается: он мог бы сопоставить опыт агентности с выходом компараторов, но выбирает крайне спорное утверждение. Как мы видели выше, Дженнерод замечает, что при совершении движения мы не осознаем моторную репрезентацию. Осознаем ли мы

эфферентную команду и предсказание форвард-модели на несколько миллисекунд? Сложно представить себе аргумент, который обнаружил бы такое репрезентационное содержание.

Милопулос полагает, что модель опыта агентности Принца неверно описывает неудавшиеся действия. Когда у агента не выходит сделать запланированное движение, он вовсе не переживает предсказание форвард-модели в качестве сенсорного опыта, а сразу ощущает, будто что-то пошло не так. По-видимому, это утверждение соответствует действительности, по крайней мере такой вывод делает Дж. Шепард на основании переживаний парализованных пациентов [Shepherd, 2016]. Впрочем, напомним: Принц считает, что образ подготовленного действия осознается в течение нескольких миллисекунд и не поддается интроспективному наблюдению. Кажется, критика Милопулос недостаточна. Нам стоит обратиться не к неудачным движениям, а к движениям пациентов с деафферентацией. У таких пациентов нет проприоцептивных переживаний – если они не видят, где находятся их конечности, они не понимают их положение. Принц считает, что действия пациентов с деафферентацией показывают, как зрение может накладываться на ощущение форвард-модели, что не приводит к рассогласованию. Но что будет, если движение пациента не подтверждается никакой обратной связью? Лафарг и коллеги замечают, что их пациент не смог описать переживания при совершении движений с завязанными глазами [Lafargue et al., 2003]. Подобный тезис стоило бы подтвердить большей выборкой, но неужели при совершении движения в условиях полной сенсорной депривации пациент будет осознавать предсказание результата движения? Данное предположение кажется весьма неправдоподобным.

Против перевода феноменологии агентности в сенсорную плоскость говорит и переживание ментальных действий, о которых, как и в других ветвях дискуссии, вспоминает малая часть авторов. Принц пишет о представлении движений, но ментальные действия включают и не моторные примеры вроде счета в уме или перевода внимания. Если не предпринимать сложной попытки доказательства того,

что все ментальные действия сопровождаются разнообразным сенсорным содержанием, или не являются действиями, то наличие ментальных действий может показывать самостоятельность феноменологии агентности. В результате нам следовало бы заключить, что, если проприетарная феноменология агентности и существует, она не является сенсорной, хотя проприоцептивная и визуальная обратная связь важны для ее возникновения. Впрочем, рассуждая о сенсорном содержании, мы упускали более высокоуровневое содержание восприятия, в частности, каузальное восприятие.

2.2.3 Агентность и каузальное восприятие

Со времен экспериментов А. Мишотта [Michotte, 1946] новую остроту получил вопрос о возможности восприятия каузальности. В одном из экспериментов Мишотт предъявлял испытуемым два равных квадрата: красный и зеленый. Зеленый квадрат двигался с конца экрана, касался неподвижного красного квадрата и останавливался, а красный квадрат начинал движение и улетал к другому краю экрана. Большинство испытуемых утверждало, что зеленый квадрат был причиной движения красного квадрата. Если взаимодействие происходило несколько иначе — например, если между остановкой одного квадрата и отправкой другого вводилась задержка — испытуемые воздерживались от каузальных описаний взаимодействия. Мишотт назвал свое открытие «эффектом запуска» — за десятки лет о нем накопилась обильная литература [Rips, 2011], и сегодня он часто называется «каузальным восприятием».

Известны и другие эффекты, получаемые с использованием простых фигур: например, возможно вызвать у испытуемого стойкое ощущение, что один квадрат тянет за собой другой [White, Milne, 1997]. Заметим, что каузальное восприятие имеет отношение к конкретным типам механических взаимодействий, а не к каузальности вообще. Часто люди выводят наличие каузальной связи: мы выводим, а не «видим», что вирус гриппа вызывает одноименное заболевание. Если у агента активируется каузальное восприятие при наблюдении механических

взаимодействий объектов, это еще не значит, что такая связь имеет место – восприятие подвержено иллюзиям, как и в случае цвета или движения объекта.

Для вспомогательных целей нам стоит привести порцию данных о каузальном восприятии. Человеческое восприятие более чувствительно к «каузальным» взаимодействиям фигур: при наличии подавляющего шума они быстрее различаются испытуемыми, то есть более значимы [Moors et al., 2017]. Таким образом, причинная связь в случае эффекта запуска распознается людьми еще на досознательном уровне — по крайней мере, такова одна из интерпретаций этих результатов. Эффект запуска зависит от особенностей и расположения стимулов, окружающих фигуры [Choi, Scholl, 2004; Scholl, Nakayama, 2002; Yeul Bae, Flombaum, 2011], демонстрирует [Kominsky, Scholl, 2020] зрительную адаптацию (см. [Webster, 2016]). Каузальное восприятие воспроизводится у десятимесячных младенцев [Oakes, 1994] и, по-видимому, культурно универсально, в отличие от более высокоуровневых каузальных представлений [Morris, Peng, 1994]. Как и в случае многих других зрительных эффектов, литература по каузальному восприятию огромна – мы не будем ее обзирать всю. На данный момент нам важно лишь подтвердить, что каузальное восприятие – это именно вид восприятия, и ему соответствует особое репрезентационное содержание. Данную точку зрения с обширной доказательной базой отстаивает Блок [Block, 2023].

Как и в случае другой феноменологии высокоуровневых свойств, в пользу существования проприетарной феноменологии каузальности можно приводить аргументы от контраста. Например, С. Сигель [Siegel 2009] сравнивает два случая: пусть в одном случае некто раздвигает шторы, чтобы солнце озарило комнату, а в другом случае — просто так раздвигает полупрозрачные занавески (которые пропускают свет), в то время как солнце выходит из-за тучи. Сигель полагает, что между ситуациями есть феноменальный контраст, соответствующий каузальности, пусть случаи и не являются идентичными в сенсорном плане. Пожалуй, этот аргумент сложно назвать удачным, поскольку он допускает довольно большую

разницу в зрительных низкоуровневых свойствах. В очередной раз мы сталкиваемся с поиском разницы в репрезентационном содержании, но в данном случае его обеспечивает эффект запуска. Есть ли феноменальная разница между запуском фигур и отсутствием взаимодействия между ними, как в эксперименте Мишотта? Разумеется, эти ситуации выглядят по-разному, но уже на зрительном уровне. Разницу в репрезентационном содержании между двумя ситуациями обеспечивает массив экспериментальных данных, но он не указывает на некую ясную разницу от первого лица.

Быть может, в будущем аргументации феноменологов помогут патологии людей с нарушенным каузальным восприятием, но неясно, насколько жизнь таких людей была бы отлична от обыкновенной. Механическое взаимодействие между объектами легко вывести при различении объектов и нормальном восприятии движения, так что для каузального восприятия сложно было бы ожидать аналога акинетопсии (см. [Zeki, 1991]) – слепоты в отношении движения. Распознавание движения имеет большую важность в сознательной жизни людей: мы можем выводить смещения объектов, но это требует большого ресурса внимания. Без восприятия движения мир агента становится последовательностью кадров и явно переживается иначе, чем у здоровых людей.

Если существует проприетарная феноменология каузального восприятия, то вполне возможно допустить, что она сопровождает и совершение телесных действий. Быть может, феноменология агентности и есть феноменология каузального восприятия? Известно, что наличие каузальной связи вносит вклад в репрезентационное содержание: эксперименты показывают, что причина и действие воспринимаются нами ближе во времени [Buehner, Humphreys, 2009] и пространстве [Buehner, Humphreys, 2010], чем два несвязанных события. От наличия каузальных репрезентаций может зависеть воспринимаемый порядок событий [Bechlivanidis, Lagnado, 2016]. Таким образом, эффект запуска родственен интенциональному связыванию, а возможно, они представляют собой одно и то же [Hughes et al., 2013; Tanaka et al., 2019]. Вегнер считает [Wegner, 2004, p. 654], что

«опыт воли» (“the experience of will”) является подвидом каузального восприятия. Вегнер и Уитли [Wegner, Wheatley, 1999] уподобляют его «ощущению красного цвета, восприятию голоса друга или наслаждению хорошим весенним днем» [Wegner, Wheatley, 1999, p. 1] – так, «опыт воли» описан как феноменальное состояние, хотя его содержание едва ли прояснено. Возможно, Вегнер бы удивился, если бы узнал, что поддерживает тезис о совпадении между частью феноменологии агентности и феноменологией каузального восприятия, но эта позиция некоторым образом реконструируется. В пользу наличия опыта ментальной каузальности пишет Дж. Хоуи [Hohwy, 2004]. Хоуи очень кстати приводит эксперимент Хаггарда и коллег в пользу того, что в опыте агентов представлена каузальная связь между намерением и движением.

Что могло бы оставаться в феноменологии (или репрезентационном содержании) агентности за вычетом каузального восприятия? Нам всегда стоит делать поправку на особую «тонкость» феноменологии каузальности, но пусть она все же имеет место. Например, хорошим кандидатом могла бы быть феноменология усилия [Baune, Levy, 2006], которая удобно позволяет нам ухватить и физические, и ментальные действия. Мы не просто фиксируем наличие каузальной связи между нашими ментальными состояниями и действиями, но в течение определенного времени генерируем усилие. Если применить каузальное восприятие к ментальным действиям, картина станет совсем неясной.

Говоря на языке метафизики причинности, каузальное восприятие репрезентирует событийную каузальность. В первой главе мы говорили о теоретиках агентной каузальности, авторах, которые настаивают на существовании особого вида причинности для агентов. Нет ли у нас проприетарной феноменологии агентной каузальности от первого лица? Т. О’Коннор [O’Connor, 1995] считает, что агентная каузальность лучше всего сочетается с нашим опытом агентности. Нахождение такого домена могло бы быть неплохой задачей для теоретиков агентной каузальности, но уточнение репрезентационного содержания феноменологии в данном случае вряд ли имело бы успех. У нас есть каузальные,

проприоцептивные и моторные репрезентации, но для выстраивания феноменологии «другой причинности» (именно причинности) скорее всего требуется отказ от репрезентационализма в отношении феноменального содержания.

Метафизики агентной каузальности заинтересованы в феноменологии агентности от первого лица, но мы могли бы провести дополнительную линию рассуждений, которая явным образом не представлена в литературе. Воображаемый нами гипотетический домен феноменологии не должен быть частью домена событийной каузальной феноменологии, но мог бы быть частью домена феноменологии агентности для своих и чужих действий – наподобие того, как его описывают Дженнерод и Пашери.

Репрезентационная загруженность действий позволяет изобретать самые удивительные виды проприетарных феноменальных свойств. Та же загруженность естественным образом выливается во множественность составных частей феноменологии агентности.

2.2.4 Совокупное содержание

В первых разделах данного параграфа мы рассмотрели гипотетические виды феноменального содержания, имеющие отношение к феноменологии агентности. Теперь мы перейдем к феноменологии агентности от первого лица. Она должна иметь репрезентационное содержание, отличное от восприятия действий и каузальности вообще. Ее содержание не будет сенсорным, но с высокой вероятностью будет опираться на сенсорные данные. Когда в литературе идет речь о феноменологии агентности, обычно конструируется именно такой домен.

Значительная часть авторов, которые пишут о феноменологии агентности, исходят из наличия нескольких аспектов или компонентов этого домена. В рамках дискуссии о проприетарной феноменологии такие притязания выглядят достаточно странно. Доказать существование хоть каких-либо несенсорных проприетарных свойств достаточно тяжело – осуществить этот прием для каждого отдельного компонента домена было бы еще тяжелее. Сложность феноменологии агентности

возникает из-за нетривиальности моторного контроля и временной протяженности действия: агент принимает решение, переводит намерение в действие, контролирует движения, воспринимает обратную связь и так далее. Все это не значит, что в литературе не представлена односоставная феноменология агентности: например, Жине [Ginet, 2007, 1990] утверждает, «деятельное феноменальное ощущение», является простым и не подлежащим дальнейшему анализу. Жине лишь замечает, что деятельное ощущение всем знакомо: совершение любого ментального действия (например, представления слова) должно показать читателю наличие деятельного ощущения. Здесь его рассуждения сталкиваются с серьезным недостатком аргументации. Указание Жине на результаты интроспекции не соответствует требованиям, предъявляемым к расширенной феноменологии на сегодняшний день.

Перейдем к аспектам феноменологии агентности, представленным в литературе. Количество аспектов меняется от автора к автору и отличается большим разнообразием, но, если в некоторой работе указан некий набор аспектов, это еще не значит, что авторы поддерживают существование каждого из них: некоторые могут рассматриваться гипотетически. Хорган и коллеги [Horgan et al., 2003] доказывают существование трех центральных компонентов: феноменологии «себя-как-источника» (“self-as-source”), целенаправленности и произвольности действия. При этом Хорган и Тинсон [Horgan, Tienson, 2003] добавляют, что феноменология агентности проявляется в отношении как своих, так и чужих действий. Бейн и Леви [Baune, Levy, 2006] также выделяют три компонента: феноменологию ментальной каузальности, авторства и усилия. Бейн через два года [Baune, 2008] выделяет уже четыре аспекта, дополняя три предыдущих опытом свободы. Бейн замечает, что среди четырех перечисляемых им компонентов первые три являются наименее спорными, потому что имеют простое репрезентационное содержание. Пашери выделяет три феноменальных компонента: опыт намеренной каузации, опыт инициации движения и опыт контроля [Pacherie, 2007b]. Кригель [Kriegel, 2015] выделяет в «волевой» (“conative”) феноменологии два основных

компонента: феноменологию принятия решения и попытки совершить действие. Наконец, Милопулос и Шепард [Myloroulos, Shepherd, 2020] рассматривают целых шесть аспектов содержания феноменологии агентности: феноменологию целенаправленности, принадлежности действия, выполнения (движения), восприятия действия, оценки действия и свободы воли.

Шесть гипотетических компонентов Милопулос и Шепард объединяют предложенные ранее комбинации аспектов. Их множество в первую очередь разбивается на перцептивные и когнитивные. Перцептивные аспекты относятся к выполнению движения и соответствуют ощущению агентности, а когнитивные – суждениям об агентности, о намерениях и целях действия. Бейн полагает, что склонность исследователей выделять более когнитивные компоненты может быть связана с их позицией в отношении когнитивной феноменологии [Bayne, 2008]. Помимо суждений об агентности (оценки действия), в эту же область попадает феноменология осознанного принятия или обдумывания решений. Феноменология целенаправленности или намеренности действия, вероятно, так же оказывается скорее когнитивной, что подтверждает сам Хорган [Horgan, 2012]. В работе 2012 года он доказывает, что феноменология агентности неизбежно когнитивна, поскольку в ней представлена концептуализированная цель агента. Аргументы в пользу существования когнитивной феноменологии агентности должны указывать на феноменальные свойства мышления – оценки авторства действия, выбора намерения и так далее. Дискуссия о когнитивной феноменологии показывает, что сконструировать удачный аргумент в ее пользу весьма непросто – в частности, аргументация Хоргана с применением частичных зомби методологически проблематична.

Наибольший интерес для исследователей феноменологии агентности представляют «перцептивные» компоненты опыта – особые переживания, сопровождающие непосредственное выполнение действия. К «перцептивным» компонентам могут относиться феноменология выполнения движения, каузальности, свободы воли или усилия. Часть из них мы уже обсудили выше. Со

значительной вероятностью у людей есть репрезентационное содержание, соответствующее каузальной связи между намерениями и движениями, а также содержание, соответствующее восприятию намеренных действий вообще – от первого и от третьего лица. Соответствует ли такому содержанию особая феноменология – глубокий вопрос, недостаточно раскрытый в имеющейся литературе. Вершина феноменологии агентности – другие перцептивные компоненты агентности от первого лица, в первую очередь феноменология свободы.

Несмотря на свою заманчивость, переживание свободы воли является, по-видимому, слабым звеном среди кандидатов на статус проприетарной феноменологии агентности. Этот аспект феноменологии обсуждают, например, Стросон [Strawson, 1986], Намиас и коллеги [Nahmias et al., 2004] и Бейн [Bayne, 2008]. Стросон описывает содержание этого аспекта как переживание либертарианской свободы – радикальное ощущение того, что происходящие события зависят напрямую от выбора агента. В таком виде аспект получается в большей степени когнитивным и подобным феноменологии «себя-как-источника», но Стросон поддерживает существование когнитивной феноменологии, и его вряд ли могло бы смутить подобное замечание. Намиас и коллеги также указывают на возможность опыта свободного выбора, но полагают, что его содержание скорее всего совместимо с компатибилизмом. Авторы намекают на недостаточность психологических исследований опыта свободы, и отчасти они правы: к 2004 году программа по изучению чувства агентности еще недостаточно развилась.

Что можно сказать о феноменологии свободы, если рассматривать ее в современной дискуссии с множеством аспектов проприетарной феноменологии агентности? На концептуальном и пропозициональном уровне такое содержание ясно реконструируется, но едва ли возможно указать на низкоуровневое репрезентационное содержание, соответствующее ощущению свободы. Агент осуществляет выбор между действиями, понимает, что именно зависит от его выбора, но для описания переживания свободы, кажется, требуется отказ от

слабого репрезентационализма с перемешиванием феноменальности и интенциональности в духе Хоргана и его соавторов. Мы не будем исключать, что такая линия аргументации сохраняется для сторонников феноменологии свободы, но она потребует эпистемологических новаций для обнаружения данного аспекта феноменологии агентности. Бейн полагает, что попытки уловить феноменологию свободы могли бы прояснить интуитивность компатибилизма, но не видит, каким образом возможно было бы описать содержание этого аспекта.

Скажем, наконец, о феноменологии усилия. Данный аспект, обсуждаемый Бейном и Леви [Baune, Levy, 2006], смотрится выигрышно, поскольку заявлен как для физических, так и ментальных действий. Если физические и ментальные усилия родственны друг другу, переживания усилия не удалось бы свести к кинестетическим или проприоцептивным. Такая редукция перевела бы феноменологию усилия в сенсорную по аналогии с представлениями Фрита и Принца. Бейн и Леви называют ощущение усилия наиболее вероятным аспектом феноменологии агентности: у него есть легко выявляемое содержание. В статье не приводится аргумент от контраста в пользу репрезентации усилия, но даже обычные жизненные ситуации его обнаруживают. Тем не менее, полное сведение феноменологии агентности к усилию или волеию может казаться проблематичным: Э. Марсел [Marcel, 2003] замечает, что многие наши действия совершаются без переживания усилия, а Р. Холтон [Holton, 2003] считает, что в случае ментальных действий усилие возникает только при мотивационном конфликте.

Ключ к уточнению феноменологии усилия кроется в исследованиях ментальных усилий. Ментальное усилие может определяться функционально: с увеличением усилия растет производительность агента в некоторой когнитивной задаче (напр. [Inzlicht et al., 2018]) – либо механически, по аналогии с физическим усилием (напр. [Shenhav et al., 2017]). Механические аналогии интуитивно понятны, но в случае ментального усилия не так просто указать, что же соответствует «когнитивным мышцам». С помощью фМРТ Л. Шмидт и коллеги

[Schmidt et al., 2012] показали, что несмотря на разную локализацию когнитивных и моторных систем, отвечающих за усилие, оба вида усилия распределяются и управляются общим узлом – вентральной частью полосатого тела мозга. Эти данные не переворачивают представления о физическом и ментальном усилии, но могут указывать на то, что к механической аналогии стоит относиться аккуратно, особенно к переносу именно моторных характеристик физического усилия.

М. Секели и Дж. Майкл [Székely, Michael, 2021] связывают переживание ментального усилия с выводом некоторого процесса, анализирующего выгоды и затраты от выполнения релевантной задачи. С большой вероятностью они имеют в виду наличие некоторого фодорианского модуля [Fodor, 1983], который выводит обособленный фрагмент репрезентационного содержания в результате расчетов (подобно восприятию в основных модальностях). Вероятно, такой модуль мог бы иметь место, но его наличие или отсутствие трудно проверить из-за сложности изучения когнитивных процессов по сравнению с восприятием. Секели и Майкл предлагают проверку своих гипотез через тестирование условий, при которых испытуемые отзываются о ментальном усилии как о приятном или неприятном – и их модель предсказывает возможные результаты. Пусть их гипотезы оказались бы верными, и мы бы уточнили, какие факторы влияют на возникновение и характер ощущения усилия, однако, позволят ли подобные эксперименты уловить репрезентационное содержание усилия вне механической аналогии? Мы вернемся к обсуждению опыта усилия в четвертой главе: рассмотренный ранее философский инструментарий будто бы не позволяет исследовать его. В итоге это не отменяет высокой убедительности феноменологии усилия – натурализовать ментальное усилие непросто, но в повседневной сознательной жизни мы прекрасно понимаем, что это такое.

Наконец, подытожим наши поиски совокупного феноменального содержания опыта агентности. Оно включает множество потенциальных аспектов, выделяемых разными авторами в разных количествах и ипостасях. Часть из них является когнитивной и относится к дискуссии о существовании когнитивной

феноменологии не в меньшей мере, чем к обсуждению феноменологии агентности. Эти аспекты включают феноменологию принятия решений, целенаправленности действия и суждений об агентности. Среди оставшихся аспектов часть имеет легко конкретизируемое содержание и претендует на широкое принятие – это феноменология восприятия намеренных движений, ментальной каузальности и усилия. Выделенными в феноменальном содержании могут быть как собственные движения агента, так и чужие или совместные движения. В литературе также бытует представление о феноменологии свободы, которую едва ли возможно уловить без ухода к более ясным аспектам феноменологии агентности вроде переживаний причинности. Сложно доходчиво объяснить, что из себя представляет отчетливое ощущение возможности выбора. В остатке феноменология усилия оказывается ближе всех аспектов к подлинной проприетарной феноменологии агентности: в отличие от других многообещающих кандидатов, она восстанавливается и для физических, и для ментальных действий. Рассмотрев потенциальное содержание феноменологии агентности, мы переходим к аргументам в пользу ее существования.

2.3 Аргументы в пользу существования феноменологии агентности

2.3.1 Аргументы от контраста

При постулировании каких-либо аспектов проприетарной феноменологии агентности возникает обыкновенная эпистемологическая проблема, связанная с недостатком возможностей интроспекции. Бейн указывает [Baune, 2015], что феноменология агентности ускользает от интроспекции. О «тонкости» феноменологии агентности пишут Метцингер [Metzinger et al., 2006], Хорган [Horgan, 2007] и Хаггард [Haggard, 2017]. Галлахер считает, что она «феноменологически рецессивна» [Gallagher, 2012, p. 18]. Для доказательства существования феноменологии агентности требуются иные средства, в первую очередь – аргументы от контраста.

В пользу существования некоторого состава феноменологии агентности Бейн приводит [Baune, 2008] аргумент от контраста, структурно похожий на его

аргумент в пользу феноменологии категориального восприятия. Он основан на разнице между отчетами пациентов с синдромом анархической руки [Della Sala et al., 1991] и утилизационным поведением [Lhermitte, 1983]. Напомним, что синдром анархической руки – патология, при которой пациент заявляет, будто его рука совершает движения сама по себе и не подчиняется его командам. Утилизационное поведение – другая патология, при которой пациент неспособен сдержаться перед манипуляциями с окружающими вещами. Внешне утилизационное поведение похоже на проявления синдрома анархической руки: в обоих случаях пациенты не имеют намерений совершить движение, но только в первом случае пациент в своих суждениях присваивает совершаемые его руками действия себе. Бейн полагает, что разница между патологиями объясняется неодинаковостью переживаний пациентов. Именно переживания служат основанием для вынесения суждений об агентности в обоих случаях. Движениям анархической руки чего-то не хватает для того, чтобы они ощущались собственными.

Согласно замыслу Бейна, обычная феноменология восприятия одинакова в обоих случаях при различии в спорном феноменологическом домене. Феноменальная разница между случаями отсылает к чувству агентности, которое по Бейну является видом восприятия и имеет репрезентационное содержание. Для пациента есть разница между тем, как ощущаются движения при синдроме анархической руки и утилизационном поведении, и Бейн указывает место в репрезентационной структуре сознания, благодаря которому такая разница становится возможной. Бейн полагает, что признать наличие феноменологии агентности в опыте могут и те, кто отрицает особую феноменологию состояний со сложным содержанием – то есть те же самые консерваторы. Заметим, что Бейн достаточно примерно указывает на контрастирующее содержание: оно может быть либо набором репрезентаций (Ph-позиция), либо структурой репрезентационного содержания (Fr-позиция).

Для выделения феноменологии агентности Метцингер [Metzinger et al., 2006] также использует аргумент от контраста, хотя и не использует этот термин.

Контраст проводится между здоровым человеком и пациентом с акинетическим мутизмом [Ure et al., 1998] – состоянием, при котором пациент лишен произвольной речи и движений. При этом пациент находится в сознании и способен называть слова по команде, а также двигаться при условии внешней поддержки, словно по инерции. Метцингер утверждает, что у пациента отсутствует «феноменальная модель отношения интенциональности»: он обладает сенсорным феноменальным сознанием, но не осознает, как предметы представлены в качестве возможных объектов его действия. Как считает Метцингер, при вдумчивом совершении движений мы феноменально осознаем, каким намерением мы обладаем в отношении объекта, на который направлено действие. Благодаря этому мы не просто переживаем происходящее в мире, но переживаем, как мы вовлечены в каузальные отношения в нем [Metzinger et al., 2006, p. 27], а пациенты с акинетическим мутизмом – нет, что якобы обнаруживает проприетарную феноменологию агентности.

В то же время Метцингер отдает себе отчет в том, что скачок от клинической картины акинетического мутизма до утверждений о феноменальном сознании достаточно смел. Здесь следует сказать об исходных предположениях Метцингера. Во-первых, он поддерживает [Metzinger, 2004, p. 26] телеофункционализм, то есть считает, что в репрезентационном содержании, соответствующему объекту X, представлено в том числе то, как X используется агентом. Так, мы переживаем свой интенциональный «горизонт». Репрезентации интенционального отношения между агентом и X являются более высокоуровневой репрезентацией. Во-вторых, Метцингер основывается [Metzinger, 2004, p. 107] по крайней мере на слабой версии репрезентационализма, что позволяет сравнительно просто перевести репрезентационное содержание в содержание феноменального сознания. Как и в случае подхода Бейна, вопрос заключается в том, какая часть репрезентационного содержания имеет свою проприетарную феноменологию. Заметим, что Метцингер, как и Бейн, не преграждает путь Fr-позиции: особая представленность предметов

для здоровых людей не обязана быть реализована с помощью отдельного содержания.

Хорган [Horgan, 2012] формулирует аргумент в пользу существования феноменологии агентности, основанный на представимости частичного зомби. Напомним, что частичный зомби, в отличие от обычного философского зомби, не обладает только частью содержания феноменального сознания. Хорган призывает представить несколько вариантов зомби, обделенных частью феноменологии агентности при сохранности обычного, то есть сенсорного, содержания. Подобно Бейну, Хорган пытается указать на феноменальный контраст между состояниями агентов, но вместо описанных клинических случаев он опирается на четырех частичных зомби. С феноменальной точки зрения один из этих зомби прямо аналогичен тому, как Бейн понимает синдром анархической руки. Если зомби Хоргана действительно представимы, и между зомби и обычными людьми есть разница в феноменальном осознании движений, должна существовать феноменология агентности.

Построения Хоргана достаточно обширны, и мы не будем расследовать их детально. Его проект претендует на следование «робастной» (“robust”) процедуре из философии сознания [Horgan, 2012, p. 61]: зомби остаются представимыми, несмотря на повышение детализации их жизни, то есть их представимость устойчива. Детализация поведения зомби или его интенциональных состояний, по видимому, действительно не вредит его представимости, но процедура изобретения частичных зомби легко может оказаться неубедительной. Спросим себя: лишен ли частичной зомби без агентной феноменологии интенционального содержания, связанного с ней? Причудливым образом Хорган характеризует опыт зомби как опыт наблюдения за своими действиями со стороны [Horgan, 2012, p. 67], но точно ли эта разница является чисто феноменальной без примеси интенциональности? Если спросить у такого зомби о его переживаниях, даст ли он те же ответы, что и обычный человек? Для того, чтобы аргументация работала, зомби должен сохранять когнитивную архитектуру обычного агента, но описание

Хорганом опыта зомби затрагивает репрезентационное содержание агента. Хорган мог бы сказать, что движения зомби представлены для него обычным образом, но он не переживает этого феноменально, но такая формулировка просто не сможет уловить ясную феноменологическую разницу. Кажется, частичные зомби не приносят успеха в дискуссии о спорных доменах феноменологии.

Однако, под угрозой находится и когерентность позиции Хоргана в отношении феноменального сознания. Как мы указали в самом начале главы, Хорган является инсепаратистом, то есть выступает против разделения феноменальных и интенциональных свойств. Инсепаратизм не сочетается с представимостью философского зомби: Хорган отходит от процедуры представления зомби, который должен отличаться от своего двойника только феноменальными свойствами.

2.3.2 Аргумент от непроницаемости

В работе 2011 года [Baune, 2011b] Бейн формулирует еще один аргумент, призванный дополнить его аргумент от контраста. Этот аргумент призван отвергнуть «доксастическую» модель чувства агентности. Доксастической моделью Бейн называет взгляд на чувство агентности, который сводит его к суждениям об агентности. Ранее мы ввели его под названием нарративной модели. Нарративная модель должна объяснить поведение пациента с синдромом анархической руки через неверное формирование его убеждений. Помимо ложного источника убеждений агента, нарративная модель не допускает причин, по которым агент мог бы перестать приписывать себе движения руки.

Допустим, пациент обладает сохранной рациональностью. Он оценил обстановку и понял, что никто другой не имеет возможности контролировать движения его руки, и по всей видимости автором этих движений является он. Исчезнет ли симптоматика синдрома, если пациент примет это убеждение? Бейн полагает, что нет, и приводит объяснение: симптоматика не исчезнет, потому что пациент воспринимает движения руки иначе, и именно на основании опыта формулирует свои убеждения. У восприятия есть особенность: оно во многом

когнитивно непроницаемо, мы не имеем возможности напрямую изменить данные восприятия с помощью мысленных усилий. Бейн указывает, что когнитивная непроницаемость характерна для чувства агентности, и поэтому оно должно быть причислено к восприятию. Кроме пациентов, он приводит пример жестких инкомпатибилистов, которые не могут избавиться от иллюзорного с их точки зрения чувства агентности, несмотря на свои убеждения.

Заметим, что аргумент от непроницаемости не обращается к проприетарной феноменологии агентности. Он утверждает, что у агентов существует непосредственная осведомленность о действии, и она дана в опыте, но это еще не значит, что в содержании феноменального сознания существует проприетарное содержание, связанное с агентностью. Аргумент лишней раз показывает, что гипотеза о наличии ощущения агентности является достаточно крепкой, и нарративная модель сама по себе неудачна. Тем не менее, аргумент Бейна не дает преимуществ Ph-позиции в отношении ощущения агентности.

2.3.3 Критика аргументов

Как и в случае других предметов спора либералов и консерваторов, существование особой феноменологии агентности поддерживается не всеми авторами. Например, аргумент Бейна и другие обоснования феноменологии агентности критикует Т. Грюнбаум [Grünbaum, 2015]. Грюнбаум полагает, что знание агента о своих намерениях и обычная сенсорная феноменология достаточны для объяснения результатов, побуждающих других авторов вводить феноменологию агентности. Аргумент Бейна он отвергает, считая, что при синдроме анархической руки происходит отчуждение намерения: движения руки воспринимаются как намеренные, но принадлежащие другому агенту. Возражение Грюнбаума строится вокруг возможности восприятия намеренных движений от третьего лица (обсуждаемых выше «голых намерений»), которые агент предположительно присваивает себе уже на уровне суждений.

Кажется, аргумент от контраста для феноменологии агентности действительно непросто сформулировать в первую очередь из-за ее связи с

намерениями. Попробуем представить себе «расстройство мечты» для сторонников феноменологии агентности. Допустим, рука агента поднимается, и он не переживает это движение как свое. Во-первых, для корректного контраста он должен иметь предварительное намерение поднять руку. Однако, во время движения ему полагается ощущать, что рука поднялась сама по себе. Сейчас ситуация похожа на отклоняющуюся каузальную цепь, но контраст должен соблюдаться и для намерения в действии: агент пытается поднять руку, и его рука поднимается, но удивительным образом агент не чувствует контроля над рукой, хотя она подчиняется самым сложным моторным командам. Возможны ли такие переживания при совершении действий? Нельзя исключать, что подобный клинический случай уже описан, но он подразумевает обширные нарушения рациональности агента. Для аргументов от контраста предпочтительно рассмотрение пациентов, которые обладают нормальным ментальным содержанием, исключая ограниченную контрастирующую часть.

Милопулос [Myloroulos, 2015] высказывается против обоих аргументов Бейна. Она утверждает, что пациенты с синдромом анархической руки не показывают наличие феноменологии агентности, поскольку объяснение через постулирование феноменальных состояний не является наилучшим. Пациенты могут отрицать принадлежность им движений на основании убеждений о том, что эти движения расходятся с их намерениями и не могут быть ингибированы. Аргумент от непроницаемости Милопулос считает неудачным по двум причинам. Во-первых, мы не можем сказать наверняка, не вылечится ли пациент с синдромом анархической руки, если сформулирует суждение о том, что движения руки принадлежат ему. Во-вторых, если даже кто-то (например, авторитетный врач) убедит пациента в том, что движения анархической руки принадлежит ему, это не значит, что новое убеждение пациента пересилит старое убеждение об отчужденности движений.

Рассмотрим первое замечание Милопулос. Ее возражения к обоим аргументам имеют эмпирический характер и должны тестироваться

экспериментально. Бейн полагает, что симптоматика синдрома анархической руки не проявляется лишь на уровне суждений. Вероятно, он считает, что рассуждения не излечат пациентов, находясь под влиянием сведений об ампутантах с фантомными конечностями, про которых он мельком упоминает далее в статье [Bayne, 2011b, p. 361]. Процедура, изобретенная В. Рамачандраном [Ramachandran, Rodgers-Ramachandran, 1996], позволяет избавиться от этих болей через отзеркаливание здоровой руки. Фантомные боли у пациентов прекращаются после сеансов с отзеркаливанием, где они просто смотрят на руку и ее отражение, а не формулируют суждения. Подобная процедура понадобилась, поскольку страдания пациентов продолжались, несмотря на их понимание того, что у них нет руки. Неясно, корректна ли аналогия, которую может проводить Бейн, но ее нельзя назвать совсем необоснованной. Если говорить о втором замечании, то оно допускает наличие у пациента противоречивых убеждений, что более не позволяет приписывать ему рациональность в достаточной степени. Как мы заметили выше, такое положение дел подрывает аргумент от контраста. Насколько поражена рациональность у пациентов с синдромом анархической руки – вопрос, который стоит адресовать психиатрам и исследователям процессов мышления. Нарушение рациональности действительно являются альтернативным объяснением поведения, наблюдающегося в случае данных пациентов, и то, насколько это объяснение лучше объяснения Бейна, зависит от дальнейшего уточнения деталей расстройства.

§3. Заключение главы

В данной главе мы рассмотрели дискуссию о существовании феноменальных состояний, связанных с агентностью. Эта дискуссия является частью более широкого обсуждения расширенной феноменологии – гипотетического множества феноменальных состояний, не относящихся к аффективным или низкоуровневым сенсорным состояниям. В первую очередь мы имели дело с концепциями расширенной феноменологии, предполагающими истинность слабого репрезентационализма – позиции, согласно которой феноменальное содержание сознания супервентно на множестве ментальных репрезентаций агента. На слабом

репрезентационализме основывается подход Т. Бейна и его соавторов, который предлагает общее решение проблемы феноменального богатства опыта через применение аргументов от контраста и совпадающего содержания.

Мы обнаружили, что концепции расширенной феноменологии в первую очередь имеют дело с интенциональным или репрезентационным содержанием сознания, а не его феноменальным содержанием. Даже если некие авторы не поддерживают слабый репрезентационализм в явном виде, способы аргументации должны приводить их к схожей позиции. Из-за неоднозначности результатов интроспекции как метода изучения сознания, философам приходится приводить аргументы от феноменального контраста. Такие аргументы основываются на ситуациях, в которых у агентов отсутствует часть опыта, в результате чего автор делает выбор о существовании отдельного фрагмента феноменального сознания, соответствующего этому опыту. По Г. Стросону, агент, слышащий незнакомое слово, будто слышит его иначе, чем тот, кто знает его значение. Бейн предполагает, что люди, лишённые способности к категоризации предметов, видят их иначе. В каждом подобном примере обнаруживается разница не столько в переживаниях агентов, сколько в функциональном аспекте сознания, в сознании доступа. Без привлечения функциональных понятий на разницу едва ли возможно указать. Слабый репрезентационализм признает, что для обеспечения разницы в феноменальном содержании у агента должны отсутствовать или присутствовать репрезентации – функциональные единицы когнитивной архитектуры.

В рамках слабого репрезентационализма все постулированные домены феноменологии опираются на скелет из репрезентационного содержания. Использование ментальных репрезентаций в философии сознания дает значительное преимущество: оно выстраивает диалог с когнитивной наукой, где понятие репрезентации является центральным с возникновения вычислительной модели разума. Теоретически репрезентационное содержание сознания может быть восстановлено, что в итоге подтвердит или опровергнет существование доменов феноменального сознания. С другой стороны, репрезентационализм имеет

высокую цену: при аргументации в пользу или против существования доменов феноменологии феноменальные свойства словно теряются из виду – фактически авторы обсуждают сознание доступа, состояния с той или иной функциональной ролью. Связь дискуссии с проблемами феноменального сознания заключается всего лишь в том, что в соответствии со слабым репрезентационализмом осознанные низкоуровневые репрезентации сопровождаются феноменальными свойствами.

Обсуждение расширенной феноменологии понадобилось нам для анализа взглядов философов на проприетарную феноменологию агентности – множество феноменальных состояний, сопровождающих исключительно действия. Изучение феноменологии агентности в литературе началось после введения Ш. Галлахером понятия чувства агентности, что в свою очередь повлияло и на эмпирическую исследовательскую программу. Эмпирические исследования не дают достаточной базы для поддержки существования феноменологии агентности. Анализ того, как когнитивные ученые используют термин «ощущение агентности», позволил нам разделить Ph- и Fr- позиции в отношении осведомленности агента. У людей есть непосредственная осведомленность о действии, но она может быть реализована либо в виде отдельного модуля опыта, либо в виде особой структуры репрезентационного содержания опыта. Эксперименты не позволяют совершить выбор между альтернативами, а дискуссия о феноменологии агентности происходит в рамках первой позиции.

Обобщив взгляды авторов на то, как устроена расширенная феноменология вообще и феноменология агентности в частности, мы получили конструкцию, напоминающую матрешку из нескольких гипотетических слоев содержания. Внешние слои содержания относятся к высокоуровневому восприятию, но не специфичны для агентности от первого лица. Например, С. Сигель полагает, что существует феноменология каузального восприятия, а Бейн рассматривает ее как возможную часть феноменологии агентности. Не исключено, что среди всех наглядных причинных связей и движений мы по-особенному воспринимаем

телесные движения – как свои, так и чужие. Такой взгляд на восприятие действий защищают М. Дженнерод и Э. Пашери. Наконец, может быть, мы специфично переживаем свои собственные движения, как считают, например, Бейн и Н. Леви или Т. Хорган и Дж. Тинсон. Таким образом, дискуссия о феноменологии агентности не сводится к прямому вопросу о том, существуют ли проприетарные несенсорные состояния – феноменология агентности от первого лица может пересекаться с другими возможными доменами опыта. Стараясь отбрасывать лишние сущности, исследователи пытаются свести феноменологию агентности не только к сенсорным переживаниям, но и к другой расширенной феноменологии. Исторически эти попытки происходили синхронно с развитием представлений о чувстве агентности, например, возможности редуцировать его до суждений агента или объяснить его показатели через каузальное восприятие.

Вопрос о содержании опыта агентности от первого лица приводит философов к перечислению вероятных компонентов опыта. Каждое новое перечисление добавляет свои пункты к длинному списку: мы будто бы ощущаем выбор действия, порождение его от «себя как от источника», контроль, усилие и так далее. Подобные перечисления не имеют строгой формы и указывают на методологическую неустойчивость исследований, но они также хорошо иллюстрируют, насколько сложны произвольные движения и поток сопряженных с ними ментальных состояний. Из-за интроспективного ускользания действия четкий разбор переживаний агентов на части представляется едва ли возможным. Частичные зомби без феноменологии агентности, которых предлагает Хорган, призваны обеспечить высокое разрешение между близкими случаями. Хорган пытается конструировать зомби, лишая их частей феноменального сознания при сохранности сознания доступа, но эта стратегия не выглядит убедительной из-за проблем с представимостью частичных зомби. Аргументы от контраста плохо выдерживают критику, когда речь заходит об опыте агентности: ситуации контроля и его отсутствия различаются предсказуемостью событий и наличием намерений у

агентов. Этот недостаток характерен для аргументов Бейна и Т. Метцингера, имеющих дело с пациентами с расстройствами действия.

По итогам разбирательств с потенциальным содержанием опыта агентности Бейн признает наиболее вероятной его частью опыт усилия: в отличие от хорошо подтвержденного каузального восприятия, он проприетарен для феноменологии агентности. Впрочем, является ли усилие именно ощущением? Авторы, работающие в рамках Ph-позиции, вынуждены уравнивать опыт агентности с сенсорным опытом. Подход к изучению агентности, рассмотренный в данной главе, имеет дело с вопросом о том, является ли переживание действия набором ощущений. Быть может, это так, и подобная задача точно представляет интерес в рамках уточнения совокупного феноменального и репрезентационного содержания сознания. Феноменологически действия – это в первую очередь то, что мы делаем, а не то, что с нами происходит, или не то, с чем мы сталкиваемся. В заключительной главе мы обратимся к подходу, который тоже разворачивается вокруг ментальных состояний, связанных с агентностью, но отличает их от состояний, относящихся к восприятию. Этот подход построен не на Ph-позиции, а на Fr-позиции относительно ощущения агентности.

Глава IV. Осведомленный агент

В прошлой главе мы обсудили возможность наличия особого феноменального содержания, связанного с агентностью. Мы увидели, как некоторые авторы привлекают данные о чувстве агентности в попытках доказательства существования особой феноменологии агентности – но эти попытки сложно назвать успешными. Эмпирические исследования показывают, что у чувства агентности есть низкоуровневый вариант, за которым закрепилось название «ощущение агентности». Ранее мы рассмотрели две позиции в отношении того, чем является ощущение агентности – эти позиции различались тем, что одна из них постулировала наличие отдельного репрезентационного содержания, связанного с действиями, а вторая – нет. Именно первая позиция служит базой для обсуждения феноменологии агентности, если работать в рамках слабого репрезентационализма. Теперь мы перейдем ко второй позиции, которую мы назвали Fr-позицией в отношении ощущения агентности.

Нам предстоит исследовать вопрос о том, имеется ли у опыта агентности особая репрезентационная или интенциональная структура, отличающая его от сенсорного опыта. Перед этим нам следует договориться о терминах, которые мы будем использовать. Нас более не будут интересовать феноменальные свойства. Слабый репрезентационализм, ставший нашей основной теоретической установкой, отводит феноменальным состояниям роль, аналогичную ароматизаторам в карамельках: они придают вкус конфетам, но форма карамелек независима от их вкуса. Мы полностью переведем свое внимание на форму, отложив вопрос о феноменальных свойствах в стороне. Оставив феноменологию агентности, мы будем говорить об агентной осведомленности – этот термин позволяет уйти от коннотаций, связанных с феноменальными состояниями, не отказываясь от обсуждения сознания. Как и в третьей главе, мы будем отождествлять репрезентационное и интенциональное содержание – все так же следуя слабому репрезентационализму. Интенциональному состоянию будет соответствовать репрезентация. В то же время нам придется с невероятной

вольностью использовать понятие репрезентации, пусть мы и постараемся делать поправку на его нестрогость по мере продвижения.

Первым философом, который артикулировал саму дискуссию о структуре репрезентационного содержания чувства агентности, стал уже знакомый нам Т. Бейн. Именно Бейн очертил основные позиции в контексте исследований осведомленности о действии. Далее мы ознакомимся с проблемой структуры осведомленности и самими позициями, которые выделяет Бейн.

§1. Структура осведомленности агента по Т. Бейну

Помимо феноменального содержания опыта агентности, в нескольких работах Бейн анализирует его интенциональную структуру [Bayne, 2011a, 2008, 2011b]. Под структурой интенционального состояния Бейн понимает вид представленности его содержания. Два интенциональных состояния с разной структурой могут иметь одинаковое содержание. Понятие структуры, которое вводит Бейн, опирается на термин «направление соответствия» (“direction of fit”), развитое Г. Э. М. Энском [Anscombe, 1957] для различения высказываний. Серл заимствовал термин и применил его к опыту действия [Searle, 1983], на основании чего Бейн и классифицировал различные представления о структуре опыта агентности.

Рассуждения Бейна отталкиваются от того, что «базовую» или «нейтральную» структуру имеют осознанные состояния, связанные с восприятием. Разговор об интенциональной структуре начинается тогда, когда рассматриваемое состояние гипотетически имеет иную представленность, отличную от данных органов чувств. Подобные подозрения возникают, когда речь заходит об осведомленности о действии. Обсуждение структуры интенциональных состояний, связанных с действием, позволяет отказаться от постулирования особого «активного» содержания или отдельного «опыта действия», понимаемого в том же смысле, что зрительный опыт. Основная сложность этого подхода заключается в том, чтобы исчерпывающе раскрыть разницу в структуре, то есть удачно ввести структуру в описание интенциональных состояний в дополнение к их содержанию.

За три года (с 2008 по 2011), в течение которых были опубликованы три интересующие нас работы, Бейн успел изменить как свои взгляды на структуру опыта агентности, так и предложил две классификации позиций в дискуссии. Бейн противопоставляет несколько взглядов на интенциональные состояния, связанные с осведомленностью о действии. В статье «Феноменология агентности» 2008 года [Bayne, 2008] он классифицирует взгляды на интенциональную структуру опыта агентности – и именно эту постановку вопроса мы уже начали использовать сами. Бейн выделяет четыре подхода (“accounts”): дескриптивный (или тетический), директивный (или телический), подход «тяги-толкай» и подход «от сырых ощущений» (“raw feels account”). В статье 2011 года [Bayne, 2011b], вышедшей в сборнике «Чувства: классические и современные философские перспективы», Бейн меняет термин «подход» на «модель» и добавляет к тетическим и телическим моделям опыта агентности доксистическую модель. Наконец, во второй статье 2011 года «Опыт агентности как репрезентации „тяги-толкай“» (“Agentive Experiences as Pushmi-Pullyu Representations”) [Bayne, 2011a], Бейн возвращается к термину «подход» и добавляет различие между монадическими и диадическими вариантами подхода «тяги-толкай», и в результате позиций становится шесть.

Мы сразу уберем из поля зрения две позиции из шести. Модель «от сырых ощущений», которую Бейн упоминает вскользь, тривиальна: она основана на том, что опыт агентности не имеет интенционального содержания, состоит из «сырых» переживаний. Эта модель идет вразрез со слабым репрезентационализмом в отношении феноменального содержания. Бейн подчеркивает, что не видел защиты этой модели в литературе [Bayne, 2008, p. 188], но предлагает энтузиастам отталкиваться от ощущения усилия, которое может казаться «сырым». Впоследствии Бейн не возвращался к модели «от сырых ощущений», по-видимому, потому что она должна строиться на иных методологических основаниях. Позиция Жине [Ginet, 1990] в отношении феноменологии агентности наиболее близка к этой модели, поскольку Жине исходит из простоты действенного феноменального ощущения. В 2011 году Бейн [Bayne, 2011a, p. 220] приводит позицию Жине в

качестве некоего минималистического подхода в отношении опыта агентности – по-видимому, приписывая ему подход «от сырых ощущений».

Также мы отложим в сторону докстическую модель опыта агентности: в рамках нее чувство агентности сводится к суждениям об агентности. Если какой-либо опыт агентности имеет место, то только как разновидность когнитивной феноменологии, сопряженной с суждениями об агентности. В докстической модели низкоуровневой осведомленности о действии не существует, поэтому сам вопрос о ее структуре оказывается бессмысленным. Мы уже обсуждали этот подход в прошлой главе: там он имел название нарративной модели чувства агентности. В итоге мы остались с четырьмя возможными взглядами, далее мы рассмотрим их по порядку.

1.1 Тетическая модель

Согласно тетической модели, чувство агентности является выделенной областью восприятия, перцептивным модулем, отвечающим за распознавание наших действий. Опыту агентности соответствует некоторое содержание феноменального сознания в том же смысле, в каком оно соответствует основным сенсорным модальностям – зрению, слуху и так далее. Авторы, которые разделяют тезис о существовании феноменологии агентности, обычно используют тетическую модель. В частности, Бейн приписывает ее Т. Хоргану и коллегам [Horgan, 2007; Horgan et al., 2003]. В третьей главе мы имели дело именно с тетической моделью, поэтапно разбирая различное гипотетическое содержание опыта агентности. Это содержание претендовало на место в феноменальном сознании наряду с когнитивной феноменологией и обычным перцептивным или аффективным опытом.

В статье 2008 года Бейн сам выбирает тетическую модель как предпочтительную для описания опыта агентности. Его выбор основан на том, что тетическая модель и модель «тяги-толкай» имеют серьезные недостатки – мы обсудим их, когда дойдем до этих моделей. По некоторым причинам в 2011 году Бейн выступил против возможности учета опыта агентности с помощью

тетического содержания [Bayne, 2011a]. Причиной смены позиции Бейна стал пересмотр его отношения к телической модели и интуициям, которые ее поддерживают. Оставаясь сторонником существования тетического содержания в опыте агентности, но также приняв наличие телического содержания, Бейн выразил поддержку модели «тяги-толкай», которая совмещает тетическую и телическую модель.

1.2 Телическая модель

В рамках телической модели осведомленность о действии имеет отличную от восприятия представленность в сознании: она направлена на изменение мира, а не его отражение. Согласно этому взгляду то, как мы осведомлены о движениях тела, есть часть самого действия в противовес восприятию. Телическую модель Бейн приписывает Дж. Серлу [Searle, 1983] с его «намерением-в-действии» – мы уже знакомы с этим понятием, когда обсуждали структуру намерений агента в первой главе.

В «Интенциональности» [Searle, 1983] Серл указывает, что интенциональные состояния могут иметь разное направление соответствия и «направление каузации» (“direction of causation”). Убеждения имеют направление соответствия и направление каузации «от мира к разуму», а намерения – «от разума к миру». Серл заимствует понятие «направление соответствия» из теории речевых актов Энском [Anscombe, 1957], где на основании подобного принципа разделяются, например, утверждения и приказы. Утверждения призваны верно отражать действительность, а приказы описывают положение дел, которое еще не имеет места, но должно иметь. Серл также иллюстрирует направления соответствия с помощью примеров интенциональных состояний, но он не проводит дальнейший анализ направления соответствия до более простых понятий – его построения ограничиваются аналогией с речевыми актами. Как и у речевых актов, у интенциональных состояний есть условия сатисфакции или выполнения (“conditions of satisfaction”). Утверждения верны (“are veridical”), если они отражают реальность, а приказы выполняются, если за ними следуют действия. В свою очередь убеждения также

«выполняются», если соответствуют положению вещей в мире, а намерения выполняются, если задуманное агентом действие происходит.

Но достаточно ли переложить понятие из теории речевых актов на интенциональные состояния, чтобы утверждать о типах состояний? Речевые акты имеют направление соответствия в зависимости от того, какие задачи решает говорящий. В примере Энском [Anscombe, 1957, p. 56] жена отправляет мужа в магазин и дает ему список продуктов. В магазине за мужем следит детектив, который составляет список продуктов, фактически купленных мужем. У двух списков (жены и детектива), то есть перечислений продуктов, разные направления соответствия, поскольку они были написаны для решения разных задач. Когда речь заходит о ментальных состояниях и их свойствах, обсуждается уже метафизическое различие, а не практическая роль. Кажется, для метафизического разграничения интенциональных состояний недостаточно сказать, что задача (работа) множества интенциональных состояний S заключается в том, чтобы A . Собственно, в нахождении базиса для разделения репрезентаций и заключается основная сложность для защитников нететических представлений об осведомленности о действии. Бейн предлагает функциональное различие между тетическими и телическими ментальными состояниями: «Тетический или телический статус состояния зависит от функциональной роли, которую состояние играет в когнитивной экономике, где оно имеет место» [Bayne, 2011a, p. 225].

Помимо направления соответствия, Серл различает интенциональные состояния в плане «направления каузации». Направление каузации фиксирует роли причины и действия у интенционального состояния и события во внешнем мире. Намерение-в-действии является причиной движения, а вспышка света является причиной возникновения соответствующего зрительного опыта. Так, направление каузации может идти «от сознания к миру» или «от мира к сознанию». Тем не менее, прибегнуть к объяснению разницы между видами интенциональных состояний через направление каузации нельзя. За намерением-в-действии не обязательно следовать действие, и отсутствие действия никак не сказывается на

свойствах намерения как интенционального состояния. В результате построения Серла при всем желании не смогли бы предложить альтернативу тому, что направление соответствия – примитивное свойство ментальных состояний.

1.3 Бейн против телического содержания

Возражая против телической модели Серла, Бейн анализирует сообщение У. Джеймса о пациенте с анестезированной рукой [Baune, 2008, p. 189], которое Серл приводит в «Интенциональности» [Searle, 1983, p. 89]. Джеймс описывает [James, 1905, p. 489] пациента с анестезированной рукой, которому завязали глаза и попросили поднять руку. В это время его руку придерживает другой человек, так что движение не происходит. В результате пациенту снимают повязку, и он видит, что его рука не поднялась. Серл полагает, что пациент будет переживать происходящее как неудавшуюся попытку: он пытался поднять руку, но не смог. Так, условия сатисфакции интенционального состояния не выполняются: намерение не привело к движению, и опыт агента, которыми и является намерение-в-действии, не «выполнился».

Бейн указывает на то, что во время поднятия руки пациент переживает то, как он поднимает руку (не учитывая сенсорного компонента), а не неудачную попытку подъема руки. Бейн настаивает, что случай Джеймса должен анализироваться телически: пациент имел опыт совершения движения в отсутствие движения – эта осведомленность не имела воздействия на мир, но у агента имелась репрезентация движения. Условия сатисфакции опыта не выполнены, потому что опыт агентности неверно репрезентировал мир. Заметим, что в данной ситуации выходит на поверхность та самая трудность учета осведомленности о действии, которая тянется в литературе еще с Л. Витгенштейна: когда агент совершает базовое движение, он не пытается сделать его, а просто-напросто делает. Уже поэтому введение некоторого содержания опыта, связанного с попытками, усложняется.

В статье «Чувство агентности» Бейн формулирует аргумент [Baune, 2011b, p. 364] против измененной версии телического подхода, которую могли бы предложить его защитники. Сторонник телической модели мог бы возразить, что в

опыте агента неверно репрезентировано движение, но к самой телической осведомленности о действии это не относится: ее условия сатисфакции выполняются, если команда к движению была дана. Для ответа воображаемому оппоненту Бейн реконструирует случай с манипуляцией, который мы анализировали в первой главе. Пусть злой нейроученый научился считывать намерения пациента совершать те или иные движения, и вызывает их напрямую с помощью стимуляции моторной коры. Тогда намерения пациента будут каузировать движения, но посредством действий другого агента – это приведет к манипулятивному аналогу отклоняющейся каузальной цепи. Бейн утверждает, что у пациента будет иметься опыт агентности и репрезентация движения, но условия сатисфакции опыта не будут выполняться. У агента будет намерение совершить движение, оно будет порождать движение, но неверным путем.

В «Чувстве агентности» Бейн также рассматривает три потенциальных возражения со стороны защитников телического подхода. Первое возражение касается того, что агентность не отделяется от опыта агентности таким же образом, как объекты восприятия отделимы от их репрезентаций. Подобную мысль высказывает Б. Моссель [Mossel, 2005, p. 134]. В ответе на это возражение Бейн вновь привлекает синдром анархической руки: движения «чужой» руки пациента крайне похожи на действия, и их некому приписать, кроме как обладателю руки. Тем не менее, эти действия не сопровождаются опытом агентности, и в итоге происходит искомая диссоциация. Ответ Бейна выглядит более чем странно в контексте каузальных теорий действия: для того, чтобы событие было действием, оно должно правильным образом каузироваться намерением агента. Намерение предполагает некоторую приверженность (“commitment”) со стороны агента к выполнению действия. Если впустить движения анархической руки агента в царство действий, туда попадут самые разные произвольные активности.

Второе гипотетическое возражение связано с тем, что за возникновением опыта агентности не стоит отдельный орган, как за другим сенсорным опытом. Бейн приводит в качестве контрпримера вестибулярные переживания. Он так же

мог бы обратиться к interoцепции или кинестетическим ощущениям – проблема относится, скорее, к физиологии восприятия, чем к философии сознания. Репрезентационное содержание не обязано быть связано со специальными органами: даже в самом базовом понимании фодорианские модули должны быть всего лишь выделены в когнитивной архитектуре агента, специализированы в вычислительном смысле. Так как Бейн не указывает на какие-либо работы, в которых предлагалось бы нечто подобное второму возражению сторонников телического подхода, ответы на него несколько излишни: вероятно, Бейн укрепляет защиту своей позиции.

Наконец, третье возражение обращает внимание на не-пассивность, характерную для переживаний агентности. Помимо упоминания контраста между действием и наблюдением, сформулированного О’Шонессе [O’Shaughnessy, 1967], Бейн приводит аналогичную мысль К. Корсгаард, которая считает, что опыт активности невозможен из-за пассивности опыта как понятия [Korsgaard, 1992, p. 317]. Третьему возражению Бейн отказывает на основании его общей неубедительности: почему агентность не может восприниматься пассивно, если мы выносим «пассивные» суждения об агентности [Bayne, 2011b, p. 370]? Критиковать третье возражение довольно легко, поскольку оно лишь взывает к интуициям читателя, не используя дополнительных доводов.

По итогам анализа доводов и возражений сторонников телической модели Бейн предлагает вариант компромисса: телическая модель может описывать попытки совершения действий [Bayne, 2011b, p. 365], но именно подлинные попытки, а не гипотетические воления в составе любого действия. Аргументы Бейна против модели Серла перестают работать в этих случаях: между опытом попытки и самой попыткой невозможно найти зазор для отклоняющейся каузальной цепи или неудачи. Тем не менее, Бейна в первую очередь интересует «ядро» опыта агентности, структура наиболее стандартного содержания осведомленности агента. Как и всегда, стандартом в области считаются базовые телесные действия.

1.4 Модель «тяги-толкай»

Наконец, третий и четвертый взгляды на структуру осведомленности о действии зарезервированы за подходом «тяги-толкай» [Bayne, 2011a, 2008]. Зарождение подхода «тяги-толкай» связано с работами Р. Милликан [Millikan, 1995], которая предположила, что у людей и животных существуют репрезентации с двумя направлениями соответствия. Сделаем оговорку: как и ранее, мы говорим о тождестве интенционального и репрезентационного содержания. Было бы логичным оставить за репрезентационным содержанием тетическую часть интенционального содержания, но о репрезентациях с не-тетическим направлением соответствия говорит не только Милликан, так что нам будет удобнее подстроиться под их терминологию и продолжить взаимозаменяемое использование терминов. Милликан приводит в качестве примера репрезентации с двумя направлениями соответствия танец пчелы: он одновременно указывает, что рядом есть нектар, и что другие пчелы должны лететь в его сторону. Бейн предполагает, что гипотетически возможны два вида состояний с обоими направлениями соответствия сразу: монадические и диадические [Bayne, 2011a]. Мы будем ставить им в соответствие две модели: монадическую и диадическую модели агентной осведомленности «тяги-толкай». В случае монадических репрезентаций два направления соответствия присущи одному и тому же содержанию, а в случае диадических – разному. Репрезентационное содержание танца пчелы Бейн называет диадическим: сами движения и подаваемые им команды представлены в нем отдельно. Примером монадической репрезентации будет произнесение фразы «Совещание начинается» – она одновременно открывает совещание и указывает на то, что оно начато. Высказывание или осведомленность, имеющие два направления соответствия, обладают двумя наборами условий сатисфакции: они могут не выполняться или не быть истинными.

В работе 2011 года «Опыт агентности как репрезентации „тяги-толкай“» Бейн выступает с защитой монадической модели «тяги-толкай» вместо тетической

модели. Примечательно, что в более ранней статье того же года Бейн упоминает модель «тяги-толкай» только в сноске, которая призывает читателя ознакомиться с еще не опубликованной статьей. К новой модели Бейн приходит через признание интуитивности телического подхода. Ранее мы видели, что Бейн признает телический анализ опыта совершения попыток, и таким образом не выступает против телического содержания вообще. В новой статье Бейн повторяет свои более ранние соображения о подходе Серла, но внезапно подмечает, что телический подход интуитивно привлекателен, и выбор модели осведомленности может осуществляться через сочетание телической и телической модели. Бейн не обращается к возражениям против телического подхода, от которых он защищался в «Чувстве агентности». Установить, что именно побудило Бейна изменить отношение к телическому содержанию, непросто.

Вероятно, Бейн был склонен в сторону модели «тяги-толкай» статьей Дж. Мура и П. Хаггарда «Осведомленность о действии: вывод и предсказание» [Moore, Haggard, 2008]. Цитируя эту статью видных исследователей чувства агентности [Bayne, 2011a, p. 229], Бейн замечает, что чувство агентности «возникает динамически» и основывается как на предиктивных механизмах, так и на когнитивных механизмах вывода. Мур и Хаггард описывают эксперимент по изучению интенционального связывания, где испытуемые фиксировали время произвольного движения с помощью «часов Либета». Эксперимент показал, что наличие связывания между движением и сигналом модулируется как степенью предсказуемости сигнала после движения, так и последовательностью событий, то есть движения и сигнала. Мур и Хаггард полагают, что в первом случае эффект обеспечивается предсказаниями испытуемого на основании предыдущих проб, а во втором случае на эффект влияет то, насколько осмысленным является расположение сигнала во времени относительно движения – чтобы связывание имело место, сигнал должен быть последствием движения. Эта работа относится к ряду статей, которые привели к возникновению теории интеграции сигналов,

согласно которой низкоуровневое чувство агентности (или ощущение агентности) формируется в результате наложения самых разных когнитивных процессов.

В какой степени Бейн может опираться на интеграцию сигналов в своем исследовании структуры опыта агентности? Интенциональное связывание позволяет понять, что действия агента искажают его восприятие, меняют репрезентационное содержание. Статья Мура и Хаггарда примечательна тем, что в ней измеряется сдвиг во времени движения, но не сигнала – сдвиг движения не дискредитирован сведением эффекта связывания к предсказуемости событий в эксперименте. Произвольное движение всегда является одинаково предсказуемым, если агент здоров и способен совершать его без усилий. У Мура и Хаггарда сдвиг движения имел место даже в тех пробах, когда сигнал отсутствовал, но звучал в большинстве соседствующих проб. Искажение восприятия испытуемого складывалось из предвосхищения сигнала, основанного на подготовке произвольного движения, и соответствии между движением и сигналов как каузально связанными событиями. Мур и Хаггард пишут, что источники осведомленности о действии «переключаются по мере того, как происходит действие» [Moore, Haggard, 2008, p. 143]. Бейн приводит это утверждение как довод в пользу модели «тяги-толкай», ставя в соответствие предиктивному компоненту телическое содержание, а инференциональному (или выводному) – тетическое содержание. Этот ход по меньшей мере нетривиален и требует дополнительного обоснования. Предиктивный компонент обязан своим названием тому факту, что при достаточной предсказуемости сигнала из-за внешних обстоятельств контроль над действием побуждает агента неосознанно строить сильные предсказания после выбора момента движения. Ни само предсказание, ни вызванное предсказанием изменение восприятия сами не теличны, хотя могут быть связаны с телическим содержанием: предсказуемость основана именно на активности агента.

Эмпирические исследования чувства агентности в отношении телесных действий показывают лишь то, что действие меняет содержание опыта, но не дает вывести, какое направление соответствия и в какой части имеет этот измененный

опыт. Аргументация Бейна выглядела бы более убедительно, если бы он пытался в очередной раз уловить контраст между двумя случаями осведомленности. Впрочем, так как Бейн защищает монадический подход «тяги-толкай», подобный контраст не может возникнуть, поскольку два направления соответствия свойственны одному и тому же содержанию. Разложение опыта агентности на предиктивный и инференциальный компоненты не происходит из-за открытия двойственности механизмов, порождающих этот опыт.

1.5 Осведомленность о ментальных действиях

На нашем пути мы постоянно сталкивались с тем, что философия действия и науки о мозге исторически уделяют намного больше внимания телесным действиям, чем ментальным. Чтобы разработать общую теорию агентной осведомленности, следует рассмотреть и ментальные действия. Осведомленность о ментальных действиях является препятствием к сведению агентной осведомленности к опыту телесных движений и к суждениям о них. Кроме того, сопоставление осведомленности о ментальных и физических действиях может помочь нам в разборе структуры агентной осведомленности на части – возможно, даже без привлечения данных о пациентах.

В чем заключается разница между осведомленностью о физических и ментальных действиях с точки зрения их структуры и содержания? Ответ на данный вопрос далеко не прост, на что указывают некоторые данные, касающиеся кинестетического представления движения – ментального действия, особенно близкого к физическому. В предыдущих главах мы уже имели дело с представлением движений. Вспомним, что М. Дженнерод предложил теорию моторной симуляции [Jeannerod, 2001, 1994], которая утверждает, что кинестетически представленные движения на самом деле являются заторможенными движениями. Это торможение является неполным, поскольку воображаемые движения могут вызывать остаточную мышечную активность [Guillot et al., 2007].

Дженнерод рассматривает движения и их представление как части континуума действий, а не как два разных набора действий [Jeannerod, 2006a, 1994]. Данный тезис Дженнерод называет "гипотезой непрерывности" [Jeannerod, 1994, p. 190]. Он основан на утверждении о том, что активация моторных областей при представлении может в разной степени приводить к физическому движению. Движение не выполняется в полной мере, если эфферентная команда (команда к движению) блокируется на том или ином этапе выполнения движения. Пусть на физиологическом уровне движения и их представление очень близки, и существует континуум действий между воображаемым и физическим движением, но имеет ли место подобный континуум для осведомленности агентов?

Кажется, ничто не мешает нам допустить непрерывность и для агентной осведомленности о физических и ментальных действиях. Если переход между этими типами осведомленности является плавным, то наши интуитивные представления о различии между ментальными и физическими действиями окажутся во многом ошибочными. Намерения и переживания, связанные с представлением и совершением движения, отличались бы по сути своей меньше, чем, скажем, представление яблока и его восприятие. Физичность действия была бы просто свойством, определяемым мышечной активностью или наличием сенсорных результатов действия. Для того, чтобы континуум осведомленности существовал, и структура, и содержание осведомленности должны быть совместимы для двух видов действий. Если же, напротив, гипотеза непрерывности для агентной осведомленности ложна, то это могло бы показать, что различия между ментальными и физическими действиями являются неотъемлемыми ("intrinsic"). В этом случае стоит ожидать, что тип действия, которое человек намеревается совершить, был бы непосредственно ему доступен.

Рассмотрим намерения агента при обычном физическом движении и кинестетическом представлении движения. Кажется, что с точки зрения намерений эти действия явно различны: когда мы совершаем движение или просто представляем его, мы заранее намереваемся и непосредственно делаем весьма

разные вещи. Имеет место разница как между предварительными намерениями, так и намерениями-в-действии. Как мы можем спутать осознанное представление и реальное движение, учитывая такую резкую дистанцию для обеих разновидностей намерений? Тем не менее, предположение о контрасте основано на повседневном опыте, а агентная осведомленность имеет и другие составляющие, помимо сознательных намерений. Вполне вероятно, что в отдельных случаях граница между реальными и воображаемыми движениями более размыта, как в случае моторного воображения у ампутантов. М. Лотце и коллеги утверждают, что большинство испытуемых с ампутированными конечностями спонтанно сообщали об ощущении движения во время моторного воображения с участием фантомной конечности [Lotze et al., 2001]. Такие переживания имели место несмотря на то, что согласно заданию, они намеревались представить движение. Таким образом, даже если телический компонент осведомленности разводит два действия, другие части осведомленности могут пересекаться. Поскольку разница между воображаемыми и реальными движениями может быть размытой, моторное воображение является одновременно и ментальным действием, и действием, близким к обычным движениям без нормальной сенсорной обратной связи.

Чтобы проверить гипотезу непрерывности, было бы перспективно сравнить осведомленность агентов о полноценных движениях, представлении движений и о некоторых гипотетических действиях между ними, полученных в экспериментальных условиях. В литературе встречаются сообщения о попытках совершать движения, которые предпринимают парализованные пациенты или ампутанты [Bai et al., 2020; Ofner et al., 2019]. Пациенты намереваются и пытаются совершить движение, но их усилия не приводят к успеху из-за паралича или из-за отсутствия конечности. Трудно сказать, являются ли эти попытки физическими или ментальными действиями - они будто бы находятся где-то посередине. Изучение моторных попыток требует либо участия парализованных пациентов или ампутантов, либо применения неприятных полуинвазивных процедур, таких как прием нейромышечных блокаторов [Blokland et al., 2015]. Более того,

парализованные пациенты и ампутанты не могут выполнять успешные движения, соответствующие попыткам, а здоровые испытуемые в условиях мышечной блокировки неспособны быстро переключаться между обычными движениями и промежуточной активностью, что затрудняет их сравнение. Корректному контрастированию помогла бы промежуточная моторная задача между движениями и представлением, которую могут выполнять здоровые люди без каких-либо вмешательств.

Вероятно, такая моторная задача существует. В 2008 году В. Никулин и коллеги [Nikulin et al., 2008] описали квазидвижения - моторно-когнитивную задачу, родственную обычным физическим движениям. Квазидвижения получаются путем уменьшения амплитуды движения до такой степени, что они не вызывают почти никакой мышечной активности, что подтверждается отсутствием заметного электромиографического (ЭМГ) ответа в мышце, отвечающей за движение. ЭЭГ-данные подтвердили, что испытуемые действительно совершали определенные действия в указанное время. Мозговая активность в этой задаче по своему пространственному и временному паттерну была схожа с той, что наблюдается при обычных движениях и их представлении. Согласно опросу, с точки зрения испытуемых квазидвижения были близки к моторному воображению. Никулин и коллеги предполагают, что квазидвижения являются частью континуума действий между движениями и их представлением, но в литературе представлены свидетельства против этого в виде отчетов испытуемых [Yashin et al., 2023].

Рассмотренные выше сведения не приводят нас к каким-либо конкретным выводам о структуре осведомленности агента. Тем не менее, с ними может быть связана перспективная линия исследований. Основная проблема изучения опыта агентности заключается в том, что он плохо отделен от сенсорных ощущений, связанных с движениями. Противопоставляя обычные движения, их представление и либо попытки пациентов, либо квазидвижения, возможно изучить разницу между агентной осведомленностью о физических и ментальных действиях. Определение

структуры опыта при совершении физических и ментальных действий – еще одна философская проблема, которая могла бы выиграть от использования эмпирических данных. Не в последнюю очередь эти данные будут иметь вид субъективных отчетов и оценок: чтобы описать опыт в определенных обстоятельствах, бывает важно получить такой опыт и обобщить его на выборке испытуемых.

1.6 Fr-позиция относительно ощущения агентности

Подведем промежуточные итоги обсуждения. Все приведенные выше соображения и модели имеют дело с тем, как устроено ощущение агентности по М. Синофзику и коллегам [Synofzik et al., 2008] или опыт агентности по Бейну и Э. Пашери [Bayne, Pacherie, 2007]. Телическая модель и модели «тяги-толкай» пытаются разместить ощущение агентности в множестве ментальных состояний, не вводя дополнительное низкоуровневое репрезентационное содержание. Первая проблема этих моделей состоит в том, что они усложняют репрезентационализм в отношении ментального содержания: понятие репрезентации, поддерживающее телическое направление соответствия, должно быть аккуратно определено и соотнесено с опытом агента. Сами по себе директивные репрезентации не создают особых проблем, если говорить сугубо об их функции в рамках вычислительной модели разума. В своей книге «Репрезентация в когнитивной науке» [Shea, 2018, p. 177] Н. Ши предлагает собственный вариант разделения репрезентаций с разными направлениями соответствия, но это разделение не связано с содержанием сознания. В когнитивной науке обсуждаются моторные репрезентации, которые кодируют параметры движений, но вопрос об их представленности в сознании поднимается редко. В третьей главе мы рассматривали взгляд Дженнерода на осознание моторных репрезентаций как кинестетических образов, т.е. чувственных образов с тетическим, а не телическим направлением соответствия.

Вторая проблема обусловлена методологической вольностью дискуссии: в ней нет оформленного набора инструментов для выявления искомой структуры содержания опыта. Мы сталкивались с аналогией Серла, проецирующей на опыт

понятия из философии языка, с попытками использования эмпирических данных Бейном и с давлением на феноменологические интуиции – но у нас нет гарантии, что эти линии сходятся в одном месте, на одном понятии «интенциональной структуры» опыта агентности. То, что мы тем или иным образом описываем условия сатисфакции для перцепций и действий, не должно значить, что соответствующий им субъективный опыт различается коренным образом. Мы можем списать эти различия в условиях сатисфакции на функции соответствующих репрезентаций. Механизмы возникновения опыта агентности обнажают машинерию, порождающую репрезентации предсказания и последствий действия, но ничего не говорят о характере опыта. Феноменологические интуиции необязательно совместимы с репрезентационалистской установкой: они могут предлагать взгляд на интенциональность, который не позволит ее натурализовать. В итоге мы предполагаем, что аналогия между высказываниями и опытом в целом работает и напоминает то, о чем говорит феноменологическая аргументация, а последняя может быть приведена в рамках репрезентационализма в отношении ментального содержания.

Как и в дискуссии о проприетарной феноменологии агентности, сложность проблемы усугубляется тем, что опыт агентности ускользает от интроспекции. Бейн в очередной раз вспоминает об этом, защищая модель «тяги-толкай»: сторонники телического и телического подходов имеют схожий опыт, но стоят на своем, и уже поэтому вряд ли интроспекция будет обладать решающей ролью в дискуссии [Bayne, 2011a, p. 225]. Впрочем, Бейн не отказывает интроспекции в какой-либо информативности: она может теоретически быть способна отличить направление соответствия содержания так же, как она способна отличить пропозициональные отношения: например, *восприятие того, что P*, и *представление того, что P*. Границу между представлением и восприятием возможно провести не всегда [Dijkstra, Fleming, 2023]: в определенных условиях испытуемые путают стимулы с их представлениями. Допустим, при прочих равных это не так, но нам нужно учесть, что намеренное представление – это ментальное

действие. Когда агент представляет, что Р, он не отличает это представление от перцепции с помощью интроспекции – он заведомо знает, что представляет Р, потому что сам это делает, а не обнаруживает себя в таком состоянии. Нечто похожее имеет место для действий вообще: осведомленность о действии устроена так, что в нее бессмысленно вглядываться.

Примечательно, что в литературе по интроспекции вопрос о различимости структуры содержания не обсуждается: ближайшей параллелью здесь будет дискуссия о том, совместим ли опыт агентов с компатибилизмом в отношении свободы воли. Кажется, в отличие от случая с Ph-позицией, вопрос интроспективного доступа к направлению соответствия опыта не обязан сводиться к продавливанию позиций. Сторонники тетического подхода (например, Хорган и коллеги) не интересуются структурой опыта, и воспроизводят тетическую позицию по умолчанию, копируя ее с сенсорного и аффективного опыта. Подбор корректных формулировок, которые позволили бы эффективно поставить вопрос о структуре опыта агентности, могли бы просто сместить внимание исследователей и породить некое интроспективное согласие.

Исследователям не следует возлагать слишком больших надежд на интроспекцию. У них остается две других стратегии. Во-первых, информативным может быть рассмотрение патологических случаев в попытках найти «разлом» в опыте пациентов – вернее, предложить такой разлом в рамках правдоподобного описания их опыта. Пациенты не смогли бы помочь Бейну в защите монадической модели «тяги-толкай»: если два направления соответствия имеет одно и то же содержание, то разлому возникнуть негде. В случае диадической модели «тяги-толкай» такой разлом может обнаружиться и обнажить отдельное телическое содержание. Во втором параграфе мы предпримем попытку найти подобный разлом в действиях пациентов с деафферентацией.

В арсенале исследователей есть другое средство, помимо пациентов – необычные действия, отличные от нормальных телесных движений, но близкие к ним. Телесные движения представлены в сознании целостно и непрозрачно.

Кинестетическое представление движения, а также другие когнитивные и моторные задачи могли бы проявить особенности опыта действия при контрасте с обычными движениями. К таким задачам относятся, в частности, квазидвижения и попытки совершения движения парализованными пациентами или ампутантами. Так или иначе, откровения о переживаниях действия не снисходят при рассмотрении обычных движений – разнообразие позиций исследователей в вопросах содержания и структуры опыта агентности говорит именно об этом.

Далее мы детально рассмотрим позицию в отношении структуры опыта агентности, которую Бейн упускает в своем обзоре. Ее еще в 1970-е годы предложил американский философ К. Бах в рамках своей теории действия. Бейн упоминает введенное Бахом понятие «эффективной репрезентации» [Baune, 2011a, p. 226], приводя примеры авторов, которые расширили понятие репрезентации через придание ему исполнительных функций в совершении движений. Теория Баха предлагает вариант, напоминающий диадическую модель «тяги-толкай», но на деле он иначе объединяет тетическое и телическое содержание, так что опыт агентности состоит из двух частей, сменяющих друг друга во времени. Кроме того, теория Баха сводит вопрос об устройстве опыта агентности с теорией действия: репрезентации с разными функциональными ролями включены в каузальное устройство действия и накладывают условия на определение действия. Мы увидим, что построения Баха, во-первых, хорошо вплетаются в дискуссию о структуре опыта агентности, а во-вторых, могут быть усилены с помощью определенных модификаций.

§2. Репрезентационная теория действия К. Баха

Кент Бах – почетный профессор Университета штата Калифорния в Сан-Франциско [PhilPeople: Kent Bach]. В 1968 году Бах защитил диссертацию по теме «Две проблемы восприятия» в Калифорнийском университете в Беркли. Научным руководителем Баха был логик и историк философии Б. Мейтс. Будучи философом с широкими интересами, Бах исследовал вопросы эпистемологии, философии языка, действия и сознания, этики и эстетики. В списке работ Баха имеется даже

статья, посвященная философии вина [Vach, 2007]. Философия действия не была основным направлением исследований Баха, тем не менее, он успел внести в нее вклад благодаря введению понятия «минимального действия».

В статье 1978 года «Репрезентационная теория действия» [Vach, 1978] Бах предложил новую теорию действия, представляющую собой глубокую модификацию стандартной модели каузальных теорий действия (КТД). Согласно замыслу, его теория должна решить проблему отклоняющихся каузальных цепей и произвести учет минимальных действий, которые мы уже упоминали в первой главе. Бах считает, что действия отличаются от других событий не только причинами их инициации, но и тем, как они контролируются, и как их совершение переживается агентом. Эти требования предполагают последовательное возникновение у агента двух компонентов осведомленности о действии: представления готовящегося движения и ощущения его сенсорных последствий.

При подготовке требований к осведомленности агента Бах, как и многие ссылается на О'Шонесси, доказывающего существование отчетливой феноменологической разницы между наблюдением и совершением действия [O'Shaughnessy, 1967]. В прошлой главе мы упоминали О'Шонесси как первого автора, который ввел термин «чувство агентности», сделав это задолго до Галлахера. По Баху движения могут считаться действиями только в сопровождении определенных ментальных состояний, и он доказывает, что минимальные действия удовлетворяют этому критерию, а движения с отклоняющимися каузальными цепями – нет. Для этих ментальных состояний характерна не проприетарная феноменология агентности, а особая структура, выраженная в направлении соответствия. В смысле структуры осведомленности репрезентационная теория следует комбинации из тетической и телической модели, но как мы увидим, она отдельно вводит эти компоненты осведомленности о действии. Эти компоненты обеспечиваются двумя видами репрезентаций. Согласно теории Баха, оба компонента должны занимать определенные места в каузальной структуре действия для возникновения полноценного опыта агентности.

2.1 Структура действия по Баху

Согласно РТД, действие представляет собой набор циклов из эффективной («effective») репрезентации, фрагмента поведения – то есть движения – и рецептивной («receptive») репрезентации [Bach, 1978, p. 361]. Возникновение репрезентации подразумевает переход агента в некоторое интенциональное состояние. Так, действие обязательно включает в себя как физические, так и ментальные события. Рецептивная репрезентация (РР) отображает то, что агент уже сделал, а именно кинестетический и сенсорный результат движения. Если агент поднял руку и коснулся потолка, он может проприоцептивно ощутить и увидеть положение руки, и он тактильно чувствует твердость потолка. Эффективная репрезентация (ЭР) – это указание к движению, ее содержание отвечает движению, предписанному к свершению («to be done»). Когда агент открывает дверь, это протяженное во времени действие сопровождается чередованием двух видов репрезентаций: первые являются командами к движению – повороту ключа или дверной ручки, другие – подтверждениями того, что движения выполнены корректно. Согласно РТД, без этой последовательности репрезентаций нельзя назвать открывание двери действием.

Бах формулирует условие для каузальной структуры действия. Чтобы набор событий был действием, в последовательности репрезентаций и фрагментов поведения агента каждая ЭР должна быть причиной соответствующего ей фрагмента поведения, он – причиной появления представляющей его РР, а она в свою очередь – причиной возникновения последующей ЭР, если в действии несколько циклов. В итоге действие – это устроенная определенным образом последовательность событий, между членами которой имеют место каузальные связи. Заметим, что при вычеркивании из каузальной структуры действия РР репрезентационная теория становится обычной каузальной теорией в согласии с определением Агилара и Букарефф [Aguilar, Buckareff, 2010, p. 1], то есть переходит к стандартной модели. Строя свою теорию, Бах надеется решить проблему отклоняющихся каузальных цепей. Его итоговое решение состоит в том,

что в примерах с отклоняющимися каузальными цепями условие для каузальной структуры действия не соблюдается: например, в знаменитом примере с альпинистом Д. Дэвидсона ослабление хватки альпиниста не вызывается соответствующей эффективной репрезентацией.

С другой стороны, Бах старается учесть в своей теории минимальные действия, которые, как он полагает, небрежно отбраковываются КТД. Следует заметить, что, похоже, именно Бах первым ввел понятие минимального действия. Согласно РТД, минимальные действия оказываются полноценными действиями, поскольку их совершение происходит при участии РР и ЭР, пусть для них и характерен низкий уровень осведомленности агента. Бах не углубляется в подробности того, как именно репрезентации размещаются в когнитивной архитектуре агента, если его внимание направлено не на действие. Скорее, в статье предлагается взгляд на действие как на способность организма, о которой следует говорить и без рационального агента, вдумчиво совершающего движения. Согласно подобному взгляду, движения животных или детей тоже являются действиями.

Стоит обратить отдельное внимание на то, в каком смысле Бах употребляет понятие «репрезентация». Он пишет, что считает это понятие лучшим из набора альтернатив, понимая при том, насколько свободно его используют другие авторы: «Осведомленность (“awareness”) и опыт (“experience”) казались мне слишком аморфны, менее привязаны к конкретным моментам времени и объектам, «идея» - слишком интеллектуализированным понятием, а «образ» (“image”) – слишком визуальным» [Vach, 1978, p. 366]. Понятия РР и ЭР все же поясняются с привлечением слова «осведомленность»: «... репрезентация – это осведомленность о том, что...» [Vach, 1978, p. 366], то есть репрезентация есть осведомленность об определенном событии в определенный момент времени. Уровень осведомленности зависит от конкретного действия: некоторые из них требуют минимальной осведомленности. Также Бах пишет, что действие подразумевает «переживание («experience») того, что делается» [Vach, 1978, p. 366], а

рецептивные репрезентации включают в себя зрительные, тактильные и прочие ощущения. Имея чувственное содержание, репрезентации не реализованы с помощью языка, хотя мы используем язык для их обсуждения.

Применяя свою теорию к минимальным действиям, Бах не раз замечает, что эти действия совершаются неосознанно. Понятие сознания, которое использует Бах, отталкивается от наличия у агента мыслей-токенов с содержанием, соответствующим содержанию репрезентаций: «... я чувствую, что у меня чешется спина, хотя и не осознаю этого (я не думаю о том, что она чешется, и не думаю об обратном)» [Vach, 1978, p. 369]. Подобным образом сознание определяет, например, Д. Розенталь, когда пишет, что «осознанные состояния – это просто ментальные состояния, о нахождении в которых мы осведомлены» [Rosenthal, 1986, p. 329]. Если вместо такого понятия применительно к сопровождающим действия репрезентациям говорить о феноменальном сознании или сознании доступа [Block, 1995], общая доля «неосознанных» репрезентаций уменьшится из-за отмены требования мета-осведомленности – осведомленности о нахождении в ментальном состоянии.

Помимо замечания о неосознанности, Бах утверждает, что репрезентации, сопровождающие действие, не обязаны обеспечивать «чувства агентности» у субъекта. Бах заимствует термин «чувство агентности» у О'Шонесси и использует его подобно более позднему термину «суждение об агентности», о котором мы говорили при обсуждении моделей чувства агентности. Для Баха наличие чувства агентности – это возникновение у агента мысли о том, что он является автором действия. Он пишет, что «некоторый компонент чувства агентности обязателен для действия» [Vach, 1978, p. 365]: агент обязан иметь какую-то осведомленность о том, что он делает и будет делать в ближайшем будущем, то есть иметь РР и ЭР соответственно. Так, если говорить о чувстве агентности в современном понимании, действия по Баху предполагают его наличие.

2.2 Необходимость рецептивных репрезентаций

Репрезентационная теория Баха весьма требовательна к действиям – в частности, в отличие от стандартных вариантов КТД, она запрашивает исправную обратную связь для агента. Насколько оправданным является такое требование и чем оно вызвано? Бах считает, что, во-первых, без РР агент был бы неспособен контролировать действие, которое он уже совершает, а во-вторых, не смог бы перейти к следующему действию. Если рассматривать действие как протяженную во времени последовательность событий, такой взгляд кажется вполне убедительным.

В любой момент времени агент продолжает действовать на основании того, что он уже проделал до этого. Когда агент наливает воду в стакан из графина, в ходе этого действия он должен быть на некотором уровне осведомлен о том, насколько наклонена его рука и насколько наполнился стакан, чтобы остановить его наполнение вовремя. Далее, чтобы перейти к другому действию и поставить графин на стол, он ждет, когда будет достигнут результат действия, то есть стакан визуально наполнится. То же самое относится к самым простым действиям, например, поднятию руки или нажатию на кнопку – пусть они кажутся точечными, их нужно корректно начать и завершить. Соображение Баха о необходимости РР исходит из феноменологических наблюдений за тем, как агент совершает действие, но даже в большей степени оглядывается на общие сведения о моторном контроле. Подобное рассмотрение отличается от обычных построений КТД, где движение будто разворачивается само собой после его инициации. Совершение действия – это набор из многих событий или процесс, что может побуждать исследователя уделять внимание действию от начала и до конца при построении теорий.

Не исключено, что требование наличия РР результата движения, которое Бах предъявляет к действию, оказывается слишком строгим. Критиковать это требование, обращаясь к обычным действиям, непросто: здоровый человек в нормальных условиях исправно получает обратную связь при совершении движений, нам сложно рассуждать о жизни без нее. Сможет ли вообще агент не

просто инициировать, а провести и завершить движение без обратной связи? Кажется, наиболее простым и серьезным возражением был бы эмпирически зафиксированный пример того, как человек намеренно и относительно контролируемо совершает движение без РР. Далее мы рассмотрим поведенческие данные о пациентах с деафферентацией как пример, показывающий, что движения, достойные называться полноценными действиями по Баху, возможны без РР. Этот пример будет использован и в дальнейших рассуждениях об осведомленности агентов. Мы уже упоминали деафферентацию в прошлой главе, но теперь нам стоит подробнее остановиться на исследованиях этого заболевания.

Деафферентация – это нарушение работы афферентных нервов, приводящее к ухудшению или полному отсутствию чувствительности в определенной части тела. Пациент с деафферентацией конечности теряет тактильные ощущения и проприоцепцию – возможность чувствовать положение конечности в пространстве. Чтобы совершать многие бытовые задачи, пациенту приходится зрительно отслеживать выполнение движений, а если ему завязать глаза, пациент перестает получать какую бы то ни было информацию о том, в каком положении находятся деафферентированные части тела. Эксперименты с привлечением таких пациентов часто посвящены исследованию их поведения в отсутствие зрительной информацией (то есть с завязанными глазами). Существует множество подтверждений тому, что пациенты способны совершать самые разные движения в этом состоянии. Дженнерод [Jeannerod, 2004] приводит исследования пациентов с деафферентацией в доказательство эндогенности действий, способности организма порождать их без каких-либо внешних стимулов. Дж. Ротвелл и коллеги [Rothwell et al., 1982] работали с пациентом, лишившимся афферентации во всех конечностях – несмотря на это, он совершал множество разных точных движений вслепую, и в том числе рисовал фигуры в воздухе пальцем. В. Нужье и коллеги [Nougier et al., 1996] исследовали способность пациентов указывать на статичную цель после того, как им завязывают глаза. В отсутствие зрительной информации испытуемые указывали на цель со значимо большей ошибкой. После первой попытки

экспериментатор просил испытуемого опустить руку и указать на цель снова, и это задание повторялось несколько раз. С каждой попыткой рука отклонялась от цели все дальше, но изначальная зрительная информация, полученная до наложения повязки, была достаточна для выполнения задания. Авторы показали, что в таких условиях пациент не направляет руку непосредственно к воображаемой цели, но поднимает ее с амплитудой, вычисленной на основании расстояния между целью и исходной позицией руки. Изначальная зрительная оценка расстояния позволяет приблизительно рассчитать достаточное усилие.

Являются ли первые попытки пациента указать на цель действиями? В приведенных примерах пациент выступает в роли рационального агента, наличие у него желания или намерения указать на цель не вызывает сомнений. Относительный успех пациента нельзя полностью списать на удачу, он не достигается благодаря отклоняющейся каузальной цепи. И все же с точки зрения РТД такое движение не является действием: агент не имеет каналов обратной связи, у него не возникает РР результата действия. Обратим внимание на то, что пациент способен приблизительно представить себе результат действия и рассчитывает амплитуду движения, ориентируясь на этот результат. Базируясь на том, что результат достигнут, пациент инициирует новое движение – опускает руку, а затем снова указывает в направлении цели. Многократное повторение попыток приводит к тому, что представление результата перестает соответствовать реальному результату действия, но подобная расходимость мало касается первых попыток. По прошествии времени вопрос о том, являются ли движения пациента действиями, встает более остро, но для первых попыток представление пациента о достигнутом результате заменяет РР в теории Баха. Это представление, вычисленное агентом на основании более ранних данных об обстановке, возможно назвать реконструкцией РР.

О содержании реконструированной таким образом РР известны некоторые эмпирические сведения. А. Тер Хорст и коллеги исследовали моторное воображение у пациента с деафферентацией [Horst ter et al., 2012]. У здоровых

людей кинестетическое содержание является отличительной особенностью воображения движений тела. Пациент же был способен представлять себе движения тела, но использовал зрительные репрезентации в значительно большей степени, чем кинестетические – после масштабной потери проприоцепции моторное воображение постепенно приближается к обыкновенному воображению внешних объектов. В свете этого следует говорить в первую очередь о представлении результата движения посредством обработки зрительных данных.

Не стоит ли назвать удачей приблизительное совпадение реконструированной РР и реализованного движения? В отсутствие обратной связи может иметь место ситуация, рассмотренная Джеймсом в «Принципах психологии» – мы уже имели с ней дело, когда обсуждали телическую модель осведомленности о действии. Анестезия, как и деафферентация, препятствует поступлению кинестетических и тактильных данных – с повязкой на глазах пациент более не знает о положении руки. Если попросить пациента поднять руку, но придержать ее без его ведома, пациент все равно будет думать, что у него беспрепятственно получилось поднять руку. То же самое относится и к пациентам с деафферентацией: агент не будет знать о вмешательстве, которое прерывает движение. В таком случае реконструкция РР окажется не соответствующей действительности при полной аналогичности всех внутренних событий.

Несмотря на возможность подобной ситуации, пациент реконструирует РР на вполне надежных основаниях. Пациенты с деафферентацией в общем и целом умеют задействовать нужные мышцы и дозировать усилие для совершения движения. На этой способности держится и умение поднимать руку с определенной амплитудой, продемонстрированное в эксперименте Нудье и коллег. В случае с многократным повторением попыток использование представления становится все менее и менее обоснованным, но нам достаточно хоть каких-либо действий для контрпримера к позиции Баха. Примечательно то, как такое дозирование переживается самими пациентами. Н. Тисдейл и коллеги [Teasdale et al., 1993] показали, что известная пациентка GL с деафферентированной рукой умеет

прилагать разные доли от своего максимального усилия в изометрическом упражнении. В опросе пациентка утверждала, что не ощущала утомления или физического усилия при выполнении упражнения. Более того: GL «не могла охарактеризовать внутренний процесс» [Lafargue et al., 2003, p. 2748] при выполнении упражнения – растягивая пружину больной рукой, она пыталась «сделать то же самое», что и здоровой.

Требование репрезентационной теории действия, согласно которому рецептивная репрезентация необходима для действий, является слишком жестким. Представление о результате движения, которое способны получать пациенты с деафферентацией с завязанными глазами, выполняет функцию, аналогичную функции РР – оно позволяет агенту приблизительно рассчитывать характеристики движений и переходить к следующему движению на основе полученных расчетов. Фактически моторный контроль у пациентов заменяется метакогнитивным. Важно заметить: реконструкция результата движения не замещает РР в каузальной структуре действия по Баху, она лишь идет навстречу соображениям, из-за которых РР были введены как обязательные части действия. Приведенный пример с деафферентацией показывает, что, если агент не имеет РР движения, оно все равно может считаться действием. Означает ли это, что РТД несостоятельна, и при ослаблении требований она естественным образом преобразуется в КТД, где ЭР играет роль «ментального элемента», каузирующего фрагмент поведения?

Одним из преимуществ теории Баха является рассмотрение минимальных действий. Выше мы не разбирали вопрос о том, могут ли минимальные действия обходиться без РР: все указанные действия пациентов были намеренными. Допустим, пациент совершает ненамеренное движение – будет ли оно действием? РТД требует некоторой осведомленности о действии, и в данном случае ее потенциально способна обеспечить только ЭР. Чтобы выяснить, возможно ли это на деле, нам придется подробнее рассмотреть особенности ЭР и их отличия от РР. Изучив данный вопрос, мы сможем переформулировать каузальную структуру РТД

так, чтобы она учитывала и минимальные действия, и совершенные вслепую действия пациентов с деафферентацией.

2.3 Эффективные репрезентации

Наиболее сложным шагом для Баха является разграничение эффективных репрезентаций (ЭР) и рецептивных репрезентаций (РР). Выше было упомянуто, что ЭР является указанием к движению, а РР отображает результат движения. Но что под этим имеется в виду? В статье Бах признается, что не знает надежного способа дать определение ЭР без логического круга. Двум типам репрезентаций соответствует разная грамматическая форма. Форма ЭР такова: «*пусть е произойдет*» («*e to occur*») - а форма РР выглядит так: «*е происходит*» («*e occurring*») [Bach, 1978, p. 368]. Сами репрезентации не содержат слов, поэтому речь идет об их вербальных эквивалентах. Кроме того, разница не должна сводиться к тому, какую каузальную роль репрезентации играют в структуре действия: за ЭР не всегда обязательно следовать движение.

Содержание ЭР не отличается от содержания рецептивных репрезентаций: Бах пишет, что команды к действию имеют чувственное («*sensuous*») содержание и включают кинестетический образ движения. В одной из сносок он прямо указывает на идеомоторную теорию Джеймса, которая – согласно интерпретации Баха – предвосхитила понятие эффективной репрезентации [Bach, 1978, p. 374]. Здесь нужны уточнения, касающиеся как содержания, так и «чувственности» ЭР. Во-первых, обыденный опыт пациентов с деафферентацией показывает, что процесс совершения движений может опираться и на зрительный образ результата действия вместо кинестетического, что мы видели при обсуждении чувства агентности. Так или иначе, это замечание лишь сближает ЭР и РР в смысле содержания. Во-вторых, в статье с чувственным содержанием репрезентаций связана одна особенность словоупотребления. Для ЭР Бах резервирует слово «*represent*», то есть мы репрезентируем результат действия, в то время как РР сопряжены со словом «*feel*». Кажется, Бах не хочет сказать, что мы ощущаем ЭР, пусть они и имеют чувственное содержание. Достаточно часто содержание РР нам

доступно: речь об обычных сенсорных результатах действия. В свою очередь ЭР Бах называет «осведомленностью о последующем движении» [Bach, 1978, p. 366], хотя для ЭР характерна неосознанность, то есть мы не можем подумать о том, что репрезентируем готовящееся действие. В итоге осведомленность, предлагаемая вместе с понятием ЭР, не имеет ясного статуса, что дополнительно затрудняет нахождение определения. Вероятно, аккуратный обход Бахом утверждения о том, что агент полноценно представляет кинестетический образ действия перед движением, является реакцией на критику идеомоторной теории со стороны Витгенштейна (см. [Мишура, 2015a]) и других авторов. Интроспективные наблюдения не обнаруживают посреднических кинестетических образов перед действиями, поэтому для убедительности ЭР должны значимо отличаться от опыта или репрезентаций в их обычном понимании. Бах не разрабатывает достаточного аппарата для преодоления недостатков идеомоторной теории.

ЭР и РР как предположительные ментальные состояния должны иметь разную форму, им должна быть присуща разная представленность одного и того же содержания. Проблема заключается в том, чтобы охарактеризовать это различие формы. Далее мы будем говорить о репрезентациях Баха как о интенциональных состояниях с двумя типами структуры: проблема, с которой он сталкивается, аналогична рассмотрению разных вариантов структуры осведомленности о действии. Так, мы впишем теорию Баха в дискуссию, рассмотренную в первом параграфе. ЭР напоминают состояния, имеющие телическую интенциональную структуру: они не отражают действительность, а направлены на активное преобразование мира вокруг. Э. Пашери утверждает [Pacherie, 2006, p. 147], что ЭР по Баху – это понятие, аналогичное более разработанному понятию намерения-в-действии Серла. Напомним: высказываемые Серлом соображения относительно намерения-в-действии и его интенциональной структуры базируются на аналогии с речевыми актами и не позволяют убедительно отграничить их от РР. На схожем решении считает возможным остановиться Бах, когда обрывает анализ рецептивных и эффективных репрезентаций, оставляя наглядное, но недостаточное

лингвистическое объяснение. Кажется, анализ разницы между состояниями с разной интенциональной структурой не находит убедительного завершения у обоих авторов. Примитивность понятия и не приводит к противоречию, но она лишает теории экономности.

В одной из сносок Бах предпринимает последнюю попытку определить ЭР и указывает, что они по-особенному заставляют нас ожидать изменений в мире, заданных в содержании репрезентации. Последовательность репрезентаций при наблюдении или воображении не вызывает у нас «такой же интеграции текущего от момента к моменту предчувствия того, что произойдет, и переживания того, что происходит» [Bach, 1978, p. 379]. Внимание агента оказывается неразделенным между предчувствием и восприятием результата действия, в то время как при наблюдении внимание агента «развязано»: он может переключать внимание между происходящим вокруг и своими предсказаниями событий. У данной стратегии выделения ЭР есть особенность: репрезентация оказывается эффективна в силу того, что субъект переживает следующую за ней РР определенным образом.

Еще в прошлой главе мы увидели, что осведомленность о наших собственных действиях физиологически во многом опирается на работу компараторов [Frith et al., 2000a]. Отдача эфферентных команд заставляет мозг ожидать определенных изменений в мире, и то, будем ли мы видеть себя причиной этих изменений, во многом зависит от совпадения между предсказанными и воспринятыми характеристиками движения. В компараторной модели ЭР соответствуют эфферентная команда и предсказание результата действия. Эфферентная команда является причиной движения, а предсказание имеет чувственное содержание. Тем не менее, ни команда, ни предсказание, ни процесс его сравнения с результатом не доступны сознанию, хотя они используются системами мозга. Мы имеем дело лишь с сенсорными последствиями действия и косвенно – с итогом их сравнения с предсказанием.

Вернемся к пациентам с деафферентацией. Применим ли к пациентам с деафферентацией с завязанными глазами разговор о минимальных действиях?

Допустим, пациент совершает движение без предварительного намерения по Серлу, без мысли о его результате. В таком случае для агента единственным возможным источником осведомленности о движении будет ЭР, но содержание чего-либо напоминающего ЭР для него недоступно. Коул и коллеги [Cole et al., 2002] наблюдали, как пациент жестикулировал до устного объявления о том, что он только начинает жестикулировать. Пациент не имел совершенно никакой осведомленности о том, что делали его руки: у него не было возможности узнать об этом. Согласно РТД, движение может считаться действием постольку, поскольку о нем возможна хотя бы минимальная осведомленность агента. У здоровых людей эта осведомленность основывается на наличии намерения или на РР, испытывающих влияние эфферентных команд через работу компараторных систем. Единственный способ для пациентов получать осведомленность о своих движениях во время эксперимента – совершать их с предварительным намерением, то есть относительно них бессмысленно говорить о минимальных действиях. Предварительное намерение дает пациентам возможность использовать метакогнитивный контроль, отслеживать то, что они пытаются сделать. Похоже, у нас нет оснований считать ЭР самодостаточным видом осведомленности. Мы действительно по-разному осведомлены о своих действиях и о других событиях, но мы можем лишь говорить о влиянии ЭР на РР при объяснении этих различий.

2.4 Модификация теории

Пациенты с деафферентацией с завязанными глазами неспособны к совершению минимальных действий, но способны совершать намеренные действия. Теперь мы можем сформулировать, как следует изменить каузальную структуру действия по Баху. Для начала отдельно составим ее для действий пациентов. Предположительно структура действий без обратной связи выглядит так: предварительное намерение является причиной соответствующей ему ЭР, а эта ЭР – причиной фрагмента поведения. Бах пишет, что намерение (понимаемое как предварительное намерение) иногда бывает причиной ЭР, запуская очередной каузальный цикл действия [Bach, 1978, p. 374], поэтому первая связь в схеме не

противоречит тексту. Действия пациентов всегда будут запускаться намерением: в случае перехода от одного движения к другому с недостаточной осознанностью, пациент потеряет осведомленность. Как совместить описанную схему с основной схемой, предложенной Бахом? Кажется, достаточно расположить перед первым циклом событий предварительное намерение, и наложить условие: для действия необходимо либо предварительное намерение, либо РР. В том случае, если РР отсутствует, второй цикл не сможет начаться, и новому действию должно будет предшествовать свое намерение. Если же РР последует за первым движением, то действие сможет включить в себя несколько циклов, как предлагает Бах.

Теорию Баха возможно модифицировать так, чтобы она классифицировала как действия определенный тип движений без РР без полной переработки теории. Во время разбирательства со свойствами ЭР мы наткнулись на значительные сложности. С ними можно справиться, если рассматривать ЭР чисто физиологически, как правильную отдачу эфферентной команды – но сам Бах считает такой поворот нежелательным [Bach, 1978, p. 364]. ЭР без ментальных коннотаций перестает быть видом осведомленности. Термин «эффективная репрезентация», похоже, просто сбивает с толку. Эфферентная команда, являющаяся причиной движения, не имеет чувственного содержания и недоступна нам. Предсказание результата действия имеет чувственное содержание, но не является причиной действия и также недоступно. Значит ли это, что от телического компонента осведомленности вообще следует отказаться? Вероятно, разговор о нем неоднозначен в случае минимальных действий. Когда пациенты действуют без обратной связи, после принятия решения о движении они переходят в то самое сложно характеризуемое состояние, зафиксированное в опросах. Кажется, происходящее с пациентами не сводится к наличию у них предварительного намерения и представлению результата действия. Когда пациент действует, он знает, что он пытается совершить движение – у него есть осведомленность об этом. Возможно, дальнейшие продвижения в концептуализации структуры

интенциональных состояний позволят установить отношения между этим типом осведомленности и обычными, телическими интенциональными состояниями.

2.5 Уроки теории Баха: действие и опыт

Репрезентационная теория действия Кента Баха является версией КТД и занимает особое положение среди теорий действия. Она требует наличия двух разных компонентов осведомленности о действии, каузально связанных с движением. Эти компоненты имеют разную структуру как интенциональные состояния. Связывание теории действия с проблемой опыта действия оказывается возможным благодаря существованию телического содержания осведомленности. Бах разрабатывает стратегию решения проблемы ОКЦ, которая напоминает стратегии от непосредственной каузации и чувствительности: Бах требует корректного моторного контроля над движением в детальном приближении. Теория Баха не является общей теорией действия: она описывает исключительно телесные движения. Для обобщения теории потребовалась бы серьезная доработка.

На примере движений, совершаемых пациентами с деафферентацией, мы показали, что наличие обоих компонентов осведомленности не является обязательным: у пациентов с деафферентацией отсутствует рецептивная репрезентации движения. В то же время пациенты неспособны выполнять минимальные действия, то есть действия без предварительного намерения, поскольку ЭР не является источником осведомленности о команде к движению. Теория Баха может быть усовершенствована в соответствии с этими положениями с помощью ослабления требований к каузальной структуре действия: иногда для действий достаточно одной ЭР в присутствии предварительного намерения агента.

Похоже, проект различения между двумя типами осведомленности у Баха остается незавершенным, как и другие попытки различения телического и телического содержания. Единственным простым выходом из сложившегося положения было бы постулирование примитивного свойства интенциональных состояний, однако, существование такого свойства совсем не очевидно. В целом ЭР оказывается неудачным понятием в свете исследований моторного контроля и

поведения пациентов с деафферентацией, но в годы, когда Бах предпринял попытку ввести его, эти эмпирические сведения еще не были известны. Тем не менее, место ЭР как телического компонента осведомленности о действии остается открытым для других понятий, поэтому у уникального подхода Баха с двумя компонентами осведомленности может быть будущее, связанное с абстрактным разделением телического и тетического компонентов.

Несмотря на солидный возраст, репрезентационная теория действия актуальна в рамках дискуссии о структуре опыта агентности: она предлагает позицию, согласно которой репрезентационное содержание опыта агентности состоит из двух репрезентаций, разделенных во времени. Эта позиция дополняет пять других взглядов на устройство опыта агентности: подход от «сырых ощущений», тетический и телический подходы, а также монадическую и диадическую модели «тяги-толкай». Подход Баха возможно назвать двухкомпонентным. Преимущество теории Баха заключается в том, что она отводит телическому компоненту роль искажения тетического компонента – с последним имеют дело психологи и нейрочеловеки. ЭР предшествует РР так, как предиктивные процессы предшествуют сенсорным результатам действия в моделях чувства агентности. Репрезентационная теория довольно верно улавливает то, как функционируют механизмы интеграции сигналов при формировании чувства агентности на фоне движений агента. Модель «тяги-толкай» не позволяет это сделать, пусть Бейн и пытается задействовать пресловутые механизмы в своей аргументации. Наконец, теория Баха инкорпорирует минимальные действия и ставит им в соответствие некую фоновую осведомленность. Общая теория действия и опыта агентности должна определять статус минимальных действий: они находятся в промежутке между намеренными действиями и другим поведением агента, и в этом промежутке теории должны указывать линию отсечения.

§3. Заключение главы

Исследования осведомленности о действии находятся на пересечении философии сознания и философии действия. Т. Бейн выделяет две стратегии, позволяющие вписать агентную осведомленность в совокупность ментального содержания. Первая стратегия аналогична той, что применяется в философии сознания для анализа феноменологии высокоуровневого восприятия и когнитивной феноменологии. Исследователи определяют содержание опыта агентности и выносят вердикт о том, в какой степени оно проприетарно, а в какой пересекается с перцептивным и когнитивным содержанием. Вторая стратегия имеет дело не с содержанием, а с интенциональной структурой опыта агентности. Набор авторов, в частности, Б. О'Шонесси, Дж. Серл и сам Бейн считают, что для описания опыта агентности необходимо противопоставить его «описательному» или перцептивному и аффективному опыту. Подобные построения начинаются с введения понятия направления соответствия – отношения между опытом и внешним миром. Предполагается, что перцептивный и агентный опыт имеют разные направления соответствия: один отражает мир корректно или некорректно, а другой пытается воздействовать на мир успешно или неуспешно. Термин «направление соответствия» был заимствован Серлом и Бейном из теории речевых актов, где его уместность не вызывает сомнений. В дебатах об опыте агентности он служит средством для оформления интуиций о том, что действие и наблюдение за миром глубоко отличаются феноменологически.

В литературе описан набор вариантов интенционального устройства опыта агентности. Согласно подходу «от сырых ощущений», опыт агентности не имеет интенционального содержания. Тетический подход сравнивает опыт агентности с восприятием, а телический подход противопоставляет их. В рамках построения других подходов происходит замена термина «интенциональное содержание» на термин «репрезентационное содержание». Бейн производит эту замену, будучи слабым репрезентационалистом – для него интенциональность объясняется через репрезентационный «скелет» опыта. Подход «тяги-толкай» по Р. Милликан и

Бейну предлагает новый вид репрезентаций, имеющих сразу два направления соответствия: они описывают мир и оказывают влияние на него.

Проблема структуры репрезентационного содержания опыта агента – это проблема того, как в когнитивной архитектуре агента может быть реализована осведомленность о действии, понимаемая в рамках выделенной нами Fr-позиции в отношении ощущения агентности. Так, дискуссия о структуре опыта направляет наше внимание на еще одно пересечение исследований опыта агента в аналитической философии с эмпирическими исследованиями чувства агентности, где и была введена Fr-позиция. В рамках Fr-позиции ощущение агентности не размещается в ментальном содержании наравне с опытом в основных модальностях, его репрезентационное содержание имеет особую структуру. Внутри этой структуры сенсорные последствия движений агента приглушаются, но сказать что-либо более определенное о структуре опыта едва ли возможно. Эмпирические исследования чувства агентности посвящены в большей степени механизмам, порождающим осведомленность. Эти механизмы принимают на вход сенсорные данные, установки агента и копии моторных (или метакогнитивных) команд. Теоретики когнитивной науки вводят моторные репрезентации, которые запускают движения, а не отражают окружающий мир. Гипотетические единицы когнитивной архитектуры, ответственные в системе за способы вывода, будут так или иначе аналогичны директивным репрезентациям по Н. Ши или репрезентациям «тяги-толкай» по Р. Милликан. Описание функций этих репрезентаций хорошо соотносится с условиями сатисфакции опыта или речевых актов. Будучи основными элементами в вычислительной теории разума, репрезентации имеют функции, однако, функции задаются через связь репрезентации с другими элементами когнитивной архитектуры агента. Задача исследователей, с другой стороны, состоит в описании репрезентационного содержания. Им необходимо выявить, как функции репрезентаций в некой их совокупности определяют содержание, сопоставляемое такой совокупности. На сегодняшний день теоретики

ограничиваются тем, что приписывают репрезентациям направление соответствия в качестве особого свойства.

Во втором параграфе мы рассмотрели репрезентационную теорию действия К. Баха – каузальную теорию, предложенную в конце 70-х годов. Строя теорию, Бах попытался решить проблемы отклоняющихся каузальных цепей и учета минимальных действий через введение двухкомпонентной осведомленности о действии. Эта осведомленность основана на двух репрезентациях движения с разными направлениями соответствия. Мы проанализировали теорию Баха в рамках дискуссии о структуре опыта агентности и выявили, что она предлагает оригинальный подход. Взгляд Баха дополняет варианты, описанные Бейном, и допускает диссоциацию между компонентами опыта агентности. Подобная диссоциация гипотетически позволяет описывать патологический опыт агентов, например, попытки совершения движений, или движения пациентов с деафферентацией.

Примечательно, что статья, в которой Бах описывает репрезентационную теорию, предшествует расцвету дискуссии о чувстве агентности и феноменологии агентности, случившемуся в начале 2000-х годов. То же самое верно и для нескольких работ, на основании которых Бейн формулирует позиции философов в отношении структуры опыта действия. Статья О'Шонесси о попытках совершения движения была опубликована в 1973 году, а эссе Серла «Интенциональность» было увидело свет в 1983 году. Эти авторы описывают опыт действия, но не воспринимают себя участниками дискуссии о структуре опыта и в первую очередь заинтересованы в решении других проблем. Синофзик и коллеги, которым может быть приписана Fr-позиция в отношении ощущения агентности, также не полемизируют со взглядами других авторов на опыт действия. Подход к изучению агентности через структуру сопутствующего ментального содержания восстанавливается при анализе литературы, но до работ Бейна и М. Милопулос он оставался неоформленным. Бейн и Милопулос противопоставляют поиски структуры опыта изучению его содержания – подходу, который оформился вместе

с возникновением аналитической феноменологии и запуском исследований чувства агентности.

Пожалуй, ни один из описанных выше подходов не предлагает убедительного способа разделить два типа опыта: опыт, сопряженный с восприятием, и опыт, сопряженный с агентностью. Для начала, принятие репрезентационализма не означает, что конструкции, введенные для репрезентационного содержания, могут быть беспрепятственно применены к опыту. Свободная подстановка термина «репрезентационный» вместо термина «интенциональный» позволяет пользоваться материалами когнитивной науки – как теоретическими, так и эмпирическими, но сведение интенциональности к свойствам репрезентаций не добавляет ясности в теории. Не все репрезентационное содержание осознанно, неизвестно, каким образом его часть объединяется в единое сознание, и не все свойства репрезентаций отображены в опыте. Похоже, при попытке очередного переноса свойств репрезентаций на опыт исследователь натывается на подобие провала между функциональным описанием системы и феноменальным сознанием. В данном случае некий пробел присутствует и между функционализмом и сознанием доступа. Из этой ситуации позволяют выйти либо дальнейшее изучение интенциональности, либо прояснение понятия репрезентации. Вторая опция уже и так входит в число важнейших задач когнитивной науки, пытающейся сдержать расширение и размытие понятия репрезентации.

Исследования интенциональной структуры опыта в очередной раз показывают, насколько телесные действия непрозрачны для агентов: несмотря на то, что мы совершаем их сами, устройство сопровождающих действия ментальных событий скрыта от нас. Моторные команды и гипотетическое воления, сенсорные результаты движения и феноменология агентности – все это оказывается слитым в непосредственном опыте агента. Базовые телесные действия не позволяют напрямую анализировать осведомленность агента, но для этого могут подойти другие виды действий, например, патологические действия пациентов и моторные

задачи вроде кинестетического представления движений. Нахождение контраста, по-видимому, редко позволяет обнаружить новое феноменальное содержание, но в данном случае задача несколько другая – отделить действие от его результата. Следует ожидать, что аналитическая философия продолжит вбирать экспериментальные данные о видах и патологиях действий, и это обеспечит развитие исследований агентной осведомленности.

Заключение

Цель данного исследования заключалась в описании и анализе подходов к изучению агентности в современной аналитической философии. В четырех главах мы рассмотрели философские дискуссии, разворачивающиеся вокруг разных компонентов агентности. Углубляясь в те или иные подходы, мы очертили особый круг вопросов, связанных с агентностью, зафиксировали тенденции развития дискуссий, а также реконструировали и оценивали возможные решения проблем агентности.

В первой главе мы сопоставили проблему определения действия и проанализировали особенности каузальных теорий действия. Мы опирались на работы Э. Голдмана, М. Брэтмана, А. Мили, Э. Пашери, Э. Майра и других авторов. Теория действия занимается решением проблемы демаркации между действиями и другим поведением агентов. Во многом это разбирательство начинается с интуиций, нахождения парадигмальных примеров действий. Задавая приблизительные контуры множества действий, мы обсудили спонтанные, минимальные, совместные, негативные и ментальные действия. В результате мы заключили, что парадигмальными примерами действий стоит назвать намеренные физические и ментальные действия, при этом статус минимальных действий остается спорным, поскольку агент их не осознает. Также спорными мы назвали спонтанные ментальные действия, совершаемые без усилия. Общая теория действия должна определить, относятся ли спорные виды действий к подлинным действиям. Тем не менее, основным объектом рассмотрения философии действия остаются именно физические действия.

Поставив общую проблему, во втором параграфе мы перешли к изучению современной истории каузальных теорий действия. На сегодня каузальные теории являются наиболее популярными теориями действия, при этом они существуют во множестве вариантов. Зарождение каузальных теорий связано с работами Д. Дэвидсона и Голдмана. Согласно этим, некое событие является действием, если оно имеет корректный каузальный antecedent – намерение или рациональное

основание агента. Так, особенности каузальных теорий касаются либо конкретизации каузального antecedента действия, либо его рациональности, либо причинной связи в структуре действия. Мы ограничились каузальным рассмотрением действия по двум соображениям: некаузальные теории доминировали до интересующего нас периода, и на сегодня являются экзотическими примерами в философии действия.

В современных вариантах каузальных теорий большая роль отводится намерению – каузальному antecedенту действия в стандартной модели. Начиная с Голдмана, причиной действия в каузальных теориях полагается конкретное ментальное событие, а не разнесенные во времени эпизоды во внутренней жизни агента, вместе образующие причину действия. Серл, М. Бранд и другие авторы связали это событие с намерением агента. Мы подробнее остановились на намерении как на особом ментальном состоянии, которое эволюционирует во время действия и вплетается в сеть из желаний, убеждений и планов агента. Более ранние решения проблемы структуры действия имели дело с его индивидуацией, различением отдельных действий в совокупном поведении агента. Индивидуация позволяет разделить действия и показывает, как сложные действия складываются из простых, но не дает понять, как агентность развивается в реальном времени. Решая проблему индивидуации действий, Голдман ввел в рассмотрение философии действия простые движения, а не только поступки агентов.

Начав с классического разделения намерений на предварительные намерения и намерения-в-действии (или дистальные и проксимальные намерения), мы рассмотрели теорию планирования М. Братмана и динамическую теорию намерения Э. Пашери. Эти теории являются важными иллюстрациями того, как шло развитие представлений о намерении. Теория планирования придает агентности временное измерение, так что агент принимает решения и строит планы в условиях временных ограничений. Важным результатом теории стало новое объяснение того, почему намерение должно считаться ментальным состоянием, отдельным от желаний и убеждений. Это объяснение основывается на том, что в

реальном времени агенту обычно приходится остановиться на некотором варианте действия и ограничить его пересмотр в будущем. Более поздняя динамическая теория намерения Пашери претендует на то, чтобы показать переход от предварительного намерения к движению через моторные механизмы. Основной проблемой теории является постулирование неосознаваемых моторных намерений, которые едва ли можно причислить к намерениям. Пашери переходит от обсуждения ментальных состояний к гипотетическим вычислительным единицам в когнитивной архитектуре агента и их функциям. Полная натурализация действия происходит в результате максимального уточнения временной структуры движения, что побуждает философов к использованию эмпирических данных о произвольных движениях.

С каузальными теориями действия сопряжен набор метафизических вопросов, в первую очередь относящихся к метафизике причинности. Постановка проблемы действия приводит к столкновению с ментальной каузальностью, которая грозит методологически усложнить теорию действия. Мы обратились к аргументации Голдмана в пользу того, что теория действия может быть экранирована от проблемы ментальной каузальности. Аргумент Голдмана внес значительный вклад в становление философии действия как отдельной области. Помимо этого, Голдман пытается показать, что нейронные события, связанные с намерением или желанием агента, являются подлинными причинами произвольных движений. Мы показали, что Голдман справляется с отделением ментальной каузальности от построения каузальных теорий, но не с доказательством эффективности желаний и намерений. Далее мы изучили степень влияния выбора теории причинности на теорию действия, в частности, проблем контрафактической теории. Мы пришли к выводу о том, что парадоксальные ситуации, возникающие при сверхдетерминации в контрафактической теории причинности, легко исключаемы: само поле исследований агентности устроено так, что философы отказывают интуитивно некорректным действиям в статусе действий, требуя уточнения условий контроля. Мы рассмотрели теорию действия

А.С. Мишуры, где внутри казуальной структуры действия размещается индетерминистический элемент. Сопрягая индетерминизм с работой внимания в процессе принятия решения агентом, Мишура обратил нас к высокой неясности устройства ментальных действий. Ментальные действия могут предшествовать физическим в процессе принятия решения. Так как большинство каузальных теорий и экспериментов по изучению действия обращают мало внимания на нефизические действия, динамика внутренних состояний агента оказывается недостаточно описанной. В итоге отдельная проблема каузальных теорий заключается в учете различных видов действий, отличных от намеренных движений. Рассмотрев попытки включения негативных и ментальных действий в стандартную модель, мы увидели, что эта работа интересует небольшое количество авторов, но является важной для создания общей теории. Ментальные действия сложно исследовать эмпирически, и они требуют дополнительной концептуализации, а негативные действия запрашивают корректные каузальные реляты в виде событий, что должна обеспечивать метафизика и философия языка.

В третьем параграфе мы обратились к проблеме отклоняющихся каузальных цепей, одному из главных вызовов для каузальных теорий действия. Проблема отклоняющихся каузальных цепей отчасти является метафизической, но еще Голдман заметил, что она во многом зависима от эмпирических фактов о движениях. Описав основные стратегии решения данной проблемы, мы перешли к случаю отклоняющейся цепи при использовании агентом интерфейса мозг-компьютер. Мы увидели, что в этой ситуации все предлагаемые стратегии дают сбой, поскольку каузальная цепь выносится вне агента и приводит нас к выводам о способности агента действовать в зависимости от функционирования машины. Это позволило нам заключить, что возникновение отклоняющихся каузальных цепей возможно в рамках взаимодействия агента со средой. Общее решение проблемы каузальных цепей, если оно возможно, не будет специфично к внутреннему устройству самого агента, а сама проблема зависима от данных о различных способах действовать. Таким образом, проблема отклоняющихся каузальных цепей

требует учета эмпирических данных, пусть и не является исключительно проблемой наук о мозге, как считал Голдман.

Мы завершили первую главу выводом о том, что на сегодня развитие каузальных теорий в их стандартном виде в первую очередь связано с уточнением временной структуры агентности, с вопросами развития намерений агента. Это приводит философию действия к пересечению с эмпирическими данными когнитивной нейронауки.

Второй из рассмотренных нами подходов к изучению агентности был связан с попытками элиминации агентности на основании современных эмпирических данных наук о мозге и психике. Поддержка каузальных теорий действия заставляет философа принять интуитивно привлекательный, но не очевидный эмпирический тезис. Согласно самому популярному виду каузальных теорий, причинами произвольных движений агента являются намерения-в-действии, или проксимальные намерения. Действие вызывается конкретным эпизодом в сознательной жизни агента, сцепленным с соответствующим физиологическим событием в мозге. Впрочем, является ли процесс в мозге, ответственный за возникновение намерения, причиной произвольного движения? В среде когнитивных нейрочеловек и психологов восстанавливается позиция, которую Э. Намиас назвал модулярным эпифеноменализмом. Эта позиция утверждает, что связанные с действием ментальные состояния продуцируются механизмами мозга, которые сами не влияют на поведение агента. Во второй главе мы рассмотрели эмпирические свидетельства, чтобы определить, не опровергают ли открытия ученых каузальную теорию действия. Мы обобщили их аргументацию, а также определили особенности участия аналитических философов в дискуссии вокруг экспериментов.

В первом параграфе второй главы мы попытались выявить значение экспериментов Б. Либета и его многочисленных последователей. В число этих экспериментов попадают исследования потенциала готовности и других нейронных маркеров подготовки движения. Согласно множеству исследований,

эти маркеры фиксируются до появления у испытуемых намерения совершить движение. Сам Либет и его соавторы не призывали к элиминации агентности и даже поддерживали существование ментальной каузальности при наложении сознательного вето и выборе типов действий. Тем не менее, по мере накопления экспериментальных данных их наследие стало использоваться именно в составе аргументов в пользу элиминации: впоследствии ученые научились заранее классифицировать и вето, и выбор одного из вариантов действия. В случае записи электрической активности с коры мозга пациентов раннее распознавание подготовки движения оказывается особенно точной.

«Либетовские» эксперименты – то есть эксперименты, использующие экспериментальную парадигму Либета и коллег – не могут учесть полной эволюции предшествующих намерений испытуемых и их установок перед экспериментом. Мы рассмотрели поведение испытуемых в «либетовских» экспериментах с точки зрения современных каузальных теорий действия. Требование полной спонтанности движения едва ли может быть выполнено: агенты ищут основания для того, чтобы действовать. Движения без основания или цели не характерны для проявлений рациональной агентности и являются специфическим объектом исследования. Согласно перспективной аккумуляторной модели потенциала готовности, в «либетовских» экспериментах испытуемые совершают движение после перехода через порог физиологического шума, связанного с подготовкой движения. Так, агент ждет внутреннего стимула, «побуждения к движению», и именно он служит основанием для совершения действия в определенный момент времени. Аккумуляторная модель не объясняет результаты исследований, использующих функциональную магнитно-резонансную томографию (фМРТ). Такие исследования претендуют на классификацию готовящегося движения за секунды до его совершения. Тем не менее, на данный момент основанные на фМРТ методы имеют слишком малую точность предсказаний, чтобы претендовать на сильные выводы о сознательной агентности. Наконец, мы обсудили вопрос о том, способны ли испытуемые

фиксировать время возникновения намерения. Осуществление доступа к ментальному содержанию занимает время, а развитие намерения не происходит мгновенно – в итоге получается, что испытуемый фиксирует неясное событие в непонятный момент времени. Мы заключили, что на сегодняшний момент либетовские эксперименты не опровергают каузальную теорию действия: по крайней мере мы не можем сказать, что эволюция намерения происходит вслед за подготовкой движения. В данной области сложно сделать финальные выводы, которые бы не зависели от актуальной эмпирической базы. Эта зависимость хорошо видна, если обратиться к критике «либетовских» экспериментов со стороны философов, например, Д. Деннета, А. Мили и А. Рескис. Их критические соображения, релевантные именно для философии действия, основаны на разборе экспериментальных методик. В отличие от случая проблемы свободы воли или ментальной каузальности, философы не могут привести сильных метафизических соображений в ответ на «либетовские» эксперименты.

Во втором параграфе главы мы обратились к работам Д. Вегнера и М. Газзанига, которые пытаются осуществить элиминацию агентности на основании поведенческих данных. Оба автора выстраивают нарративный подход к приписыванию действий: агент ретроспективно восстанавливает свои намерения, наблюдая за произвольными движениями. Так, процессы, отвечающие за эволюцию намерений агента, всегда следуют за телесной активностью и всего лишь строят нарратив, порождая осведомленность агента о его свободе. Вегнер формулирует свои аргументы на основании результатов «либетовских» экспериментов, на поведения пациентов с синдромом анархической руки и данных о том, что здоровые люди могут неверно приписывать действия в определенных условиях. Газзанига опирается на свои исследования пациентов с расщепленным мозгом, которые приписывают себе неконтролируемые движения, совершаемые неречевым полушарием. Сведения о пациентах с синдромом анархической руки и расщепленным мозгом крайне ценны для исследований моторного контроля и логического вывода причин, тем не менее, они не показывают иллюзорность

действия в нормальных условиях. Кроме того, как мы увидели уже в третьей главе, осведомленность о действии не сводится к приписыванию действий, суждениях о них. Тезис об оторванности осознанных намерений от подготовки движений и моторного контроля выглядит странным: он обнажает большую эволюционную нецелесообразность сознательного нарратива. Он также не учитывает такие проявления агентности как планирование и установление принципов: будучи важными частями каузальных теорий действия, они не являются интерпретациями внешних событий, а задаются сознательно.

Рецепция указанных выше экспериментальных исследований философами в основном проявляется в виде критики экспериментальных методик и тех выводов, которые можно сделать на их основании. Оценив методические замечания как философов, так и эмпирических исследователей, мы пришли к выводу о том, что на данный момент не существует решающих свидетельств в пользу модулярного эпифеноменализма. Из-за эволюционной неэффективности и глубокой интуитивной неправдоподобности этот тезис требует весьма серьезного обоснования. Тем не менее, критика неспособна отказать элиминации агентности как таковой – модулярный эпифеноменализм действительно угрожает каузальным теориям действия, и одна лишь философская аргументация неспособна принять этот вызов. Оценивая последствия эмпирических исследований для философии действия, философы критикуют конкретные элементы экспериментальных методик, а не опровергают общую способность экспериментов к влиянию на философские позиции. Подобное положение дел возникло благодаря тенденциям развития КТД: переход к изучению динамики ментальных состояний, запускающих и направляющих действие, прочно связали философию действия с эмпирическими вопросами.

Третий из рассмотренных нами подходов к изучению агентности был связан с феноменологией агентности. В современной аналитической философии появилась обширная литература, исследующая вопросы содержания и богатства феноменального сознания, а не только его онтологического статуса. Так, под

«феноменологией» в этой области имеется в виду изучение феноменального сознания. В рамках этой литературы рассматриваются феноменология высокоуровневого восприятия, когнитивная феноменология и феноменология агентности. Исследования феноменологии агентности имеют дело с особым (проприетарным) множеством феноменальных состояний, связанных с действием.

По мере экспозиции дискуссии о богатстве феноменального сознания, мы попытались составить схему для оценки отдельных проприетарных доменов феноменологии. Основываясь на статьях Т. Бейна и его соавторов, мы остановились на слабом репрезентационализме – позиции, согласно которой феноменальное содержание супервентно на репрезентационном ментальном содержании. Бейн и соавторы способны предложить общую методологию для решения проблемы богатства феноменального содержания. Мы также рассмотрели набор аргументов от контраста, позволяющих обнаруживать репрезентационное содержание, и возражения от совпадающего содержания, позволяющие отсеивать дополнительное содержание, если оно повторяет более базовое перцептивное или аффективное содержание сознания. В результате мы получили искомый общий подход, позволяющий оценивать возможность существования различных гипотетических доменов расширенной феноменологии. Заимствовав этот инструментарий, мы по сути перешли к изучению ментальных репрезентаций, а не феноменальных состояний – это позволило нам оперировать более четкими данными, но ценой фактической потери феноменальных свойств в аргументации. Мы оказались в положении, при котором для существования домена феноменологии требуется указание на особый фрагмент репрезентационного содержания. Вместе с тем в литературе не представлено аргументов для утверждения феноменальных состояний в случае успешного нахождения этого фрагмента. В итоге нам осталось во многом согласиться с критиками феноменологии и принять, что аргументы за и против феноменальных доменов необязательно работают с феноменальным содержанием. Отчасти нас загнало в эту ловушку ограничение аргументации: в дискуссии о богатстве феноменального

содержания неоднократно высказывался тезис о невозможности аргументирования на основании данных интроспекции. Там, где один автор видит яркое «деятельное ощущение», другой автор ничего не замечает – и это разногласие нельзя преодолеть без привлечения других средств. Слабый репрезентационализм в значительной степени обеспечивает эти средства, пусть и с большими издержками.

После общих вопросов расширенной феноменологии, во втором параграфе мы перешли к феноменологии агентности и ее возможному содержанию. Мы провели связь между феноменологическими исследованиями и проектом по изучению чувства агентности в когнитивной нейронауке и психологии. В дискуссиях обсуждается один и тот же объект, и пересекаются множества основных авторов. Мы воспользовались разбиением чувства агентности на два уровня: ощущение агентности и суждения об агентности. Ощущение агентности – несколько неудачный, но распространенный в литературе термин, означающий непосредственную осведомленность агента о его действиях. На сегодня существуют основания для подобного разбиения, и они предоставляют эмпирическую базу для различных утверждений о низкоуровневом чувстве агентности, отрицать наличие которого стало проблематично. Природа ощущения агентности остается неясной: оно может пониматься либо как отдельный перцептивный модуль, либо как особый способ представленности других данных восприятия. Мы назвали эти альтернативы Ph-позицией и Fr-позицией. Дальнейшая часть третьей главы разворачивалась из перспективы Ph-позиции, а к Fr-позиции мы обратились уже в четвертой главе. Название Ph-позиции неслучайно: эта точка зрения в целом совпадает с тем, как особый опыт агентности понимается в феноменологической дискуссии.

Когда мы перешли к взглядам различных авторов на то, как устроена феноменология агентности, мы уже понимали: во-первых, разговор пойдет в первую очередь о репрезентационном содержании, а во-вторых, мы будем рассматривать то, как различные авторы используют его для введения дополнительного перцептивного модуля. В процессе перечисления вероятного

репрезентационного содержания, соответствующего ощущению агентности, мы столкнулись с его сложностью: предлагаемое в литературе содержание расслаивается на компоненты и необязательно относится к агентности от первого лица. Было бы странным, если бы подобное не случилось: действие – это сложная часть когнитивной архитектуры агентов, опирающаяся на большой набор процессов в мозге. Проанализировав множества компонентов, постулированные в дискуссии, мы выделили содержание, связанное с механическим каузальным восприятием, восприятием произвольных движений вообще (в том числе и чужих движений), а также проприоцепцией, которая играет огромную роль в контроле над произвольными движениями. Ощущение агентности во многом опирается на проприоцепцию. Когда мы подошли к особенному содержанию феноменологии агентности от первого лица, мы снова увидели некое количество компонентов, и оно менялось от автора к автору. Например, свои взгляды на компоненты опыта агентности приводят Бейн и Н. Леви, Т. Хорган и Дж. Тинсон или М. Милопулос и Дж. Шепард, которые насчитывают целых шесть гипотетических компонентов. На этом этапе мы вспомнили о суждениях об агентности как о компоненте чувства агентности. Многие из постулируемых разными авторами частей опыта вроде феноменологии принятия решений или феноменологии «себя-как-источника» действия мы соотнесли с суждениями об агентности, и соответственно, спорной когнитивной феноменологией. Интересовавшая нас феноменология агентности должна была быть «перцептивной», относящейся к высокоуровневому восприятию.

В итоге мы имели дело с несколькими потенциальными компонентами, относящимися к ощущению или непосредственному опыту агентности. В результате анализа мы заключили, что феноменология ментальной каузальности не невероятна, поскольку мы довольно обоснованно можем утверждать о существовании репрезентационного содержания, связанного с каузальным восприятием. Поскольку каузальное восприятие различает в первую очередь механические столкновения, восприятие ментальной каузальности нельзя

разместить в качестве его разновидности, но ей может соответствовать аналогичный модуль. Впрочем, как мы увидели в четвертой главе, рассмотрение чувства агентности как восприятия причинной связи едва ли является перспективным. Мы также проанализировали другой распространенный в литературе компонент – феноменологию свободы действия. Данный компонент не имеет ясного выражения у своих защитников, поэтому он не смог вписаться в заявленный нами слабый репрезентационализм. Возможно, его смог бы учесть другой взгляд на феноменальное содержание, но он должен выгодно отличаться от слабого репрезентационализма в других аспектах и не допускать постулирования произвольных видов опыта только на основании интроспекции – кажется, этот этап уже пройден в исследованиях содержания сознания.

После сопоставления множества компонентов опыта, мы пришли к выводу о том, что самым убедительным гипотетическим фрагментом содержания опыта агентности стоит считать ощущение усилия. Сложно утверждать, будто мы не ощущаем усилия при совершении по крайней мере части действий, и усилие нельзя полностью списать на кинестетические или проприоцептивные переживания. Представленность усилия также привлекает тем, что оно бывает как ментальным, так и физическим. Авторы в дискуссии о феноменологии агентности, как правило, пренебрегают ментальными действиями. Тем не менее, поскольку не все действия сопровождаются усилием, описание опыта агентности все равно остается неполным. После анализа потенциальных компонентов опыта агентности от первого лица мы поняли, что ни один из них не может быть приписан всем действиям. Основным методологическим ограничением для сторонников феноменологии агентности является сложность перехода от эмпирических свидетельств в пользу существования видов репрезентаций к обсуждению феноменальных состояний. Аргументы в этой дискуссии практически не имеют дела с феноменальным содержанием, хотя и способны приводить к выводам об устройстве осведомленности агента.

Мы завершили третью главу большим вопросом: должны ли мы фактически рассматривать содержание сознания, связанное с действием, как некий дополнительный модуль восприятия? Мы не наблюдаем за своими действиями, а совершаем их, но обсуждение феноменологии агентности словно не учитывает этот тривиальный факт о нашей внутренней жизни.

В четвертой главе мы перешли к финальному подходу к исследованию агентности. Этот подход тоже имеет дело с ментальным содержанием, соответствующим агентности, но вместо поиска дополнительного феноменального содержания он анализирует интенциональную структуру опыта. Четвертый подход меньше представлен в литературе, чем первые три, и в целостном виде его сформулировал Бейн. Помимо его работ, в четвертой главе мы обращались к работам Дж. Серла, Р. Милликан и К. Баха. Несмотря на меньшую известность, четвертый подход важен тем, что он имеет перспективы преодоления серьезных проблем обычного феноменологического подхода. Реконструируя позиции в дискуссии о структуре опыта агентности, Бейн вписывает работы других философов в новый контекст: в отличие от обсуждения феноменологии агентности, дискуссия о структуре опыта является искусственно реконструированной.

Переведя внимание на дискуссию о структуре ментального содержания, мы перешли от Rh-позиции в отношении ощущения агентности к Fr-позиции. Согласно Fr-позиции, ментальное содержание, относящееся к действиям, организовано особой представленностью содержания. Опыт агентности имеет отличную от восприятия репрезентационную структуру. Когда некто поднимает руку, он не ощущает агентность вдобавок к кинестетическим переживаниям – сами кинестетические переживания представлены другим образом. Переход от интенциональной структуры опыта к репрезентационной осуществляется здесь благодаря тому же слабому репрезентационализму. Разница между типами структуры может быть описана с помощью введения направления соответствия репрезентаций, как это делает Серл, пользуясь аналогией опыта с речевыми актами. Когда агент поднимает руку, его ментальные состояния в первую очередь

направлены на изменение положения дел в мире, а не отражают его. Бейн описывает набор моделей структуры опыта агентности. Согласно модели «от сырых ощущений», агентная осведомленность не имеет репрезентационного содержания. Согласно телической модели, она не имеет направления соответствия, отличного от восприятия. В соответствии с телической моделью, направление соответствия опыта агента противоположно восприятию, наконец, модель «тяги-толкай» утверждает, что агентная осведомленность направлена как на изменение мира, так и на его восприятие. Модель «тяги-толкай» развивают Бейн и отчасти Р. Милликан, которая приписывает репрезентациям функциональную роль в ее телеофункционалистской теории. Именно Милликан предположила существование репрезентаций вида «тяги-толкай». Бейн изначально был сторонником телической модели, но стал сторонником модели «тяги-толкай». Вероятно, это произошло под влиянием новых взглядов на механизмы чувства агентности, объединяющие как предиктивные элементы, так и обратную связь при совершении действия.

В четвертой главе мы также вернулись к обсуждению ментальных действий и поставили вопрос о том, чем осведомленность о физических действиях отличается от осведомленности о ментальных действиях. Для создания близкого контраста мы сравнили совершение движения и его кинестетическое представление. Утверждения об этом контрасте делает М. Дженнерод, который утверждает, что между представлением движения и его совершением имеет место континуум состояний. Мы сформулировали две гипотезы на основании данного утверждения: согласно одной из них, речь идет исключительно о нейронных механизмах, а согласно другой, существует континуум агентной осведомленности между физическими и ментальными действиями. Как же могут выглядеть действия, находящиеся между ментальными и физическими? Здесь мы вновь оказались на границе кабинетных интуиций: для ответа на этот вопрос нужно эмпирическое изучение необычных примеров действия. Вероятно, на эту роль подойдут активности наподобие попыток парализованных пациентов совершать движения,

или совершение аналогичных задач здоровыми людьми, помещенными в специальные условия.

Во втором параграфе четвертой главы мы показали, что еще одну модель опыта агентности предложил еще в 1970-е годы философ К. Бах, и постарались обосновать актуальность его теории. Пытаясь решить проблему отклоняющихся каузальных цепей, Бах построил репрезентационную теорию действия – одну из каузальных теорий. Согласно этой теории, телесное действие состоит из нескольких циклов, в которых движение вызывается эффективной репрезентацией и само является причиной возникновения рецептивной репрезентации. Эффективные и рецептивные репрезентации – это две репрезентации с разным направлением соответствия. Мы придали теории Баха новую интерпретацию, сменив фокус с каузальности в действии на описание агентной осведомленности. Поскольку у Баха разное направление соответствия присуще двум разделенным во времени репрезентациям, мы выделили его теории отдельное место в схеме Бейна.

Другая причина, по которой теория Баха может быть названа актуальной, связана с тем, что она соответствует компараторной модели чувства агентности. Мы проанализировали теорию Баха в качестве одного из них для проверки ее работоспособности. Разбираясь в репрезентационной теории, мы показали, что она не может учесть действия, совершаемые пациентами с деафферентацией с завязанными глазами. Такие пациенты не могут получать визуальную или проприоцептивную обратную связь при совершении движений, тем не менее, они могут довольно точно выполнять моторные задания. По-видимому, эти движения следует назвать действиями: они имеют основания, их инициация является произвольной и контролируемой агентами. Мы предложили модификацию теории, делающую рецептивную репрезентацию необязательной в цикле Баха. Впрочем, в таком случае осведомленность о действии урезается до эффективной репрезентации, «попытки» совершить движение без обратной связи. Так, мы столкнулись с проблемой: достаточно сложно найти средства для корректного вписывания эффективных репрезентаций в ментальное содержание. Нам было

нужно нечто отличное от установки в отношении движения, менее когнитивный ментальный компонент. Опрос пациентов с деафферентацией после успешного совершения движений с завязанными глазами показывает, что они попросту не могут описать свой опыт. Мы предположили, что для изучения агентности без восприятия нужны новые эмпирические результаты, в том числе результаты опросов. Телесные действия здорового человека не лишены обратной связи, нам сложно умозрительно представить себе, каково это – действовать без нее. Проблема структуры агентной осведомленности упирается в нахождение определения репрезентаций с отличным от восприятия направлением соответствия. Несмотря на притягательность идеи размежевания восприятия и действия в осведомленности агента, на сегодня не изобретены средства, позволившие бы встроить ментальное содержание с особой структурой в слабый репрезентационализм.

Четвертая глава должна была очертить перспективный подход к описанию агентной осведомленности, но его пока что трудно назвать убедительным из-за трудностей в концептуализации особой структуры опыта агентности. Во-первых, пусть понятие репрезентации более чем способно вместить в себя исполнительную функциональную роль, неясно, как такие исполнительные репрезентации могут стать носителем или модификатором опыта агента. Во-вторых, описание опыта в терминах направления соответствия основывается на аналогии с речевыми актами, функция которых обеспечивается грамматикой. Чем же на самом деле является направление соответствия опыта? Пока ни одна модель структуры опыта агентности не ответила на данный вопрос.

По-видимому, для развития исследований агентной осведомленности требуется получение данных о необычных случаях действия, где осведомленность частично отличается от нормальной. В третьей главе похожим образом строились аргументы от контраста, но они подразумевали патологии восприятия, отсутствие части репрезентационного содержания. С другой стороны, случай пациента с деафферентацией может быть организован с помощью анестезии. Наш опыт при

совершении действий довольно целостен, несмотря на нетривиальность самих действий. Мы не переживаем отдельно «попытки» совершать действие и сенсорную обратную связь, оказываемся в ситуации, где действие – то самое неопишное ментально острое иглы. Вероятно, экспериментальное разделение осведомленности на части – рабочая стратегия по преодолению простоты действия, но на данный момент этот подход не оформлен в литературе.

Современные исследования агентности крайне разнообразны. Дело во многом в особенностях самой агентности: изучая ее, мы в первую очередь ориентируемся на телесные движения. Телесные движения сложны с самых разных точек зрения: они длятся во времени и предполагают прохождение множества событий, связанных с эволюцией намерения, моторными процессами и осведомленностью агента. Сложность произвольных движений привела разные линии философии действия к привлечению эмпирических результатов – мы столкнулись с данными экспериментов, анализируя каждую из интересующих нас дискуссий. Некоторые экспериментальные результаты способствуют уточнению философских теорий: например, в области механизмов возникновения опыта агента. С другой стороны, когнитивная нейронаука и психология предлагают философии действия вызовы, связанные сомнениями в отношении привычных нам концепций агентности. Вероятно, тенденция сближения философии действия с эмпирическими науками продолжится, что несет, с одной стороны, увеличение зависимости аргументов от изменчивых данных, а с другой стороны, перспективы развития. Описанные в данной работе подходы продолжают развиваться: все рассмотренные нами дискуссии значительно развились за последние 50 лет, либо и вовсе возникли совсем недавно. Едва ли мы можем предполагать, как исследования агентности будут выглядеть еще через 50 лет.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.4 / ред. Доватур А. И., Кессиди Ф.Х. — Москва : Мысль, 1983. — С. 53–293.
2. Беседин А. П., Волков Д. Б., Кузнецов А. В., Мерцалов А. В., Секацкая М. А. Несостоятельность аргументов манипуляции и исчезающего агента для проблемы свободы воли и моральной ответственности / Беседин А. П., Волков Д. Б., Кузнецов А. В. [и др.] // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 29–38.
3. Brentano Ф. Франц Brentano: Избранные Работы / Brentano Ф. ; пер. Анашвили В. В. — Москва : Дом интеллектуальной книги, 1996. — 172 с.
4. Быков К. М., Сперанский А.Д. Собака с перерезанными corpus callosum / Быков К. М., Сперанский А.Д. // Труды физиологических лабораторий академика И.П. Павлова. 1924. Т. 1. № 1. С. 47–59.
5. Васильев В. В. Послесловие к панельной дискуссии о кабинетной философии / Васильев В. В. // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 53–59.
6. Васильев В. В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. / Васильев В. В. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2014. — 240 с.
7. Васильев В. В. Трудная проблема сознания / Васильев В. В. — Москва : Прогресс-Традиция, 2009. — 272 с.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования / Витгенштейн Л. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с.
9. Волков Д. Б. Бостонский Зомби: теория сознания Д. Деннета / Волков Д. Б. — Москва : Москва, 2011. — 280 с.
10. Волков Д. Б. Что доказывают манипуляции с «Аргументом Манипуляции» Д. Перебума? / Волков Д. Б. // Философия и культура. 2015. № 6. С. 933–942.
11. Гоббс Т. О свободе и необходимости / Гоббс, Т. // Гоббс Т. Сочинения – в 2-х томах / ред. Соколов В. В. — Москва : Мысль, 1989. — Т. 1. — С. 574–611.

12. Гуссерль Э. Логические Исследования. Том II. Часть 1. Исследования по Феноменологии и Теории Познания / Гуссерль Э. ; пер. Молчанов В. И. — Москва : Академический Проект, 2011. — 565 с.
13. Драгалина-Черная Е. Г. Рациональность действия, рациональность правила, рациональность цели: рассуждение как case-study / Драгалина-Черная Е. Г. // РАЦИО.ru. 2015. № 15. С. 28–40.
14. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект / Дубровский Д. И. — Москва : ИД Стратегия-Центр, 2007. — 272 с.
15. Кузнецов А. В. Когнитивные исследования и проблема ментальной каузальности / Кузнецов А. В. // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 133–142.
16. Левин С. М. Предварительные намерения и проблема заблудшей причинности / Левин С. М. // Философия науки. 2014. № 3. С. 30–41.
17. Левин С. М., Югай В. С. Иллюзия выбора и неконтролируемые действия / Левин С. М., Югай В. С. // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 92–102.
18. Мишура А. С. Воля - это не опыт: поздний Витгенштейн и философия действия / Мишура А. С. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015а. Т. 4. № 32. С. 309–317.
19. Мишура А. С. Индетерминистические модели каузальности в либертарианских теориях свободы воли / Мишура А. С. // Эпистемология и философия науки. 2015б. Т. 43. № 1. С. 190–206.
20. Мишура А. С. Модели индетерминистической каузальности в аналитической метафизике действия / Мишура А. С. — НИУ «Высшая школа экономики», 2017. — 254 с.
21. Мишура А. С. Понятие намерения в философии действия Элизабет Энском / Мишура А. С. // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 87–114.
22. Мишура А. С. Проблема свободы воли и нейропсихология / Мишура А. С. // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. № 1–2. С. 6–29.

23. Оглезнев В. В. Намерение, действие, ответственность / Оглезнев В. В. // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 199–209.
24. Райл Г. Понятие сознания / Райл Г. ; ред. Филатов В. П. — Москва : Идея-Пресс, 1999. — 408 с.
25. Секацкая М. А. Каузальная эффективность интенциональных актов / Секацкая М. А. // Эпистемология и философия науки. 2020а. Т. 57. № 1. С. 79–95.
26. Секацкая М. А. Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке / Секацкая М. А. // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 163–169.
27. Секацкая М. А. Философская значимость исследований свободы воли в нейронауке на примере интерпретаций экспериментов Б. Либета / Секацкая М. А. // Вопросы философии. 2020б. № 7. С. 113–123.
28. Уилсон Дж., Шполл С. Действие / Уилсон Дж., Шполл С. — Текст : электронный // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / ред. Волков Д. Б. [и др.] — 2018. — URL: <http://philosophy.ru/action> (дата обращения: 02.12.2024).
29. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности. / Щедровицкий Г. П. // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. — Москва : Издательство Школы культурной политики, 1995. — С. 233–281.
30. Aflalo T. N., Zhang C., Revechkis B., Rosario E., Pourtain N., Andersen R. A. Implicit mechanisms of intention // *Current Biology*. 2022. Vol. 32. № 9. Pp. 2051–2060.
31. Aguilar J. H., Buckareff A. A., Frankish K. Introduction // *New Waves in Philosophy of Action* / eds. Aguilar J. H., Buckareff A. A., Frankish K. New York, NY : Palgrave Macmillan, 2011. Pp. 1–9.
32. Aguilar J. H., Buckareff A. A. The causal theory of action: Origins and issues // *Causing Human Actions: New Perspectives on the Causal Theory of Action* / eds. Aguilar J. H., Buckareff A. A. Cambridge, MA : MIT Press, 2010. Pp. 1–26.
33. Albantakis L., Barbosa L., Findlay G., Grasso M., Haun A. M., Marshall W., Mayner W. G., Zaeemzadeh A., Boly M., Juel B. E., Sasai S., Fujii K., David I., Hendren J.,

- Lang J. P., Tononi G. Integrated information theory (IIT) 4.0: Formulating the properties of phenomenal existence in physical terms // *PLOS Computational Biology*. 2022. Vol. 19. № 10. P. e1011465.
34. Alexander P., Schlegel A., Sinnott-Armstrong W., Roskies A. L., Wheatley T., Tse P. U. Readiness potentials driven by non-motoric processes // *Consciousness and Cognition*. 2016. Vol. 39. Pp. 38–47.
35. Anscombe G. E. M. *Intention*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1957. 94 p.
36. Anscombe G. E. M. *The Causation of Action // Human Life, Action and Ethics*. Essays by G.E.M. Anscombe. 2005 / eds. Geach M., Gormally L. Exeter : Imprint Academic, 1983. Pp. 89–108.
37. *APA Dictionary of Psychology* / ed. Vandenberg G. R. Washington, DC : American Psychological Association, 2015. 1204 p.
38. Bach K. A representational theory of action // *Philosophical Studies*. 1978. Vol. 34. № 4. Pp. 361–379.
39. Bach K. Knowledge, wine, and taste: What good is knowledge (in enjoying wine) // *Questions of Taste: The Philosophy of Wine* / ed. Smith B. C. Oxford : Oxford University Press, 2007. Pp. 21–40.
40. Bai Z., Fong K. N. K., Zhang J. J., Chan J., Ting K. H. Immediate and long-term effects of BCI-based rehabilitation of the upper extremity after stroke: A systematic review and meta-analysis // *Journal of NeuroEngineering and Rehabilitation*. 2020. Vol. 17. № 1. P. 57.
41. Banks W. P., Isham E. A. We infer rather than perceive the moment we decided to act // *Psychological Science*. 2009. Vol. 20. № 1. Pp. 17–21.
42. Baumeister R. F., Masicampo E. J., Vohs K. D. Do conscious thoughts cause behavior? // *Annual Review of Psychology*. 2011. Vol. 62. Pp. 331–361.
43. Bayne T. Agentive Experiences as Pushmi-Pullyu Representations // *New Waves in Philosophy of Action* / eds. Aguilar J. H., Buckareff A. A., Frankish K. New York, NY : Palgrave Macmillan, 2011a. Pp. 219–236.

44. Bayne T. Introspective Insecurity // *Open MIND* / eds. Metzinger T., Windt J. M. Frankfurt am Main : MIND Group, 2015. Vol. 3. Pp. 1–18.
45. Bayne T., Levy N. The Feeling of Doing: Deconstructing the Phenomenology of Agency // *Disorders of Volition* / eds. Sebanz N., Prinz W. Cambridge, MA : MIT Press, 2006. Pp. 49–68.
46. Bayne T., McClelland T. “Finding the Feel”: The Matching Content Challenge to Cognitive Phenomenology // *Phenomenology and Mind*. 2017. № 10. Pp. 26–43.
47. Bayne T., Montague M. *Cognitive Phenomenology: An Introduction* // *Cognitive Phenomenology* / eds. Bayne T., Montague M. Oxford : Oxford University Press, 2012. Pp. 1–34.
48. Bayne T., Pacherie E. Narrators and comparators: The architecture of agentive self-awareness // *Synthese*. 2007. Vol. 159. № 3. Pp. 475–491.
49. Bayne T. Perception and the reach of phenomenal content // *Philosophical Quarterly*. 2009. Vol. 59. № 236. Pp. 385–404.
50. Bayne T. Phenomenology and the Feeling of Doing: Wegner on the Conscious Will // *Does Consciousness Cause Behavior?* / eds. Pockett S., Banks W. P., Gallagher S. Cambridge, MA : The MIT Press, 2007. Pp. 168–185.
51. Bayne T., Spener M. Introspective Humility // *Philosophical Issues*. 2010. Vol. 20. № 1. Pp. 1–22.
52. Bayne T. The Phenomenology of Agency // *Philosophy Compass*. 2008. Vol. 3. № 1. Pp. 182–202.
53. Bayne T. The sense of agency // *The senses: Classic and contemporary philosophical perspectives* / ed. Macpherson F. Oxford : Oxford University Press, 2011b. Pp. 355–374.
54. Bechlivanidis C., Lagnado D. A. Time reordered: Causal perception guides the interpretation of temporal order // *Cognition*. 2016. Vol. 146. Pp. 58–66.
55. Blakemore S. J., Wolpert D., Frith C. Why can't you tickle yourself? // *NeuroReport*. 2000. Vol. 11. № 11. Pp. 11–16.

56. Block N. Attention and Mental Paint // *Philosophical Issues*. 2010. Vol. 20. № 1. Pp. 23–63.
57. Block N. On a confusion about a function of consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*. 1995. Vol. 18. № 2. Pp. 227–247.
58. Block N. Overflow, access, and attention // *Behavioral and Brain Sciences*. 2007. Vol. 30. № 5–6. Pp. 530–542.
59. Block N. *The border between seeing and thinking*. New York, NY : Oxford University Press, 2023. 542 p.
60. Blokland Y., Spyrou L., Lerou J., Mourisse J., Jan Scheffer G., Geffen G. J. V., Farquhar J., Bruhn J. Detection of attempted movement from the EEG during neuromuscular block: Proof of principle study in awake volunteers // *Scientific Reports*. 2015. Vol. 5. P. 12815.
61. Bode S., He A. H., Soon C. S., Trampel R., Turner R., Haynes J. D. Tracking the Unconscious Generation of Free Decisions Using Ultra-High Field fMRI // *PLoS ONE*. 2011. Vol. 6. № 6. P. e21612.
62. Bourget D., Chalmers D. J. What do philosophers believe? // *Philosophical Studies*. 2014. Vol. 170. № 3. Pp. 465–500.
63. Brand M. *Intending and Acting: Toward a Naturalized Action Theory*. Cambridge, MA : The MIT Press, 1984. 320 p.
64. Brass M., Furstenberg A., Mele A. R. Why neuroscience does not disprove free will // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2019. Vol. 102. Pp. 251–263.
65. Brass M., Haggard P. The what, when, whether model of intentional action // *Neuroscientist*. 2008. Vol. 14. № 4. Pp. 319–325.
66. Brass M., Lynn M. T., Demanet J., Rigoni D. Imaging volition: What the brain can tell us about the will // *Experimental Brain Research*. 2013. Vol. 229. № 3. Pp. 301–312.
67. Bratman M. E. *Intentions, plans, and practical reason*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1987. 208 p.

68. Bratman M. E. Shared Agency // *Philosophy of the Social Sciences: Philosophical Theory and Scientific Practice* / ed. Mantzavinos C. Cambridge University Press, 2009. Pp. 41–59.
69. Bratman M. Intention and Means-End Reasoning // *The Philosophical Review*. 1981. Vol. 90. № 2. Pp. 252–265.
70. Braun M. N., Wessler J., Friese M. A meta-analysis of Libet-style experiments // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2021. Vol. 128. Pp. 182–198.
71. Breitmeyer B. G. Problems with the psychophysics of intention // *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8. № 4. Pp. 539–540.
72. Brewer B. *Perception and its Objects*. Oxford : Oxford University Press, 2011. 200 p.
73. Briscoe R. Cognitive Penetration and the Reach of Phenomenal Content // *The Cognitive Penetrability of Perception: New Philosophical Perspectives* / eds. Raftopoulos A., Zeimbekis J. Oxford : Oxford University Press, 2015. Pp. 174–199.
74. Brozzo C. Motor Intentions: How Intentions and Motor Representations Come Together // *Mind and Language*. 2017. Vol. 32. № 2. Pp. 231–256.
75. Buehner M. J., Humphreys G. R. Causal binding of actions to their effects: Research article // *Psychological Science*. 2009. Vol. 20. № 10. Pp. 1221–1228.
76. Buehner M. J., Humphreys G. R. Causal contraction: Spatial binding in the perception of collision events // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21. № 1. Pp. 44–48.
77. Byrne A. Intentionalism Defended // *The Philosophical Review*. 2001. Vol. 110. № 2. Pp. 199–240.
78. Campbell J. *Reference and Consciousness*. Oxford : Oxford University Press, 2002. 278 p.
79. Carruthers G. A metacognitive model of the feeling of agency over bodily actions. // *Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice*. 2015. Vol. 2. № 3. Pp. 210–221.
80. Carruthers G. A metacognitive model of the sense of agency over thoughts // *Cognitive Neuropsychiatry*. 2012a. Vol. 17. № 4. Pp. 291–314.

81. Carruthers G. The case for the comparator model as an explanation of the sense of agency and its breakdowns // *Consciousness and Cognition*. 2012b. Vol. 21. № 1. Pp. 30–45.
82. Carruthers P. *Conscious Experience Versus Conscious Thought* // *Consciousness and Self-Reference* / eds. Kriegel U., Williford K. Cambridge, MA : The MIT Press, 2005. Pp. 134–156.
83. Carruthers P. *Phenomenal Consciousness: A Naturalistic Theory*. New York, NY : Cambridge University Press, 2000. 368 p.
84. Carruthers P. The illusion of conscious will // *Synthese*. 2007. Vol. 159. Pp. 197–213.
85. Chalmers D. J. *The Conscious Mind: in Search of a Theory of Conscious Experience*. Oxford : Oxford University Press, 1996. 432 p.
86. Chambon V., Filevich E., Haggard P. What is the human sense of agency, and is it metacognitive // *The Cognitive Neuroscience of Metacognition* / eds. Fleming S. M., Frith C. D. Cham : Springer, 2014. Pp. 321–342.
87. Chaminade T., Decety J. Leader or follower? Involvement of the inferior parietal lobule in agency // *NeuroReport*. 2002. Vol. 13. № 15. Pp. 1975–1978.
88. Chisholm R. *Human Freedom and the Self* // *Free Will* / ed. Kane R. Oxford : Blackwell, 1964. Pp. 26–37.
89. Choi H., Scholl B. J. Effects of grouping and attention on the perception of causality // *Perception and Psychophysics*. 2004. Vol. 66. № 6. Pp. 926–942.
90. Chudnoff E. Phenomenal Contrast Arguments for Cognitive Phenomenology // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2015. Vol. 91. № 1. Pp. 82–104.
91. Churchland P. Folk Psychology and the Explanation of Human Behavior // *Philosophical Perspectives*. 1989. Vol. 3. Pp. 225–241.
92. Churchland P. The Journal of Philosophy Eliminative Materialism and the Propositional Attitudes // *The Journal of Philosophy*. 1981. Vol. 78. № 2. Pp. 67–90.
93. Clark A. *A Theory of Sentience*. Oxford : Oxford University Press, 2000. 150 p.
94. Clarke R. *Libertarian Accounts of Free Will*. Oxford : Oxford University Press, 2003. 256 p.

95. Cole J., Gallagher S., McNeill D. Gesture following deafferentation: a phenomenologically informed experimental study // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2002. Vol. 1. № 1. Pp. 49–67.
96. Daprati E., Franck N., Georgieff N., Proust J., Pacherie E., Dalery J., Jeannerod M. Looking for the agent: An investigation into consciousness of action and self-consciousness in schizophrenic patients // *Cognition*. 1997. Vol. 65. № 1. Pp. 71–86.
97. Davidson D. Actions, Reasons, and Causes // *The Journal of Philosophy*. 1963. Vol. 60. № 23. Pp. 685–700.
98. Davidson D. Causal Relations // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64. № 21. Pp. 691–703.
99. Davidson D. Freedom to act // *Essays on Freedom of Action* / ed. Honderich T. London : Routledge, 1973. Pp. 137–156.
100. Davidson D. Intending // *Philosophy of History and Action* / ed. Yovel Y. Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1978. Pp. 41–60.
101. Davidson D. Knowing One's Own Mind // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1983. Vol. 60. № 3. Pp. 441–458.
102. Davidson D. Mental Events // *Essays on Actions and Events*. New York, NY : Oxford University Press, 2001. Pp. 207–225.
103. Davidson D. The Individuation of Events // *Essays in Honor of Carl G. Hempel* / ed. Rescher N. Dordrecht : Springer Netherlands, 1969. Pp. 216–234.
104. Decety J. Do imagined and executed actions share the same neural substrate? // *Cognitive Brain Research*. 1996. Vol. 3. № 2. Pp. 87–93.
105. Deecke L., Grözinger B., Kornhuber H. H. Voluntary finger movement in man: Cerebral potentials and theory // *Biological Cybernetics*. 1976. Vol. 23. № 2. Pp. 99–119.
106. Delgado J. M. *Physical Control of the Mind: Toward a Psychocivilized Society*. New York, NY : Harper & Row, 1969. 280 p.
107. Della Sala S., Marchetti C., Spinnler H. Right-sided anarchic (alien) hand: A longitudinal study // *Neuropsychologia*. 1991. Vol. 29. № 11. Pp. 1113–1127.

108. Dennet D. *Freedom Evolves*. New York, NY : Viking Books, 2003. 368 p.
109. Dennett D. C. Illusionism as the obvious default theory of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23. № 11–12. Pp. 65–72.
110. Dennett D. C., Kinsbourne M. Time and the observer: The where and when of consciousness in the brain // *Behavioral and Brain Sciences*. 1992. Vol. 15. № 2. Pp. 183–247.
111. Desantis A., Roussel C., Waszak F. On the influence of causal beliefs on the feeling of agency // *Consciousness and Cognition*. 2011. Vol. 20. № 4. Pp. 1211–1220.
112. Desantis A., Weiss C., Schütz-Bosbach S., Waszak F. Believing and perceiving: Authorship belief modulates sensory attenuation // *PLoS ONE*. 2012. Vol. 7. № 5. P. e37959.
113. Desmurget M., Reilly K. T., Richard N., Szathmari A., Mottolese C., Sirigu A. Movement intention after parietal cortex stimulation in humans // *Science*. 2009. Vol. 324. № 5928. Pp. 811–813.
114. Desmurget M., Sirigu A. A parietal-premotor network for movement intention and motor awareness // *Trends in Cognitive Sciences*. 2009. Vol. 13. № 10. Pp. 411–419.
115. Dewey J. A., Knoblich G. Do implicit and explicit measures of the sense of agency measure the same thing? // *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9. № 10. P. e110118.
116. Dijkstra N., Fleming S. M. Subjective signal strength distinguishes reality from imagination // *Nature Communications*. 2023. Vol. 14. № 1. P. 1627.
117. Dokic J. *The Sense of Ownership: An Analogy between Sensation and Action // Agency and Self-Awareness: Issues in Philosophy and Psychology* / eds. Roesler J., Eilan N. Oxford : Clarendon Press, 2003. Pp. 321–345.
118. Dominik T., Dostál D., Zielina M., Šmahaj J., Sedláčková Z., Procházka R. Libet's experiment: A complex replication // *Consciousness and Cognition*. 2018. Vol. 65. Pp. 1–26.
119. Dominik T., Dostál D., Zielina M., Šmahaj J., Sedláčková Z., Procházka R. Libet's experiment: Questioning the validity of measuring the urge to move // *Consciousness and Cognition*. 2017. Vol. 49. Pp. 255–263.

120. Douglas Z. H., Maniscalco B., Hallett M., Wassermann E. M., He B. J. Modulating conscious movement intention by noninvasive brain stimulation and the underlying neural mechanisms // *Journal of Neuroscience*. 2015. Vol. 35. № 18. Pp. 7239–7255.
121. Dow J. M. On the Awareness of Joint Agency: A Pessimistic Account of the Feelings of Acting Together // *Journal of Social Philosophy*. 2018. Vol. 49. № 1. Pp. 161–182.
122. Dretske F. *Explaining Behavior: Reasons in a World of Causes*. Cambridge, MA : MIT Press, 1988. 165 p.
123. Dretske F. *Naturalizing The Mind*. Cambridge MA : MIT Press, 1995. 224 p.
124. Ebert J. P., Wegner D. M. Time warp: Authorship shapes the perceived timing of actions and events // *Consciousness and Cognition*. 2010. Vol. 19. № 1. Pp. 481–489.
125. Edwards M. J., Moretto G., Schwingenschuh P., Katschnig P., Bhatia K. P., Haggard P. Abnormal sense of intention preceding voluntary movement in patients with psychogenic tremor // *Neuropsychologia*. 2011. Vol. 49. № 9. Pp. 2791–2793.
126. Emirbayer M., Mische A. What is agency? // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 103. № 4. Pp. 962–1023.
127. Enç B. Causal theories of intentional behavior and wayward causal chains // *Behavior and Philosophy*. 2004. Vol. 32. № 1. Pp. 149–166.
128. Engbert K., Wohlschläger A., Haggard P. Who is causing what? The sense of agency is relational and efferent-triggered // *Cognition*. 2008. Vol. 107. № 2. Pp. 693–704.
129. Farrer C., Frith C. D. Experiencing oneself vs another person as being the cause of an action: The neural correlates of the experience of agency // *NeuroImage*. 2002. Vol. 15. № 3. Pp. 596–603.
130. Ferrero L. Introduction to philosophy of agency // *The Routledge Handbook of Philosophy of Agency* / ed. Ferrero L. New York, NY : Routledge, 2022. Pp. 1–18.
131. Ferretti G. Through the forest of motor representations // *Consciousness and Cognition*. 2016. Vol. 43. Pp. 177–196.

132. Filevich E., Kühn S., Haggard P. There Is No Free Won't: Antecedent Brain Activity Predicts Decisions to Inhibit // PLoS ONE. 2013. Vol. 8. № 2. P. e53053.
133. Fischborn M. Libet-style experiments, neuroscience, and libertarian free will // Philosophical Psychology. 2016. Vol. 29. № 4. Pp. 494–502.
134. Fischer J. M., Ravizza M. Responsibility and control: a theory of moral responsibility. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 283 p.
135. Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34. № 10. Pp. 906–911.
136. Fodor J. A. A Theory of Content // A Theory of Content and Other Essays. Cambridge, MA : MIT Press, 1990. Pp. 51–89.
137. Fodor J. A. The Modularity of Mind. New York, NY : Penguin Random House LLC, 1983. 145 p.
138. Frankfurt H. Alternate possibilities and moral responsibility // The Journal of Philosophy. 1969. Vol. 66. № 23. Pp. 829–839.
139. Frankfurt H. The Problem of Action // American Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 15. № 2. Pp. 157–162.
140. Frankish K. Illusionism as a theory of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23. № 11–12. Pp. 11–39.
141. French C., Phillips I. Austerity and illusion // Philosophers Imprint. 2020. Vol. 20. № 15. Pp. 1–19.
142. Fried I., Mukamel R., Kreiman G. Internally Generated Preactivation of Single Neurons in Human Medial Frontal Cortex Predicts Volition // Neuron. 2011. Vol. 69. № 3. Pp. 548–562.
143. Frith C., Blakemore S. J., Wolpert D. M. Abnormalities in the awareness and control of action // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2000a. Vol. 355. № 1404. Pp. 1771–1788.
144. Frith C. D., Blakemore S. J., Wolpert D. M. Explaining the symptoms of schizophrenia: Abnormalities in the awareness of action // Brain Research Reviews. 2000b. Vol. 31. № 2–3. Pp. 357–363.

145. Frith C. D. The cognitive neuropsychology of schizophrenia. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1992. 225 p.
146. Frith C. Making up the mind: How the brain creates our mental world. Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell, 2007. 256 p.
147. Gallagher S. Multiple aspects in the sense of agency // *New Ideas in Psychology*. 2012. Vol. 30. № 1. Pp. 15–31.
148. Gallagher S. Philosophical conceptions of the self: Implications for cognitive science // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000. Vol. 4. № 1. Pp. 14–21.
149. Gallagher S., Zahavi D. The phenomenological mind: An introduction to philosophy of mind and cognitive science. London : Routledge, 2007. 244 p.
150. Gazzaniga M. S. Cerebral specialization and interhemispheric communication. Does the corpus callosum enable the human condition? // *Brain*. 2000. Vol. 123. № 7. Pp. 1293–1326.
151. Gazzaniga M. S., Sperry R. W. Language after section of the cortical commissures // *Brain*. 1967. Vol. 90. № 1. Pp. 131–148.
152. Gazzaniga M. S. Tales from both sides of the brain: A life in neuroscience. New York, NY : Ecco Press, 2015. 448 p.
153. Gazzaniga M. S. Who's in Charge? Free Will and the Science of the Brain. New York : HarperCollins Publishers, 2011. 260 p.
154. Georgieff N., Jeannerod M. Beyond Consciousness of External Reality: A “Who” System for Consciousness of Action and Self-Consciousness // *Consciousness and Cognition*. 1998. Vol. 7. № 3. Pp. 465–477.
155. Ginet C. An action can be both uncaused and up to the agent // *Intentionality, Deliberation and Autonomy: The Action-Theoretic Basis of Practical Philosophy* / eds. Lumer C., Nannini S. New York, NY : Routledge, 2007. Pp. 243–256.
156. Ginet C. On Action. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 172 p.
157. Glasscock J. P., Tenenbaum S. Action // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / eds. Zalta E. N., Nodelman U. 2023. URL:

- <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/action/> (дата обращения: 02.12.2024).
158. Goldman A. I. A Causal Theory of Knowing // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64. № 12. Pp. 357–372.
159. Goldman A. I. *A Theory of Human Action*. Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1970. 230 p.
160. Goldman A. I. Consciousness, Folk Psychology, and Cognitive Science // *Consciousness and Cognition*. 1993. Vol. 2. № 4. Pp. 364–382.
161. Goldman A. I. The Individuation of Action // *The Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68. № 21. Pp. 761–774.
162. Goldstein K. Zur Lehre von der motorischen Apraxie // *Journal für Psychologie und Neurologie*. 1908. Vol. 11. № 4. Pp. 169–187.
163. Google Scholar. URL: <https://scholar.google.com/> (дата обращения: 18.04.2024).
164. Graham G., Stephens G. Mind and mine // *Philosophical psychopathology* / eds. Graham G. L., Stephens G. Cambridge, MA : The MIT Press, 1994. Pp. 91–109.
165. Granger H. *Aristotle's Idea of the Soul*. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1996. 185 p.
166. Grünbaum T. The feeling of agency hypothesis: a critique // *Synthese*. 2015. Vol. 192. № 10. Pp. 3313–3337.
167. Grynszpan O., Sahaï A., Hamidi N., Pacherie E., Berberian B., Roche L., Saint-Bauzel L. The sense of agency in human-human vs human-robot joint action // *Consciousness and Cognition*. 2019. Vol. 75. P. 102820.
168. Guillot A., Collet C. Contribution from neurophysiological and psychological methods to the study of motor imagery // *Brain Research Reviews*. 2005. Vol. 50. № 2. Pp. 387–397.
169. Guillot A., Collet C. *The neurophysiological foundations of mental and motor imagery*. Oxford : Oxford University Press, 2012. 320 p.

170. Guillot A., Lebon F., Rouffet D., Champely S., Doyon J., Collet C. Muscular responses during motor imagery as a function of muscle contraction types // *International Journal of Psychophysiology*. 2007. Vol. 66. № 1. Pp. 18–27.
171. Haggard P., Clark S., Kalogeras J. Voluntary action and conscious awareness // *Nature Neuroscience*. 2002. Vol. 5. № 4. Pp. 382–385.
172. Haggard P. Conscious intention and motor cognition // *Trends in Cognitive Sciences*. 2005. Vol. 9. № 6. Pp. 290–295.
173. Haggard P., Eimer M. On the relation between brain potentials and the awareness of voluntary movements // *Experimental Brain Research*. 1999. Vol. 126. № 1. Pp. 128–133.
174. Haggard P. Human volition: Towards a neuroscience of will // *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. Vol. 9. № 12. Pp. 934–946.
175. Haggard P., Martin F., Taylor-Clarke M., Jeannerod M., Franck N. Awareness of action in schizophrenia // *NeuroReport*. 2003. Vol. 14. № 7. Pp. 1081–1085.
176. Haggard P. Sense of agency in the human brain // *Nature Reviews Neuroscience*. 2017. Vol. 18. Pp. 196–207.
177. Haggard P., Tsakiris M. The experience of agency: Feelings, judgments, and responsibility // *Current Directions in Psychological Science*. 2009. Vol. 18. № 4. Pp. 242–246.
178. Hall N. Two Concepts of Causation // *Causation and Counterfactuals* / ed. J. Collins, N. Hall L. A. P. Cambridge, MA : The MIT Press, 2004. Pp. 225–276.
179. Hallett M. Volitional control of movement: The physiology of free will // *Clinical Neurophysiology*. 2007. Vol. 118. № 6. Pp. 1179–1192.
180. Haselager P., Mecacci G., Wolkenstein A. Can BCIs Enlighten the Concept of Agency? A Plea for an Experimental Philosophy of Neurotechnology // *Clinical Neurotechnology meets Artificial Intelligence*. Cham : Springer, 2021. Pp. 55–68.
181. Haynes J. D. Beyond libet: Long-term prediction of free choices from neuroimaging signals // *Research and Perspectives in Neurosciences*. 2011. Vol. 18. Pp. 161–174.

182. Healey R. Nonseparable processes and causal explanation // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1994. Vol. 25. № 3. Pp. 337–374.
183. Hohwy J. The experience of mental causation // *Behavior and Philosophy*. 2004. Vol. 32. № 2. Pp. 377–400.
184. Holton R. How is Strength of Will Possible? // *Weakness of Will and Practical Irrationality* / eds. Stroud S., Tappolet C. Oxford : Oxford University Press, 2003. Pp. 39–67.
185. Hommel B. Acquisition and control of voluntary action // *Voluntary action: Brains, minds, and sociality*. 2003. Pp. 34–48.
186. Horgan T. Agentive phenomenal intentionality and the limits of introspection // *PSYCHE: An Interdisciplinary Journal of Research On Consciousness*. 2007. Vol. 13. № 1. Pp. 1–29.
187. Horgan T. E., Tienson J. L., Graham G. The Phenomenology of First-Person Agency // *Physicalism and Mental Causation* / eds. Walter S., Heckmann H. D. Exeter : Imprint Academic, 2003. Pp. 312–329.
188. Horgan T. E., Tienson J. L. The Intentionality of Phenomenology and the Phenomenology of Intentionality // *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings* / ed. Chalmers D. J. New York, NY : Oxford University Press USA, 2002. Pp. 520–533.
189. Horgan T. From Agentive Phenomenology to Cognitive Phenomenology: A Guide for the Perplexed // *Cognitive Phenomenology* / eds. Bayne T., Montague M. Oxford : Oxford University Press, 2012. Pp. 57–87.
190. Horgan T. The Phenomenology of Agency and Freedom: Lessons from Introspection and Lessons from Its Limits // *Humana Mente*. 2011. № 15. Pp. 77–97.
191. Horgan T., Tienson J. The Phenomenology of Embodied Agency // *The Explanation of Human Interpretation* / ed. Saagua J. J. Lisbon : Colibri, 2003. Pp. 415–424.
192. Horgan T., Woodward J. Folk Psychology is Here to Stay // *The Philosophical Review*. 1985. Vol. 94. № 2. Pp. 197–226.

193. Hornsby J. *Actions*. Milton Park : Routledge & Kegan Paul, 1980. 146 p.
194. Hornsby J. *Agency and actions* // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 2004. Vol. 55. Pp. 1–23.
195. Horst A. C. ter, Cole J., Lier R. van, Steenbergen B. The effect of chronic deafferentation on mental imagery: A case study // *PLoS ONE*. 2012. Vol. 7. № 8. P. e42742.
196. Hughes G., Desantis A., Waszak F. Mechanisms of intentional binding and sensory attenuation: The role of temporal prediction, temporal control, identity prediction, and motor prediction // *Psychological Bulletin*. 2013. Vol. 139. № 1. Pp. 133–151.
197. Hutto D., Ravenscroft I. *Folk Psychology as a Theory* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / eds. Zalta E. N., Nodelman U. 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/folkpsych-theory/> (дата обращения: 02.12.2024).
198. Imaizumi S., Tanno Y. Intentional binding coincides with explicit sense of agency // *Consciousness and Cognition*. 2019. Vol. 67. № 1. Pp. 1–15.
199. Inzlicht M., Shenhav A., Olivola C. Y. The Effort Paradox: Effort Is Both Costly and Valued // *Trends in Cognitive Sciences*. 2018. Vol. 22. № 4. Pp. 337–349.
200. Isaac J. Donald Davidson and the analytic revolution in American philosophy, 1940-1970 // *Historical Journal*. 2013. Vol. 56. № 3. Pp. 757–779.
201. Jackson P. L., Lafleur M. F., Malouin F., Richards C., Doyon J. Potential role of mental practice using motor imagery in neurologic rehabilitation // *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 2001. Vol. 82. № 8. Pp. 1133–1141.
202. James W. *The Principles of Psychology*, Vol. II. New York : Henry Holt and Company, 1905. 704 p.
203. Jastrow J. The Mind's Eye // *Popular Science Monthly*. 2006. Vol. 54. Pp. 299–312.
204. Jeannerod M. *Actions from within* // *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2004. Vol. 2. № 4. Pp. 376–402.
205. Jeannerod M. *Motor Cognition: What Actions Tell the Self*. Oxford : Oxford University Press, 2006a. 220 p.

206. Jeannerod M. Neural simulation of action: A unifying mechanism for motor cognition // *NeuroImage*. 2001. Vol. 14. № 1. Pp. 103–109.
207. Jeannerod M., Pacherie E. Agency, Simulation and Self-identification // *Mind and Language*. 2004. Vol. 19. № 2. Pp. 113–146.
208. Jeannerod M. The origin of voluntary action. History of a physiological concept // *Comptes Rendus - Biologies*. 2006b. Vol. 329. № 5–6. Pp. 354–362.
209. Jeannerod M. The representing brain: Neural correlates of motor intention and imagery // *Behavioral and Brain Sciences*. 1994. Vol. 17. № 2. Pp. 187–202.
210. Jo H. G., Hinterberger T., Wittmann M., Borghardt T. L., Schmidt S. Spontaneous EEG fluctuations determine the readiness potential: Is preconscious brain activation a preparation process to move? // *Experimental Brain Research*. 2013. Vol. 231. № 4. Pp. 495–500.
211. Jo H. G., Wittmann M., Borghardt T. L., Hinterberger T., Schmidt S. First-person approaches in neuroscience of consciousness: Brain dynamics correlate with the intention to act // *Consciousness and Cognition*. 2014. Vol. 26. № 1. Pp. 105–116.
212. Jorba M., Vicente A. Phenomenal contrast arguments: What they achieve // *Mind and Language*. 2020. Vol. 35. № 3. Pp. 350–367.
213. Joseph M. Donald Davidson. Montreal : McGill-Queen's University Press, 2004. 256 p.
214. Kagaya K., Takahata M. Readiness discharge for spontaneous initiation of walking in crayfish // *Journal of Neuroscience*. 2010. Vol. 30. № 4. Pp. 1348–1362.
215. Kammerer F. The illusion of conscious experience // *Synthese*. 2021. Vol. 198. № 1. Pp. 845–866.
216. Kane R. *The Significance of Free Will*. New York : Oxford University Press USA, 1996. 280 p.
217. Keller I., Heckhausen H. Readiness potentials preceding spontaneous motor acts: voluntary vs. involuntary control // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. 1990. Vol. 76. № 4. Pp. 351–361.

218. Kihlstrom J. F. Time to lay the Libet experiment to rest: Commentary on Papanicolaou (2017). // *Psychology of Consciousness: Theory Research, and Practice*. 2017. Vol. 4. № 3. Pp. 324–329.
219. Kirsch W., Pfister R., Kunde W. Spatial action-effect binding // *Attention, Perception, and Psychophysics*. 2016. Vol. 78. № 1. Pp. 133–142.
220. Knoblich G., Butterfill S., Sebanz N. Psychological research on joint action: Theory and data // *The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory* / ed. Ross B. H. Cambridge, MA : Elsevier Academic Press, 2011. Pp. 59–101.
221. Koch C. *Consciousness: Confessions of a romantic reductionist*. Cambridge, MA : The MIT Press, 2012. 181 p.
222. Kominsky J. F., Scholl B. J. Retinotopic adaptation reveals distinct categories of causal perception // *Cognition*. 2020. Vol. 203. Pp. 104339.
223. Koriat A. The Feeling of Knowing: Some Metatheoretical Implications for Consciousness and Control // *Consciousness and Cognition*. 2000. Vol. 9. № 2. Pp. 149–171.
224. Kornhuber H. H., Deecke L. Hirnpotentialänderungen bei willkürbewegungen und passiven bewegungen des menschen: Bereitschaftspotential und reafferente potentiale // *Pflügers Archiv für die gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere*. 1965. Vol. 284. Pp. 1–17.
225. Korsgaard C. M. Creating the Kingdom of Ends: Reciprocity and Responsibility in Personal Relations // *Philosophical Perspectives*. 1992. Vol. 6. Pp. 305–332.
226. Kranczioch C., Mathews S., Dean P. J. A., Sterr A. On the equivalence of executed and imagined movements: Evidence from lateralized motor and nonmotor potentials // *Human Brain Mapping*. 2009. Vol. 30. № 10. Pp. 3275–3286.
227. Kriegel U. Intentional inexistence and phenomenal intentionality // *Nous-Supplement: Philosophical Perspectives*. 2007. Vol. 21. № 1. Pp. 307–340.
228. Kriegel U. *The Oxford Handbook of: The Philosophy of Consciousness*. Oxford : Oxford University Press, 2020. 696 p.

229. Kriegel U. *The Varieties of Consciousness*. New York, NY : Oxford University Press, 2015. 296 p.
230. Kühn S., Brass M., Haggard P. Feeling in control: Neural correlates of experience of agency // *Cortex*. 2013. Vol. 49. № 7. Pp. 1935–1942.
231. Ladino L. D., Rizvi S., Téllez-Zenteno J. F. The Montreal procedure: The legacy of the great Wilder Penfield // *Epilepsy and Behavior*. 2018. Vol. 83. Pp. 151–161.
232. Lafargue G., Paillard J., Lamarre Y., Sirigu A. Production and perception of grip force without proprioception: Is there a sense of effort in deafferented subjects? // *European Journal of Neuroscience*. 2003. Vol. 17. № 12. Pp. 2741–2749.
233. Lau H. C., Rogers R. D., Haggard P., Passingham R. E. Attention to Intention // *Science*. 2004. Vol. 303. № 5661. Pp. 1208–1210.
234. Lau H. C., Rogers R. D., Passingham R. E. Manipulating the experienced onset of intention after action execution // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2007. Vol. 19. № 1. Pp. 81–90.
235. Lau H. C., Rogers R. D., Passingham R. E. On measuring the perceived onsets of spontaneous actions. // *The Journal of neuroscience*. 2006. Vol. 26. № 27. Pp. 7265–7271.
236. Lennon P. In Defense of Cognitive Phenomenology: Meeting the Matching Content Challenge // *Erkenntnis*. 2023. Vol. 88. № 6. Pp. 2391–2407.
237. Levine J. Materialism and Qualia: the Explanatory Gap // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1983. Vol. 64. № 4. Pp. 354–361.
238. Lewis C. I. *Mind and the World Order*. New York : Charles Scribner’s Sons, 1929. 446 p.
239. Lewis D. Causation // *The Journal of Philosophy*. 1973a. Vol. 70. № 17. Pp. 556–567.
240. Lewis D. Counterfactuals and Comparative Possibility // *Journal of Philosophical Logic*. 1973b. Vol. 2. № 4. Pp. 418–446.
241. Lhermitte F. “Utilization Behaviour” and Its Relation To Lesions of the Frontal Lobes // *Brain*. 1983. Vol. 106. № 2. Pp. 237–255.

242. Libet B. Benjamin Libet // *The History of Neuroscience in Autobiography* / ed. Squire L. R. Washington, DC : Society for Neuroscience, 1996. Pp. 414–453.
243. Libet B. Can Conscious Experience Affect Brain Activity? // *Journal of Consciousness Studies*. 2003. Vol. 10. № 12. Pp. 24–28.
244. Libet B. Do we have free will? // *Journal of Consciousness Studies*. 1999. Vol. 6. № 8–9. Pp. 47–57.
245. Libet B., Gleason C. A., Wright E. W., Pearl D. K. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential): The unconscious initiation of a freely voluntary act // *Brain*. 1983a. Vol. 106. № 3. Pp. 623–642.
246. Libet B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8. № 4. Pp. 529–539.
247. Libet B., Wright E. W., Gleason C. A. Preparation- or intention-to-act, in relation to pre-event potentials recorded at the vertex // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. 1983b. Vol. 56. № 4. Pp. 367–372.
248. Lissauer H. Ein Fall von Seelenblindheit nebst einem Beitrage zur Theorie derselben // *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten*. 1890. Vol. 21. № 2. Pp. 222–270.
249. Lorey B., Pilgramm S., Walter B., Stark R., Munzert J., Zentgraf K. Your mind's hand: Motor imagery of pointing movements with different accuracy // *NeuroImage*. 2010. Vol. 49. № 4. Pp. 3239–3247.
250. Lotze M., Flor H., Grodd W., Larbig W., Birbaumer N. Phantom movements and pain an fMRI study in upper limb amputees // *Brain*. 2001. Vol. 124. № 11. Pp. 2268–2277.
251. Lowe E. J. Action theory and ontology // *A Companion to the Philosophy of Action* / eds. O'Connor T., Sandis C. Singapore : Wiley-Blackwell, 2010. Pp. 3–9.
252. Lush P., Roseboom W., Cleeremans A., Scott R. B., Seth A. K., Dienes Z. Intentional binding as Bayesian cue combination: Testing predictions with trait individual differences // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2019. Vol. 45. № 9. Pp. 1206–1217.

253. Lycan W. Representational Theories of Consciousness // Stanford Encyclopedia of Philosophy / eds. Zalta E. N., Nodelman U. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/consciousness-representational/> (дата обращения: 02.12.2024).
254. Malpas J. Donald Davidson // Stanford Encyclopedia of Philosophy / eds. Zalta E. N., Nodelman U. 2023. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/davidson/> (дата обращения: 02.12.2024).
255. Maoz U., Yaffe G., Koch C., Mudrik L. Neural precursors of decisions that matter—an ERP study of deliberate and arbitrary choice // eLife. 2019. Vol. 8. P. e39787.
256. Marcel A. The Sense of Agency: Awareness and Ownership of Action // Agency and Self-Awareness: Issues in Philosophy and Psychology / eds. Roesler J., Eilan N. Oxford : Clarendon Press, 2003. Pp. 48–93.
257. Marshall R. Thinking About Mindreading, Mirroring and Embedded Cognition et al... // 3:AM Magazine. 2017. URL: <https://web.archive.org/web/20171229050322/http://www.3ammagazine.com/3am/thinking-about-mindreading-mirroring-and-embedded-cognition/> (дата обращения: 02.12.2024).
258. Matsushashi M., Hallett M. The timing of the conscious intention to move // European Journal of Neuroscience. 2008. Vol. 28. № 11. Pp. 2344–2351.
259. Mayr E. Understanding Human Agency. Oxford : Oxford University Press, 2012. 328 p.
260. McCann H. J. Individuating Actions: The Fine-Grained Approach // Canadian Journal of Philosophy. 1983. Vol. 13. № 4. Pp. 493–512.
261. McCann H. Volition and Basic Action // The Philosophical Review. 1974. Vol. 83. № 4. Pp. 451–473.

262. McFarland D. J., Sarnacki W. A., Wolpaw J. R. Electroencephalographic (EEG) control of three-dimensional movement // *Journal of Neural Engineering*. 2010. Vol. 7. № 3. P. 036007.
263. McKay W. B., Lim H. K., Priebe M. M., Stokic D. S., Sherwood A. M. Clinical Neurophysiological Assessment of Residual Motor Control in Post-Spinal Cord Injury Paralysis // *Neurorehabilitation and Neural Repair*. 2004. Vol. 18. № 3. Pp. 144–153.
264. McLaughlin B. P., Bennett K. Supervenience // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / eds. Zalta E. N., Nodelman U. 2023. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/supervenience/> (дата обращения: 02.12.2024).
265. Melden A. *Free Action*. London : Routledge, 1961. 239 p.
266. Mele A. Agency and mental action // *Philosophical Perspectives*. 1997. Vol. 11. Pp. 231–249.
267. Mele A. Free will: Action theory meets neuroscience // *Intentionality, Deliberation and Autonomy: The Action-Theoretic Basis of Practical Philosophy* / eds. Lumer C., Nannini S. Surrey : Ashgate Publishing, 2007. Pp. 257–272.
268. Mele A. Mental Action: A Case Study // *Mental Actions* / eds. O'Brien L., Soteriou M. Oxford : Oxford University Press, 2009a. Pp. 17–37.
269. Mele A. R. Deciding to act // *Philosophical Studies*. 2000. Vol. 100. № 1. Pp. 81–108.
270. Mele A. R. *Effective Intentions: The Power of Conscious Will*. New York, NY : Oxford University Press, 2009b. 208 p.
271. Mele A. R. Free Will: Theories, Analysis, and Data // *Does Consciousness Cause Behavior?* / eds. Pockett S., Banks W. P., Gallagher S. Cambridge, MA : The MIT Press, 2013. Pp. 186–205.
272. Mele A. R. *Motivation and Agency*. Oxford : Oxford University Press, 2002. 278 p.
273. Mele A. *Springs of Action: Understanding Intentional Behavior*. Oxford : Oxford University Press, 1992. 272 p.
274. Mele A. The Illusion of Conscious Will and the Causation of Intentional Actions // *Philosophical Topics*. 2004. Vol. 32. № 1–2. Pp. 193–213.

275. Menzies P. Counterfactual Theories of Causation // Stanford Encyclopedia of Philosophy / eds. Zalta E. N., Nodelman U. 2009. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2009/entries/causation-counterfactual/> (дата обращения: 02.12.2024).
276. Menzies P., Price H. Causation as a secondary quality // British Journal for the Philosophy of Science. 1993. Vol. 44. № 2. Pp. 187–203.
277. Metzinger T. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge, MA : The MIT Press, 2004. 699 p.
278. Metzinger T. K. The problem of mental action: Predictive control without sensory sheets // Philosophy and Predictive Processing: 19 / eds. Metzinger T., Wiese W. Frankfurt am Main : MIND Group, 2017. Pp. 1–26.
279. Metzinger T., Sebanz N., Prinz W. Conscious Volition and Mental Representation: Toward a More Fine-Grained Analysis // Disorders of volition. Cambridge, MA : The MIT Press, 2006. Pp. 19–48.
280. Meyer J. W., Jepperson R. L. The “actors” of modern society: The cultural construction of social agency // Sociological Theory. 2000. Vol. 18. № 1. Pp. 100–120.
281. Michotte A. La perception de la causalité. (Etudes Psychol.). Vol. VI. Leuven : Editions de l’Institut Supérieur de Philosophie, 1946. 296 p.
282. Miller J., Shepherdson P., Trevena J. Effects of clock monitoring on electroencephalographic activity: Is unconscious movement initiation an artifact of the clock? // Psychological Science. 2011. Vol. 22. № 1. Pp. 103–109.
283. Millikan R. G. Pushmi-Pullyu Representations // Philosophical Perspectives. 1995. Vol. 9. Pp. 185–200.
284. Mitchell D. Deviant causal chains // American Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 19. № 4. Pp. 351–353.
285. Montague M. The Given: Experience and its Content. Oxford : Oxford University Press, 2016. 250 p.

286. Moore J., Haggard P. Awareness of action: Inference and prediction // *Consciousness and Cognition*. 2008. Vol. 17. № 1. Pp. 136–144.
287. Moore J. W., Fletcher P. C. Sense of agency in health and disease: A review of cue integration approaches // *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21. № 1. Pp. 59–68.
288. Moore J. W., Obhi S. S. Intentional binding and the sense of agency: A review // *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21. № 1. Pp. 546–561.
289. Moore J. W., Wegner D. M., Haggard P. Modulating the sense of agency with external cues // *Consciousness and Cognition*. 2009. Vol. 18. № 4. Pp. 1056–1064.
290. Moore J. W. What is the sense of agency and why does it matter? // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. P. 1272.
291. Moors P., Wagemans J., De-Wit L. Causal events enter awareness faster than non-causal events // *PeerJ*. 2017. Vol. 2017. № 1. P. e2932.
292. Morris M. W., Peng K. Culture and Cause: American and Chinese Attributions for Social and Physical Events // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67. № 6. Pp. 949–971.
293. Mossel B. Action, Control and Sensations of Acting // *Philosophical Studies*. 2005. Vol. 124. № 2. Pp. 129–180.
294. Mossel B. Negative actions // *Philosophia*. 2009. Vol. 37. Pp. 307–333.
295. Mullins S., Spence S. A. Re-examining thought insertion: Semi-structured literature review and conceptual analysis // *British Journal of Psychiatry*. 2003. Vol. 182. Pp. 293–298.
296. Murakami M., Shteingart H., Loewenstein Y., Mainen Z. F. Distinct Sources of Deterministic and Stochastic Components of Action Timing Decisions in Rodent Frontal Cortex // *Neuron*. 2017. Vol. 94. № 4. Pp. 908–919.
297. Murakami M., Vicente M. I., Costa G. M., Mainen Z. F. Neural antecedents of self-initiated actions in secondary motor cortex // *Nature Neuroscience*. 2014. Vol. 17. № 11. Pp. 1574–1582.

298. Mylopoulos M. I. Agentive awareness is not sensory awareness // *Philosophical Studies*. 2015. Vol. 172. № 3. Pp. 761–780.
299. Mylopoulos M. I., Shepherd J. The experience of agency // *The Oxford Handbook of the Philosophy of Consciousness* / ed. Kriegel U. Oxford : Oxford University Press, 2020. Pp. 164–187.
300. Mylopoulos M., Pacherie E. Intentions: The dynamic hierarchical model revisited // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. 2019. Vol. 10. № 2. P. e1481.
301. Näätänen R. Brain physiology and the unconscious initiation of movements // *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8. № 4. Pp. 549.
302. Nagel T. *The View from Nowhere*. New York, NY : Oxford University Press, 1986. 244 p.
303. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // *The Philosophical Review*. 1974. Vol. 83. № 4. Pp. 435–450.
304. Nahmias E. Is free will an illusion? Confronting challenges from the modern mind sciences // *Moral Psychology*. 2014. Vol. 4: Free Will And Moral Responsibility. Pp. 1–26.
305. Nahmias E., Morris S., Nadelhoffer T., Turner J. The phenomenology of free will // *Journal of Consciousness Studies*. 2004. Vol. 11. № 7–8. Pp. 162–179.
306. Nahmias E., Shepard J., Reuter S. It’s OK if “my brain made me do it”: People’s intuitions about free will and neuroscientific prediction // *Cognition*. 2014. Vol. 133. № 2. Pp. 502–516.
307. Nahmias E. When consciousness matters: A critical review of Daniel Wegner’s *The illusion of conscious will* // *Philosophical Psychology*. 2002. Vol. 15. № 4. Pp. 527–541.
308. Nanay B. *Perceptual Phenomenology* // *Philosophical Perspectives*. 2012. Vol. 26. № 1. Pp. 235–246.
309. Navon D. How plausible is it that conscious control is illusory? // *American Journal of Psychology*. 2014. Vol. 127. № 2. Pp. 147–155.

310. Neafsey E. J. Conscious intention and human action: Review of the rise and fall of the readiness potential and Libet's clock // *Consciousness and Cognition*. 2021. Vol. 94. P. 103171.
311. Nes A., Sundberg K., Watzl S. The perception/cognition distinction // *Inquiry*. 2023. Vol. 66. № 2. Pp. 165–195.
312. Nida-Rümelin M. Doings and subject causation // *Erkenntnis*. 2007. Vol. 67. № 2. Pp. 255–272.
313. Nikulin V. V., Hohlefeld F. U., Jacobs A. M., Curio G. Quasi-movements: A novel motor-cognitive phenomenon // *Neuropsychologia*. 2008. Vol. 46. № 2. Pp. 727–742.
314. Nisbett R. E., Wilson T. D. Telling more than we can know: Verbal reports on mental processes // *Psychological Review*. 1977. Vol. 84. № 3. Pp. 231–259.
315. Nolan D. *Topics in the Philosophy of Possible Worlds*. New York, NY : Routledge, 2002. 228 p.
316. Nougier V., Bard C., Fleury M., Teasdale N., Cole J., Forget R., Paillard J., Lamarre Y. Control of single-joint movements in deafferented patients: Evidence for amplitude coding rather than position control // *Experimental Brain Research*. 1996. Vol. 109. № 3. Pp. 473–482.
317. Oakes L. M. Development of Infants' Use of Continuity Cues in Their Perception of Causality // *Developmental Psychology*. 1994. Vol. 30. № 6. Pp. 869–879.
318. Obhi S. S., Hall P. Sense of agency in joint action: Influence of human and computer co-actors // *Experimental Brain Research*. 2011. Vol. 211. № 3–4. Pp. 663–670.
319. O'Connor T. Agent causation // *Agents, Causes, and Events: Essays on Indeterminism and Free Will* / ed. O'Connor T. Oxford : Oxford University Press, 1995. Pp. 61–79.
320. O'Connor T. *Persons and Causes: The Metaphysics of Free Will*. Oxford : Oxford University Press, 2000. 160 p.

321. Ofner P., Schwarz A., Pereira J., Wyss D., Wildburger R., Müller-Putz G. R. Attempted Arm and Hand Movements can be Decoded from Low-Frequency EEG from Persons with Spinal Cord Injury // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9. № 1. P. 7134.
322. Oizumi M., Albantakis L., Tononi G. From the Phenomenology to the Mechanisms of Consciousness: Integrated Information Theory 3.0 // *PLoS Computational Biology*. 2014. Vol. 10. № 5. P. e1003588.
323. O’Shaughnessy B. Observation and the Will // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 60. № 14. Pp. 367–392.
324. O’Shaughnessy B. *The Will: A Dual Aspect Theory*, Vol. 2. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 617 p.
325. O’Shaughnessy B. Trying (As the Mental “Pineal Gland”) // *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. № 13. Pp. 365–386.
326. *Oxford English Dictionary on CD-ROM 4.0 2nd Edition* / eds. Simpson, John, Weiner E. Oxford : Oxford University Press, 2009.
327. Pacherie E. How does it feel to act together? // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2014. Vol. 13. № 1. Pp. 25–46.
328. Pacherie E. Intentional joint agency: Shared intention lite // *Synthese*. 2013. Vol. 190. № 10. Pp. 1817–1839.
329. Pacherie E. The anarchic hand syndrome and utilization behavior: A window onto agentic self-awareness // *Functional Neurology*. 2007a. Vol. 22. № 4. Pp. 211–217.
330. Pacherie E. *The Phenomenology of Joint Action: Self-Agency versus Joint Agency* // *Joint Attention: New Developments* / ed. Seemann A. Cambridge, MA : The MIT Press, 2012. Pp. 343–389.
331. Pacherie E. The sense of control and the sense of agency // *Psyche: An Interdisciplinary Journal of Research on Consciousness*. 2007b. Vol. 13. Pp. 1–30.
332. Pacherie E. Towards a dynamic theory of intentions // *Does Consciousness Cause Behavior? An Investigation of the Nature of Volition* / eds. Pockett S., Banks W. P., Gallagher S. Cambridge, MA : MIT Press, 2006. Pp. 145–167.

333. Parés-Pujolràs E., Kim Y. W., Im C. H., Haggard P. Latent awareness: Early conscious access to motor preparation processes is linked to the readiness potential // *NeuroImage*. 2019. Vol. 202. Pp. 116140.
334. Parsons L. M., Fox P. T., Downs J. H., Glass T., Hirsch T. B., Martin C. C., Jerabek P. A., Lancaster J. L. Use of implicit motor imagery for visual shape discrimination as revealed by PET // *Nature*. 1995. Vol. 375. № 6526. Pp. 54–58.
335. Passingham R. E., Bengtsson S. L., Lau H. C. Medial frontal cortex: from self-generated action to reflection on one's own performance // *Trends in Cognitive Sciences*. 2010. Vol. 14. № 1. Pp. 16–21.
336. Paul S. K. *Philosophy of Action: a Contemporary Introduction*. New York, NY : Routledge, 2021. 178 p.
337. Pautz A. Why Explain Visual Experience in Terms of Content? // *Perceiving the World* / ed. Nanay B. Oxford : Oxford University Press, 2011. Pp. 254–309.
338. Payton J. D. *Negative Actions*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 238 p.
339. Peacocke A. Mental action // *Philosophy Compass*. 2021. Vol. 16. № 6. P. e12741.
340. Peacocke C. Deviant Causal Chains // *Midwest Studies In Philosophy*. 1979. Vol. 4. № 1. Pp. 123–155.
341. Peacocke C. *Sense and Content: Experience, Thought & Their Relations*. Oxford : Clarendon Press, 1983. 221 p.
342. Pelley S., Cetta D. S. Breakthrough: Robotic limbs moved by the mind / Pelley S., Cetta D. S. // *60 Minutes*. 2012. Pp. 14–15.
343. Penfield W. The excitable cortex in conscious man // *The Excitable Cortex in Conscious Man (The Sherrington Lectures)*. Springfield, IL : Charles C Thomas Publisher, 1958. Pp. 7–20.
344. PhilPeople: Kent Bach. URL: <https://philpeople.org/profiles/kent-bach> (дата обращения: 15.04.2024).
345. Pitt D. The Phenomenology of Cognition Or What Is It Like to Think That P? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2004. Vol. 69. № 1. Pp. 1–36.

346. Pockett S., Banks W. P., Gallagher S. Does consciousness cause behavior? Cambridge, MA : The MIT Press, 2006. 376 p.
347. Pockett S., Miller A. The rotating spot method of timing subjective events // *Consciousness and Cognition*. 2007. Vol. 16. № 2. Pp. 241–254.
348. Posner M. I. Orienting of attention. // *The Quarterly journal of experimental psychology*. 1980. Vol. 32. № 1. Pp. 3–25.
349. Prinz J. All consciousness is perceptual // *Contemporary Debates in Philosophy of Mind* / eds. McLaughlin B. P., Cohen J. Malden, MA : Blackwell, 2007. Pp. 335–356.
350. Prinz J. J., Bayne T., Montague M. The Sensory Basis of Cognitive Phenomenology // *Cognitive Phenomenology*. Oxford : Oxford University Press, 2012. Pp. 174–196.
351. Proust J. A plea for mental acts // *Synthese*. 2001. Vol. 129. № 1. Pp. 105–128.
352. Pyasik M., Burin D., Pia L. On the relation between body ownership and sense of agency: A link at the level of sensory-related signals // *Acta Psychologica*. 2018. Vol. 185. Pp. 219–228.
353. Rainey S., Maslen H., Savulescu J. When Thinking is Doing: Responsibility for BCI-Mediated Action // *AJOB Neuroscience*. 2020. Vol. 11. № 1. Pp. 46–58.
354. Ramachandran V. S., Rodgers-Ramachandran D. Synaesthesia in phantom limbs induced with mirrors // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 1996. Vol. 263. № 1369. Pp. 377–386.
355. Ramachandran V. S. The Zombie Within // *New Scientist*. 1998. Pp. 32.
356. Raś M., Nowik A. M., Klawiter A., Króliczak G. When is the brain ready for mental actions? Readiness potential for mental calculations // *Acta Neurobiologiae Experimentalis*. 2019. Vol. 79. № 4. Pp. 386–398.
357. Rey G. Remembering Jerry Fodor and his work // *Mind and Language*. 2018. Vol. 33. № 4. Pp. 321–341.
358. Rigoni D., Wilquin H., Brass M., Burle B. When errors do not matter: Weakening belief in intentional control impairs cognitive reaction to errors // *Cognition*. 2013. Vol. 127. № 2. Pp. 264–269.

359. Rips L. J. Causation from perception // *Perspectives on Psychological Science*. 2011. Vol. 6. № 1. Pp. 77–97.
360. Rose D., Buckwalter W., Nichols S. Neuroscientific Prediction and the Intrusion of Intuitive Metaphysics // *Cognitive Science*. 2017. Vol. 41. № 2. Pp. 482–502.
361. Rosenbaum D. A. *Human Motor Control*. Cambridge, MA : Academic Press, 2009. 505 p.
362. Rosenthal D. M. Two concepts of consciousness // *Philosophical Studies*. 1986. Vol. 49. № 3. Pp. 329–359.
363. Roskies A. L. Why Libet’s Studies Don’t Pose a Threat to Free Will // *Conscious Will and Responsibility: A Tribute to Benjamin Libet* / eds. Sinnott-Armstrong W., Nadel L. Oxford : Oxford University Press, 2010. Pp. 11–22.
364. Roskies A. Neuroscientific challenges to free will and responsibility // *Trends in Cognitive Sciences*. 2006. Vol. 10. № 9. Pp. 419–423.
365. Ross H. E., Bischof K. Wundt’s views on sensations of innervation: A reevaluation // *Perception*. 1981. Vol. 10. № 3. Pp. 319–329.
366. Rothwell J. C., Traub M. M., Day B. L., Obeso J. A., Thomas P. K., Marsden C. D. Manual motor performance in a deafferented man // *Brain*. 1982. Vol. 105. № 3. Pp. 515–542.
367. Rowlands M. J. *Body language: Representation in action*. Cambridge, MA : The MIT Press, 2006. 242 p.
368. Ryle G. *The Concept of Mind*. London : Hutchinson & Co, 1949. 334 p.
369. Sahai A., Desantis A., Grynszpan O., Pacherie E., Berberian B. Action co-representation and the sense of agency during a joint Simon task: Comparing human and machine co-agents // *Consciousness and Cognition*. 2019. Vol. 67. Pp. 44–55.
370. Saigle V., Dubljević V., Racine E. The Impact of a Landmark Neuroscience Study on Free Will: A Qualitative Analysis of Articles Using Libet and Colleagues’ Methods // *AJOB Neuroscience*. 2018. Vol. 9. № 1. Pp. 29–41.

371. Saito N., Takahata K., Murai T., Takahashi H. Discrepancy between explicit judgement of agency and implicit feeling of agency: Implications for sense of agency and its disorders // *Consciousness and Cognition*. 2015. Vol. 37. Pp. 1–7.
372. Salmela M., Nagatsu M. How does it really feel to act together? Shared emotions and the phenomenology of we-agency // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2017. Vol. 16. № 3. Pp. 449–470.
373. Sandis C., O'Connor T. Introduction // *A Companion to the Philosophy of Action* / eds. O'Connor T., Sandis C. Singapore : Wiley-Blackwell, 2010. Pp. xxi–xxii.
374. Sanford P., Lawson A. L., King A. N., Major M. Libet's intention reports are invalid: A replication of Dominik et al. (2017) // *Consciousness and Cognition*. 2020. Vol. 77. Pp. 102836.
375. Schlegel A., Alexander P., Sinnott-Armstrong W., Roskies A., Tse P. U., Wheatley T. Hypnotizing Libet: Readiness potentials with non-conscious volition // *Consciousness and Cognition*. 2015. Vol. 33. Pp. 196–203.
376. Schlosser M. E. Agency // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / eds. Zalta E. N., Nodelman U. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/agency/> (дата обращения: 02.12.2024).
377. Schlosser M. E. Agency, Ownership, and the Standard Theory // *New Waves in Philosophy of Action* / eds. Aguilar J. H., Buckareff A. A., Frankish K. New York, NY : Palgrave Macmillan, 2011. Pp. 13–31.
378. Schmidt L., Lebreton M., Cléry-Melin M. L., Daunizeau J., Pessiglione M. Neural mechanisms underlying motivation of mental versus physical effort // *PLoS Biology*. 2012. Vol. 10. № 2. Pp. e1001266.
379. Scholl B. J., Nakayama K. Causal capture: Contextual effects on the perception of collision events // *Psychological Science*. 2002. Vol. 13. № 6. Pp. 493–498.
380. Schurger A., Sitt J. D., Dehaene S. An accumulator model for spontaneous neural activity prior to self-initiated movement // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2012. Vol. 109. № 42. Pp. 2904–2913.

381. Schurger A., Uithol S. Nowhere and Everywhere: The Causal Origin of Voluntary Action // *Review of Philosophy and Psychology*. 2015. Vol. 6. № 4. Pp. 761–778.
382. Schwitzgebel E. The unreliability of naive introspection // *Philosophical Review*. 2008. Vol. 117. № 2. Pp. 245–273.
383. Searle J. *Intentionality — An Essay in the Philosophy of Mind*. New York : Cambridge University Press, 1983. 278 p.
384. Searle J. The intentionality of intention and action // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 1979. Vol. 22. № 1–4. Pp. 253–280.
385. Searle J. *The Rediscovery of the Mind*. Cambridge, MA : The MIT Press, 1992. 270 p.
386. Sebanz N., Knoblich G., Prinz W. Representing others' actions: Just like one's own? // *Cognition*. 2003. Vol. 88. № 3. Pp. 11–21.
387. Seemann A. Joint agency: Intersubjectivity, sense of control, and the feeling of trust // *Inquiry*. 2009. Vol. 52. № 5. Pp. 500–515.
388. Sellars W. Action and Events // *Noûs*. Vol. 7. № 2. Pp. 179–202.
389. Shea N. *Representation in Cognitive Science*. Oxford : Oxford University Press, 2018. 304 p.
390. Shenhav A., Musslick S., Lieder F., Kool W., Griffiths T. L., Cohen J. D., Botvinick M. M. Toward a Rational and Mechanistic Account of Mental Effort // *Annual Review of Neuroscience*. 2017. Vol. 40. Pp. 99–124.
391. Shepherd J. Conscious action/zombie action // *Nous*. 2016. Vol. 50. № 2. Pp. 419–444.
392. Sher G. *A wild west of the mind*. Oxford : Oxford University Press, 2021. 136 p.
393. Shergill S. S., Samson G., Bays P. M., Frith C. D., Wolpert D. M. Evidence for sensory prediction deficits in schizophrenia // *American Journal of Psychiatry*. 2005. Vol. 162. № 12. Pp. 2384–2386.
394. Shishkin S. L. Active Brain-Computer Interfacing for Healthy Users // *Frontiers in Neuroscience*. 2022. Vol. 16. P. 859887.

395. Shoemaker D. Introduction // Oxford Studies in Agency and Responsibility. Oxford : Oxford University Press, 2015. Pp. 1–6.
396. Simon J., Wolf J. D. Choice Reaction Time As A Function Of Angular Stimulus-Response Correspondence And Age // Ergonomics. 1963. Vol. 6. № 1. Pp. 99–105.
397. Sirigu A., Daprati E., Ciancia S., Giraux P., Nighoghossian N., Posada A., Haggard P. Altered awareness of voluntary action after damage to the parietal cortex // Nature Neuroscience. 2004. Vol. 7. № 1. Pp. 80–84.
398. Snoeys L., Vanhoof G., Manders E. Living with locked-in syndrome: an explorative study on health care situation, communication and quality of life // Disability and Rehabilitation. 2013. Vol. 39. № 9. Pp. 713–718.
399. Soon C. S., Brass M., Heinze H. J., Haynes J. D. Unconscious determinants of free decisions in the human brain // Nature Neuroscience. 2008. Vol. 11. № 5. Pp. 543–545.
400. Soon C. S., He A. H., Bode S., Haynes J. D. Predicting free choices for abstract intentions // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110. № 15. Pp. 6217–6222.
401. Steinert S., Bublitz C., Jox R., Friedrich O. Doing Things with Thoughts: Brain-Computer Interfaces and Disembodied Agency // Philosophy and Technology. 2019. Vol. 32. № 3. Pp. 457–482.
402. Stenzel A., Chinellato E., Bou M. A. T., Del Pobil Á. P., Lappe M., Liepelt R. When humanoid robots become human-like interaction partners: Corepresentation of robotic actions // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2012. Vol. 38. № 5. Pp. 1073–1077.
403. Stich S. P. From folk psychology to cognitive science: The case against belief. Cambridge, MA : The MIT Press, 1983. 280 p.
404. Stout R. Deviant causal chains // A Companion to the Philosophy of Action / eds. O'Connor T., Sandis C. Singapore : Wiley-Blackwell, 2010. Pp. 159–165.
405. Strawson G. Freedom and Belief. Oxford : Oxford University Press, 1986. 339 p.

406. Strawson G. Mental ballistics or the involuntariness of spontaneity // Proceedings of the Aristotelean Society. 2003. Vol. 103. Pp. 227–256.
407. Strawson G. Mental Reality. Cambridge, MA : The MIT Press, 1994. 337 p.
408. Suzuki K., Lush P., Seth A. K., Roseboom W. Intentional Binding Without Intentional Action // Psychological Science. 2019. Vol. 30. № 6. Pp. 842–853.
409. Synofzik M., Vosgerau G., Newen A. Beyond the comparator model: A multifactorial two-step account of agency // Consciousness and Cognition. 2008. Vol. 17. № 1. Pp. 219–239.
410. Synofzik M., Vosgerau G., Voss M. The experience of agency: An interplay between prediction and postdiction // Frontiers in Psychology. 2013. Vol. 4. P. 127.
411. Székely M., Michael J. The Sense of Effort: a Cost-Benefit Theory of the Phenomenology of Mental Effort // Review of Philosophy and Psychology. 2021. Vol. 12. № 4. Pp. 889–904.
412. Taber's Cyclopedic Medical Dictionary, 23rd ed. / ed. Venes D. Philadelphia, PA : F.A. Davis Co., 2017. 2753 p.
413. Tanaka T., Matsumoto T., Hayashi S., Takagi S., Kawabata H. What Makes Action and Outcome Temporally Close to Each Other: A Systematic Review and Meta-Analysis of Temporal Binding // Timing and Time Perception. 2019. Vol. 7. № 3. Pp. 189–218.
414. Taylor R. The stream of thoughts versus mental acts // Philosophical Quarterly. 1963. Vol. 13. № 53. Pp. 311–321.
415. Teasdale N., Forget R., Bard C., Paillard J., Fleury M., Lamarre Y. The role of proprioceptive information for the production of isometric forces and for handwriting tasks // Acta Psychologica. 1993. Vol. 82. № 1–3. Pp. 179–191.
416. Thalberg I. Mental activity and passivity // Mind. 1978. Vol. 87. № 3. Pp. 376–395.
417. Thompson M. Life and Action: Elementary Structures of Practice and Practical Thought. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2008. 223 p.

418. Thomson J. J. Individuating Actions // *The Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68. № 21. Pp. 774–781.
419. Tononi G. Consciousness as integrated information: A provisional manifesto // *Biological Bulletin*. 2008. Vol. 215. № 3. Pp. 216–242.
420. Trevena J., Miller J. Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation // *Consciousness and Cognition*. 2010. Vol. 19. № 1. Pp. 447–456.
421. Tye M. *Consciousness, Color, and Content*. Cambridge, MA : The MIT Press, 2002. 214 p.
422. Tye M. *Ten problems of consciousness: A representational theory of the phenomenal mind*. Cambridge, MA : The MIT Press, 1995. 248 p.
423. Uithol S., Burnston D. C., Haselager P. Why we may not find intentions in the brain // *Neuropsychologia*. 2014. Vol. 56. № 1. Pp. 129–139.
424. Ure J., Faccio E., Videla H., Caccuri R., Giudice F., Ollari J., Diez M. Akinetic mutism: A report of three cases // *Acta Neurologica Scandinavica*. 1998. Vol. 98. № 6. Pp. 439–444.
425. Van Wagenen W. P., Herren R. Y. Surgical division of commissural pathways in the corpus callosum: Relation to spread of an epileptic attack // *Archives of Neurology And Psychiatry*. 1940. Vol. 44. № 4. Pp. 740–759.
426. Velleman J. D. What happens when someone acts? // *Mind*. 1992. Vol. 101. № 403. Pp. 461–481.
427. Vendler Z. Verbs and Times // *The Philosophical Review*. 1957. Vol. 66. № 2. Pp. 143–160.
428. Verbaarschot C., Haselager P., Farquhar J. Detecting traces of consciousness in the process of intending to act // *Experimental Brain Research*. 2016. Vol. 234. № 7. Pp. 1945–1956.
429. Vidal J. J. Toward direct brain-computer communication. // *Annual review of biophysics and bioengineering*. 1973. Vol. 2. Pp. 157–180.

430. Vosgerau G., Synofzik M. Weighting models and weighting factors // *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21. № 1. Pp. 55–58.
431. Voss M., Moore J., Hauser M., Gallinat J., Heinz A., Haggard P. Altered awareness of action in schizophrenia: A specific deficit in predicting action consequences // *Brain*. 2010. Vol. 133. № 10. Pp. 3104–3112.
432. Wakefield J. C., Dreyfus H. L. Intentionality and the phenomenology of action // *John Searle and His Critics / eds. Ernest L., Van Gulick R.* Cambridge : Blackwell, 1991. Pp. 259–271.
433. Webster M. A. Visual Adaptation. // *Annual Review of Vision Science*. 2016. Vol. 1. Pp. 547–567.
434. Wegner D. M. Précis of the illusion of conscious will // *Behavioral and Brain Sciences*. 2004. Vol. 27. № 5. Pp. 649–659.
435. Wegner D. M. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA : The MIT Press, 2002. 405 p.
436. Wegner D. M., Wheatley T. Apparent mental causation: Sources of the experience of will // *American Psychologist*. 1999. Vol. 54. № 7. Pp. 480–492.
437. Wenke D., Fleming S. M., Haggard P. Subliminal priming of actions influences sense of control over effects of action // *Cognition*. 2010. Vol. 115. № 1. Pp. 26–38.
438. White P. A., Milne A. Phenomenal causality: Impressions of pulling in the visual perception of objects in motion // *American Journal of Psychology*. 1997. Vol. 110. № 4. Pp. 573–602.
439. Williamson J. Causal pluralism versus epistemic causality // *Philosophica*. 2006. Vol. 77. Pp. 69–96.
440. Williamson T. *Armchair philosophy* // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2019. Vol. 56. № 2. Pp. 19–25.
441. Williamson T. *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford : Oxford University Press, 2018. 176 p.
442. Williamson T. *Knowledge and its Limits*. Oxford : Oxford University Press, 2002. 340 p.

443. Wilson T. D. Strangers to ourselves: Discovering the Adaptive Unconscious. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2002. 262 p.
444. Wittgenstein L. Notizbuch I // The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle: Ludwig Wittgenstein and Friedrich Waismann / ed. Baker G. London : Routledge, 2003. Pp. 85–277.
445. Wolpaw J. R., Birbaumer N., Heetderks W. J., McFarland D. J., Peckham P. H., Schalk G., Donchin E., Quatrano L. A., Robinson C. J., Vaughan T. M. Brain-computer interface technology: A review of the first international meeting // IEEE Transactions on Rehabilitation Engineering. 2000. Vol. 8. № 2. Pp. 164–173.
446. Wolpaw J. R., McFarland D. J., Neat G. W., Forneris C. A. An EEG-based brain-computer interface for cursor control // Electroencephalography and Clinical Neurophysiology. 1991. Vol. 78. № 3. Pp. 252–259.
447. Wolpe N., Rowe J. B. Beyond the “urge to move”: Objective measures for the study of agency in the post-Libet era // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. Vol. 8. Pp. 450.
448. Woodward J. Making Things Happen: A Theory of Causal Explanation. Oxford : Oxford University Press, 2004. 418 p.
449. Wu W. Attention as Selection for Action // Attention: Philosophical and Psychological Essays / eds. Mole C., Smithies D., Wu W. New York, NY : Oxford University Press, 2011. Pp. 97–116.
450. Wundt W. Lectures on Human and Animal Psychology. New York, NY : Routledge, 2014. 459 p.
451. Yashin A. S. A Challenge for Bringing a BCI Closer to Motor Control: The “Interface Uncanny Valley” Hypothesis // 2023 IEEE Ural-Siberian Conference on Computational Technologies in Cognitive Science, Genomics and Biomedicine (CSGB). IEEE, 2023. Pp. 242–247.
452. Yashin A. S., Shishkin S. L., Vasilyev A. N. Is there a continuum of agentic awareness across physical and mental actions? The case of quasi-movements // Consciousness and Cognition. 2023. Vol. 112. P. 103531.

453. Yashin A. S., Zhao D. G., Stolyarova A. N., Moscowsky A. D., Yakovlev D. S., Nazhestkin I. A., Shishkin S. L., Dubynin I. A. Subjective Distance Estimates and Sense of Agency in Robotic Wheelchair Control // *Applied Sciences*. 2022. Vol. 12. № 12. P. 6217.
454. Yeul Bae G., Flombaum J. I. Amodal causal capture in the tunnel effect // *Perception*. 2011. Vol. 40. № 1. Pp. 74–90.
455. Zeki S. Cerebral akinetopsia (visual motion blindness): A review // *Brain*. 1991. Vol. 114. № 2. Pp. 811–824.